

Тайна спасения

КАК СПАСТИ
СВОЮ ДУШУ

И

ИЗБАВИТЬСЯ
ОТ ВСЯКОЙ

СКОРБИ,
ГНЕВА

И

НУЖДЫ

прп. Евдокия

свт. Донат

свт. Афанасий
Александрийский

Ангел Хранитель

мц. Наталья

св. Игнатий
Богомолец

Ангел Хранитель

За грехи посылается печали,
за грехи — беспокойство,
за грехи — войны,
за грехи — болезни и все
тяжелые страдания,
какие только с нами не случаются.

Свт. Иоанн Златоуст

ΤΕΓ ΟΑΚΟ
ΣΙΗ ΛΥΘ
ΤΟΥ ΕΜΙΣ
ΕΚΟΣ ΠΕΡΙ
ΜΕΤ

Тайна спасения

как спасти свою душу
и избавиться от всякой скорби,
гнева и нужды

«Ковчег»
Москва
2011

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви**

**Тайна спасения. Советы и наставления ищущим
спасения. — М.: «Ковчег», 2011. — 464 с.**

ISBN 5-98317-069-4

ЛР № 065821 от 15.04.98.

Подписано в печать 20.04.11. Формат 84×108^{1/32}.

Печать офсетная. Бумага газетная.

Объем 16 п. л. Усл. печ. л. 26,24. Гарнитура «Ньютон».

Тираж 5000 экз. Заказ № 2104.

Издательство «Ковчег».

Москва, ул. Б. Ордынка, 7

**Оптовая и розничная
книжная торговля**

Москва: (495) 689-11-00

Санкт-Петербург: (812) 336-21-98

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ОАО «Дом печати—ВЯТКА».

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>

e-mail: pto@gipp.kirov.ru

© Набор, верстка, оформление «Ковчег», 2006

© Составление монахиня Иоанна (Александрова)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
-------------------	---

РАЗДЕЛ I

ТЕМА 1. Тайна спасения — учение святых отцов Церкви о молитве Иисусовой	23
О прелести	30
Три образа молитвы	41
Борьба с помыслами	45
Как спастись?	48
О силе молитвы	61
Воображение и память	63
Избегать тревог и смятений	64
ТЕМА 2. Борьба со страстями	70
О гордости	70
О злословии и клевете	71
О памятозлобии	71
О безгневию и кротости	72
О многословии и молчании	74
О целомудрии и чистоте	75
Об унынии	75
Об осуждении	77
ТЕМА 3. Духовная брань	78
О воздержании	79
Чистота ума и чистота сердца	84

Когда падаешь	86
Нельзя полагаться на себя и верить самим себе	91
Чрезмерная печаль не является добродетелью	93
Наставления святых преподобных отцов Варсанофия и Иоанна	95
Антихрист	98
Путь христианина	99
Целомудренный Иосиф	101
Во всем рука Божия	102
ТЕМА 4. Истинный путь спасения	106
Воскресение души	106
О возможности заниматься умной молитвой в миру	126
Сущность покаяния. Умное делание начинается с покаяния	130
Благодатное влияние умной молитвы на всего человека	140
Правильность в молитве	141
Внимание	142
Искушения	143
ТЕМА 5. Духовный опыт афонского подвижничества (Изречения)	152
ТЕМА 6. Трезвенное созерцание	175
Об умной и сердечной молитве и о том, как эта умная и сердечная молитва наголову разбивает демонов и тут же их пожигает	176

О том, как посредством умной молитвы с умилением испытывать всякое видение, всякий помысл, которые, как кажется, от Бога или от демонов	177
О сокрушении сердца, которое бичует демонов сильнее любого тягчайшего наказания, быстро пожигая, как хворост, все их хитросплетения	186
О том, какой духовной благодати сподобляется в душе и какую силу на диавола и помощь получает тот человек, который молится ко Христу умно и непрестанно, с чистой совестью, то есть говорит своим умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного»	195
О том, как можно достичь высшего и совершеннейшего образа умной молитвы и как можно изгнать из себя демонов страха, которые сильно устрашают подвижника в ночное время, когда он пожелает помолиться или когда пожелает пойти один в полночь в какую-либо пещеру или в какую-либо пустынь, чтобы предстоять Богу в тишине	210

РАЗДЕЛ II

ТЕМА 1. Учение об истинной Церкви	218
Церковная организация и церковный организм	218
Церковь есть Царство Божие на земле	227
Отношение христиан к смерти	238
ТЕМА 2. Духовничество и послушание	240
О жительстве в послушании у старца	240

О жительстве по совету	246
Советы из писем к пастырям и ученикам	253
ТЕМА 3. О непрестанном причастии святых Христовых Таин	
Христовых Таин	263
О том, что православным христианам необходимо часто причащаться Божественного Тела и Крови нашего Господа	264
О том, что полезно и спасительно частое причащение святых таин	282
О том, что если кто медлит причащаться, то доставляет себе этим большой вред	299
<i>Возражение 1</i>	306
<i>Возражение 2</i>	309
<i>Возражение 3</i>	316
<i>Возражение 4</i>	319
<i>Возражение 5</i>	321
<i>Возражение 6</i>	326
<i>Возражение 7</i>	328
<i>Возражение 8</i>	330
<i>Возражение 9</i>	331
<i>Возражение 10</i>	335
<i>Возражение 11</i>	340
<i>Возражение 12</i>	345
<i>Возражение 13</i>	351
Эпилог	353
РАЗДЕЛ III	
ТЕМА 1. Смирение — основа всех добродетелей	
Значение и сущность смирения	361

Смирение побеждает козни диавола	363
Спасение невозможно без смирения	366
Смирение — источник мира и радости	368
ТЕМА 2. Смиренномудрие	369
Познание собственной немощи	369
Святые не видели своих заслуг	371
Забытые достоинства	373
Не желай духовной высоты	373
ТЕМА 3. Пути приобретения смирения	374
Внутреннее самоуничтожение	374
Самоукорение в искушениях	376
Внешнее самоуничтожение	377
Смирение вразумляет грешников	385
Самый короткий путь к смирению	386
Испытание славой	388
Ложное смирение	393
Признаки смирения	395
Смирение в современном мире	397
ТЕМА 4. Цель жизни христианина	398
ТЕМА 5. Христианское мирозерцание в древней Церкви первых двух веков. Учители первой Церкви. Пророк Ерм	420
Смысл и значение мученичества в Церкви этого периода	420
Пророк Ерм	428
Мученичество	438
Описание мученической кончины святого Поликарпа	447

Описание мученической кончины святого Игнатия Богоносца, епископа Антиохийской Церкви	450
Рассказ мученицы из Карфагена святой Перпетуи	457
Примечания	461
Литература	463

ПРЕДИСЛОВИЕ

«В деле спасения своей души главной целью является созидание своего внутреннего храма в себе самих, чтобы всегда иметь его в себе и с собой.

Никак нельзя останавливаться на полпути к цели, останавливаться на внешнем, видимом, чтобы оно заслоняло почти неуловимой невидимости. Недостаточно для нас являться пред лицом Господа в храм, вне нас сущий.

Важно и не уподобляться тем десяти евангельским девам, которые были исправлены во внешнем, но не имели внутреннего делания, не заботились об устроении мыслей и чувств своих, так что сердце их стало как дебрь всяким тернием заросшее. *Дажь ми, сыне, твое сердце*, — говорит Господь, так что помнить будем всегда: все что имеем в сердце своем доброе, то и можем только отдать в свое спасение Господу нашему»*.

Перед нами книга, предназначенная для того, чтобы дать ответ на главный вопрос, тревожащий каждого христианина: «Как спастись?» То есть указать тот внутренний духовный Путь ума и

---

* По книге свт. Феофана Затворника (Вышинского): «Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество. Беседы и проповеди». — Троице-Сергиева лавра. 1995.

сердца, по которому нужно идти в этой жизни ко спасению своей бессмертной души. Ибо земная жизнь существует только лишь для приготовления души человека для жизни вечной. Этот узкий и тернистый Путь спасения души проложен святыми отцами Церкви и указан нам в их учении, содержащемся во множестве их творений.

Ценность данного сборника заключается не в красоте и безукоризненности изложения и оформлении материала, но в глубине и важности его содержания.

Целью настоящего издания является создание сборника, содержащего в краткой форме основные темы, знание которых необходимо для духовной жизни христианина.

В наше время стремительных жизненных темпов дефицит времени не позволяет многим людям, в миру и в монастырях, читать нужную для них духовную литературу. Неведение же духовной жизни и ее законов приводит многих нередко к печальным последствиям.

Поэтому сборник предназначался, главным образом, как практическое духовное руководство, которое можно было бы всегда иметь под рукой. В этом смысле учение святых отцов, существующее в разрозненном виде во многих их трудах, было важно иметь в краткой форме в одной книге.

«Руководство Писаниями святых отцов сделалось единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным», — писал святой Игнатий Брянчанинов.

«Все имеющие здравый смысл, — писал святой Кирилл Александрийский, — стараются следовать учению святых отцов».

Стержневой темой сборника является тема под заголовком «Тайна спасения — учение святых отцов о молитве Иисусовой». Она состоит исключительно из изречений святых отцов, выбранных из их многочисленных трудов и собранных здесь воедино. Это не простой набор изречений, а систематизированное, краткое, но достаточно исчерпывающее учение святых отцов о молитве Иисусовой, о том, как обучиться ей, начиная от простого и переходя к более сложному. В их учении говорится, как при помощи молитвы именем Иисуса Христа вести борьбу со своими страстями и «духами злобы поднебесной», достигая в результате очищения сердца. Имя Иисусово, как утверждали святые отцы, страшно для бесов, ибо оно обладает силой изгонять их.

В современном, страшно погибельном для человеческих душ жизненном водовороте для нас, христиан, главное — это быть ближе к Богу, что достигается молитвой. Но многие ли имеют возможность сейчас подолгу молиться дома или часто ходить в храм? К счастью, для нас имеется еще одно очень действенное средство соединения с Богом — это непрестанная молитва Иисусова. Где бы ни был человек, что бы он ни делал, он всегда может в душе своей быть с Богом — творить молитву Иисусову. Но для этого необходимо изучать Учение святых отцов о ней. Наука о спасении души, как и любая другая, требует изучения.

С темой о молитве Иисусовой тесно связана другая тема сборника — об истинном пути спасения.

В этой теме в простой и доступной для современного человека форме дается понятие о серьезнейших истинах святоотеческого учения, о том, что покаянием, называемым святыми отцами «плачем» присутствующим в молитве Иисусо-

вой, оживотворяется душа, умерщвленная грехом. От покаянного вопля ее ко Господу — «Помилуй!» — бегут страшные и сильные демоны.

В теме сказано также о том, что спасительным является внутреннее христианство, внешнее же без внутреннего не полезно.

В сборнике приведены выдержки из духовного опыта афонских подвижников, содержащие в себе предостережения от принятия разного рода ложных явлений, видений и состояний, о том, как опасны и обманчивы бывают тончайшие козни и обольстительные внушения злого духа, ввергающие подвижника в многообразные состояния прелести, греховные ямы и сети. От всего этого может спасти христианина только смирение.

Учение о смирении и смиренномудрии глубоко раскрыто в теме «Смирение — основа всех добродетелей». Тема эта чрезвычайно важна, ибо без смирения невозможны умная молитва, духовная жизнь, спасение души.

В теме о трезвенном созерцании сказано о высоких степенях молитвы Иисусовой, то есть сердечной и духовной брани, носящей уже наступательный на диавола характер.

Далее в сборнике имеется малоизвестное Учение об Истинной Церкви Христовой. В нем сказано, что Церковь — это не какая бы то ни было организация, хотя внешняя организация и нужна, но Живой Организм, Тело Христово.

«Об этом учили святые отцы Церкви, а мы об этом позабыли», — писал священномученик Сергей Мечев¹ в своей книге «Тайны Богослужения». Впервые это учение было сформулировано священномучеником Мефодием Патарским².

В Послании к Колоссянам апостол Павел говорит о Церкви: «Ныне радуюсь в страданиях

моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, Которое есть Церковь» (Кол. 1, 24; 1, 18). В Послании к Коринфянам снова говорит о Церкви как о Теле Христовом (см.: 1 Кор. 12, 14, 27), также в Послании к Ефесянам (см.: Еф. 5, 30).

В сборнике помещены полностью две небольшие книги: «Духовничество и послушание» святителя Игнатия Брянчанинова и «О непрестанном причастии святых Христовых Таин», написанная преподобным Никодимом Святогорцем и митрополитом Макарием Коринфским, авторами «Добротолюбия». В первой из них дано понятие об истинных духовничестве и послушании и разоблачаются такие душевредные явления церковной жизни, как лжепастырство и лжепослушание. (Об этом писал в своем послании к священству и Патриарх Алексей II.) Во второй, малоизвестной, книге святых отцов говорится о пользе частого причащения для спасения души и опровергаются самые распространенные в церковной среде возражения против частого причащения святых Христовых Таин.

«И да не устраивает нам искусный в коварстве диавол ловушку и сети в виде вредного благоговения», — говорит божественный Кирилл Александрийский.

Следующей наиважнейшей темой сборника является тема под заголовком: «Цель жизни христианина по учению преподобного Серафима Саровского о Святом Духе» (в сокращении). В ней говорится о том, что внутреннее духовное делание подвижника для очищения своего сердца от страстей является не самоцелью, но средством для достижения главной цели жизни христианина — стяжания Святого Духа.

В процессе внутренней духовной деятельно-

сти подвижника, при содействии Святого Духа, происходит постепенное, незаметное для человека тайное перерождение его души из плотского ее состояния в духовное, пригодное для Царствия небесного. Отсюда и название книги «Тайна спасения».

Завершающей темой сборника является тема о христианском мирозерцании первых христиан, о первых учителях Церкви, о видениях римского пророка Ерма, о смысле гонений и мученичества на рубеже III столетия.

Одной из характерных черт жизни первых христиан является тесная жизненная связь их с Богом. Все, что бы ни случалось с ними, обнаруживало в них молитвенный дух. Заповедь Христова (см.: Лк. 18, 1) и апостольская (см.: 1 Фес. 5, 17) о непрестанной молитве и духовном бодрствовании была для христиан не отвлеченным пожеланием, а делом жизни.

Осознание ими жизни и смерти было подготовкой и переходом в Царствие небесное, по слову святого апостола Павла: «Жизнь для меня — Христос, а смерть — приобретение».

На рубеже третьего столетия христианам, которые по разным причинам шли на компромисс с языческим миром, противостояли те из их собратий, которые жили иными ценностями и иными надеждами. Самыми яркими выразителями их были мученики. Мученическая смерть была лишь завершением мученического подвига целостной жизни христианина, когда все блага жизни они предпочитали своему особому, «сокровенному благу» — общению с Богом. В мученичестве, отрешившись от всего земного, они обретали это свое «сокровенное благо», то есть достигали цели христианской жизни.

Видения Ерма были призывом к покаянию и

приготовлению к грядущему великому гонению (предположительно Домициановскому).

В конце темы помещен рассказ мученицы из Карфагена — святой Перпетуи, взятый из Акта. Рассказы самих мучеников знакомят нас с их внутренним миром ближе, нежели, может быть, целые тома, написанные о них. Из рассказа святой мученицы Перпетуи видно, что, находясь в ужасных условиях темницы за свое исповедничество, она имела самое высшее для христианина благо — общение с Богом.

Дух Святой, пребывая в верующих и среди верующих в Церкви Христовой, являл себя в поразительных знамениях и чудесах в не менее поразительном перерождении всего существа и жизни обращавшихся к Церкви.

Мученичество, так же как и подвижничество, приводит к главной цели жизни христианина — соединению с Богом.

Как мы видим, через все темы сборника проходит главная идея, что земная жизнь человека предназначена для подготовки души к жизни вечной, воспитания ее в духе исполнения воли Божией — заповедей Христовых, стояния в истинной вере Христовой и какими средствами этого можно достигнуть.

Как известно, Бог открывается каждой душе человеческой, и человек неминуемо в глубине души своей, часто не без внутренней борьбы, делает свой личный тайный выбор: или принимает Бога, или отвергает Его. В результате положительного решения Бог приводит человека ко Христу, в Церковь Христову для практического, действительного спасения его души.

Радостное, восторженное состояние от встречи с Богом и общения с Ним длится не постоянно. Бог дает Свою благодать первоначально

без каких-либо заслуг со стороны человека для привлечения его к Церкви. А затем отнимает Свою руку — благодать отходит, и человек остается один на один со своим злейшим врагом — дьяволом. Кроме этого, в нем начинается действие страстей от соприкосновения его души в ее еще плотском состоянии с духовным миром. Человек приходит в смятение, растерянность: «Где же Бог? Как хорошо было с Ним!» Но Бог оставляет человека для обучения и укрепления веры, наблюдая за ним. Как мать оставляет ребенка, когда тот уже начинает ходить сам. Ребенок, оставленный матерью для обучения ходить самому, первоначально часто падает, плачет и зовет мать на помощь. Так и христианин должен поступать, призывая непрестанно Господа на помощь, особенно при виде многих своих грехопадений и опасностей. Призываемый молитвой Бог берет человека на руки — дает благодать, укрепляющую и утешающую его, а затем снова оставляет его для духовной брани.

Вот тут-то для христианина и нужно учение святых отцов, чтобы сразу встать на правильный, незаблудный путь воспитания своей души.

Но чаще всего наблюдается другое, для новоначальных христиан характерно полное погружение их во внешнее христианство — непрестанные паломнические поездки, всевозможные виды благотворительности, работы по восстановлению монастырей и храмов, увлечение чудесами.

Но внешнее христианство, как говорят святые отцы, не спасает без внутреннего. Чужие подвиги, чудотворения и даже молитвы за нас старцев, блаженных не спасут нас, если мы сами не встанем на путь спасения своей собственной бессмертной души.

Необходимо осознать, прежде всего, в чем заключается спасение души. При всей необходимой внешней деятельности нужно, главным образом, заниматься созиданием своего внутреннего храма — своей души. Именно это угодно Богу, Ему нужно сердце человека. А это зачастую ускользает от внимания многих.

На фоне обширной внешней деятельности исполнение заповедей считается нередко чем-то второстепенным, до чего никому нет дела. А возможно ли без исполнения их спасение души? Если мы поразмыслим, то придем к неизбежному выводу, что исполнить кажущиеся простыми заповеди мы не в состоянии без очищения сердца от страстей, которое, в свою очередь, невозможно без внутренней духовной жизни, стержнем которой является молитва именем Иисуса Христа. То есть убеждаемся, что необходимо знать учение святых отцов, ибо это наука, обучающая спасению душ человеческих

Простое хождение в храм, конечно, освящает человека, и по временам он получает благодать Святого Духа. Но без внутренней духовной жизни, очищения от страстей, она быстро теряется во время проявления им греховных навыков, и человек остается ни с чем. Поэтому каждому христианину и нужно изучать духовную науку.

Сборник мог бы оказаться полезным и тем усердным христианам, которые долго и безуспешно пытались сами избавиться от своих страстей и от этого впадают в уныние и безнадежность.

Но именно это осознание своей полной беспомощности в деле своего исправления и спасения является необходимым условием и ступенью вступления на узкий и тернистый путь спасения по учению святых отцов, когда, оставив всякую надежду на себя, человек возлагает

уже все свое упование на Господа Иисуса Христа. Святые отцы утверждают, что человек не в силах преодолеть в себе ни одной страсти: «Молись и не трудись много своею силою побеждать страсти. Молитва разрушит их в тебе». Святой Иоанн Лествичник говорит: «Иисусовым именем побеждай врагов мысленных, кроме сего оружия, не найдешь иного».

«Молись и не опасайся ничего, не бойся бед, не страшись напастей, молитва защитит, отвратит их», — учит святой Иоанн Карпафийский.

«Если ты не имеешь дара воздержания, не печалься, но знай, что Бог требует от тебя прилежания к молитве и молитва спасет тебя».

«Как отрадно и утешительно все сказанное для грешника, отягченного слабостями, для стесняемого под бременем воюющих страстей!» — говорят святые отцы.

Как было сказано выше, внешняя христианская жизнь не спасительна и диаволу не страшна. Он боится и ненавидит внутреннюю духовность, поэтому-то во все времена подвижники внутреннего христианства, как и предупреждают святые отцы, подвергаются особому нападению злого духа. Но страшиться этого не следует, нужно приготовиться к непрестанной духовной брани с диаволом, оружием в этой брани святые отцы имели имя Иисуса Христа. Часто диавол действует через наши страсти. Как образно выразился афонский старец Паисий в одном из своих томов: «Запустим диаволу в рожу всеми своими страстями!» То есть станем решительно отказываться от своих земных пристрастий, предпочитая всему общение с Господом в молитве Иисусовой. И тогда Спаситель не оставит своих верных рабов, идущих узким путем. Проведя христианина через многие искушения, скорби и испытания, необходимые для его очище-

ния и смирения, Он приведет его в покой безстрастия и дарует ему Царствие небесное еще здесь, на земле, — в Духе Святом.

Искушений бояться не следует. Об этом говорил современный нам († 1972) святой — преподобный Леонтий Ивановский: «Где искушения, там и спасение, а где нет искушений, там нет и спасения».

Хотелось бы предупредить читателя, что диаволу особенно страшна и ненавистна молитва Иисусова, поэтому он с самого начала внушает тому, кто берется за нее, мысль, что он ее не боится. Но это его обычные ложь и обман для того, чтобы человек оставил молитву. Диавол боится и трепещет имени Иисуса Христа, но в своем сильном натиске на душу молящегося старается продержаться как можно дольше, делая вид, что молитва на него не действует. В этот момент необходимо не оставлять напряженной молитвы. Вскоре наступает момент, когда враг не выдерживает и отступает, душа побеждает в поединке с демоном и сразу же чувствует легкость и спокойствие. Такова духовная брань.

Еще имеется подводный камень, о котором предостерегают святые отцы — это прелесть. Приражается она от гордости человека. Чтобы избежать прелести при молитве Иисусовой, нужно, как учат святые отцы, творить ее с покаянием, имея в памяти свои грехопадения и прося у Господа **помилования**, при этом акцентируя слово «помилуй». Тогда в молитве будет присутствовать мытарево смирение и прелесть никогда не пристанет к подвижнику.

Молитва освещает и показывает наше духовное состояние в данный момент: не на ложном ли пути мы находимся, не сидим ли в греховой яме, не попали ли в ловушку, сеть, которые рас-

ставляет на пути спасения враг рода человеческого. Ибо в его арсенале имеется огромное количество средств обмана нас, людей, распознать которые бывает чрезвычайно трудно порой даже и опытным подвижникам (см. тему об опыте афонских подвижников).

И только смиренная, покаянная молитва выводит и спасает подвижника из всех злокозненностей диавола.

В годы атеистического духовного мрака многие из христиан окормлялись духовно у оптинских старцев. Так, когда к старцу Анатолию приезжали его духовные чада с различными своими проблемами житейского или духовного характера, у него для всех их, как правило, был один рецепт. Он говорил: «А ты только держи молитовку-то Иисусову». Этим самым он преподавал им самую основу святоотеческого учения: возлагать все свое упование в этой молитве на Господа, а от себя только стараться всеми силами не оставлять ее ни для кого и ни при каких обстоятельствах.

Учение святых отцов можно сравнить со спасательным кругом, не дающим утонуть и погибнуть в море житейском, играющем волнами греховных страстей человеческих. И конечно, помощь святых отцов во время искушений и скорбей для идущих их путем приходит по молитве незамедлительно. В их учении присутствует их дух — они сами.

Главное внимание христианина должно быть направлено на созидание своего внутреннего храма, что достигается внутренней молитвой Иисусовой.

В настоящее время оккультизм во всем своем многообразии: индуизм с медитацией, эзотерика, экстрасенсорика (или по-русски — чародейство), кодирование, зомбирование и другие

изошренные диавольские средства воздействия на сознание и подсознание человека — усиленно внедряется в нашу повседневную жизнь. Молитва Иисусова держит сознание христианина в бодственном состоянии, не позволяя ему заснуть гипнозом. Ибо имя Иисусово является самым сильным оружием на диавола.

В одной из книг религиозной тематики приведен рассказ одного православного священника из зарубежной Церкви, который с группой английских служащих с миссией по делам колонии прибыл на остров Цейлон и оказался очевидцем чуда местного факира, которое им было предложено посмотреть.

На большой поляне, под раскидистым деревом, перед горящим костром они увидели факира, сидящего в «позе лотоса». Факир неотрывно смотрел на огонь костра, совершенно не реагируя на пришедших и расположившихся на табуретках напротив него людей.

Вдруг они увидели, что дерево с его раскидистой кроной и все прочее на поляне свернулось, как некий свиток, и перед ними предстала картина безкрайнего моря, поверхность которого была покрыта мелкой рябью волн, с плывущим по нему пароходом, на котором они прибыли на остров. На пароходе они с поразительной ясностью увидели все, что там находилось, и в том числе самих себя.

Оживленно переговариваясь между собой и делясь впечатлениями, они не отдавали себе отчета в том, что с ними происходит. Священник, так же как и все присутствующие, был увлечен поначалу увиденным. Но внутренний голос в его душе заставил его опомниться, он понял, что это недопустимо для православного священника, и стал тут же творить Иисусову молитву в душе

своей. Постепенно видение стало исчезать и поляна приобрела свой прежний вид, в то время как все остальные продолжали видеть чудо факира. Священник продолжал непрестанную молитву, и вскоре видение прекратилось.

Когда группа стала удаляться оттуда, священник оглянулся назад и встретился неожиданно с полным ненависти взглядом факира, повалившегося на бок.

Таким образом, на этом примере мы видим, что молитва Иисусова избавляет от ложных чудес, видений, явлений и прочих обольщений диавольских, совершающихся с помощью магии. Так же молитва именем Иисуса Христа сможет избавить христиан от ложных чудес близ грядущего антихриста.

Во время испытаний она поддержит, укрепит христианина и поможет перенести все.

Недаром святые отцы и говорили, что в последние времена спастись можно будет, главным образом, молитвой Иисусовой.

Составители смиренно надеются, что хотя бы и небольшое число читателей, не представляющих себе конкретно путь спасения по учению святых отцов, в простоте своей души примут этот сборник, не придавая особенного значения оформлению материала, отсутствию сносок, но обратив свое внимание на содержание, увидят своими внутренними очами, что такие высокодуховные истины могли быть написаны только святыми отцами, имеющими большой личный опыт духовной жизни и дары Духа Святого.

Неожиданным для нас было то, что многие люди, после ознакомления с материалом сборника, с удивительным единомыслием говорили: «Мне как раз это очень нужно. А когда книга выйдет?»

РАЗДЕЛ I

ТЕМА 1

ТАЙНА СПАСЕНИЯ — УЧЕНИЕ СВЯТЫХ ОTCОВ ЦЕРКВИ О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Непрестанно молитесь
(Фес. 5, 17)

Церковь, несомненно, обладает благодатным средством благотворного влияния на человеческую 1душу: домашняя молитва, чтение Слова Божия, посещение церковных служб, святых мест и, особенно, принятия святых Христовых Таин.

Но имеется и еще одно благодатное средство, на которое мало кто обращает внимание, которое имеет ту драгоценную особенность, что оно всегда находится в распоряжении человека, желающего им пользоваться и дома, и в храме, и в пути, и за работой, и на всяком месте, и во всякое время. Это средство заключается во внутреннем молитвенном и покаянном призывании имени Господа нашего Иисуса Христа: **Господи Иисусу Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного (ую).** Это умная молитва, она очищает человека от всех

страстей, возбуждает к исполнению заповедей Божиих и так далее. Молитва — это дыхание духа. Как в теле, пока есть дыхание — есть жизнь, прекратится дыхание — прекратится и жизнь. Есть молитва — живет дух, нет молитвы — нет жизни в духе. А когда нет духовной жизни, человек живет только телесно — душевной жизнью. Гармония, полнота жизни нарушается, человек томится и не понимает отчего. Лишь в общении со своим Первообразом (то есть с Богом) он может найти нарушенную гармонию, найти удовлетворение своим томлениям.

Многие в деле молитвы рассуждают совсем превратно, думая, что приуготовительные средства и подвиги производят молитву, а не молитва рождает подвиги и все добродетели. Этим унижается сила молитвы. Апостол Павел дает наставление: «Молю убо прежде всего творити молитву». Святые отцы говорят, что не можем без молитвы найти путь ко Господу, уразуметь Истину, распять плоть со страстями и похотьми, просветиться в сердце светом Христовым. Частость, **непрестанность** молитвы Иисусовой необходимы для приобретения чистой, правильной молитвы, которая есть мать всякого духовного блага.

«Имя Иисуса Христа имеет самодействующую силу, — говорят святые отцы, — и страшно для врагов, духов злобы». Они говорят: «Бей супостатов именем Христовым, ибо нет сильнее оружия ни на Себе, ни на земле». Чтобы в молитве присутствовал элемент смирения мытарева и во избежание прелести, святые отцы учили акцентировать слово «помилуй».

Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал о молитве Иисусовой: «Две силы, совершенно противоположные между собой, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила по свободной и искренней молитве моей всегда прогоняет злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрестанно стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву. Злой враг на всяк час тщится уподобить меня ему, злomu, боря меня непрестанно и озлобляя на ближнего из-за всякой причины, вселяя в меня леность и нетерпение, неохоту служить, требующую моего служения. Благодарю Господа, творящего во мне на всякий день дивные дела милости, силы, избавления, заступления от невидимых стрельцов от врагов и от пагубных страстей моих: гнева, неприязни, гордости к подобным мне, нечистых помышлений и вожделений, от зависти и ревности и всякого насилия бесовского, от скорби и тесноты, и душевного смятения. Все это Он творит со мной по тайной покаянной, умиленной молитве к нему с верою несомненною. Сколько чудес, милости и силы Господь содевает во мне, нет числа спасению моему, и непрестанно благодарю своего всеблагого, всемогущего, благопослушливого Спасителя».

Приступив к молитве именем Иисуса Христа, необходимо знать учение о ней святых отцов Церкви.

Старец Паисий писал, что некоторые из монашеского звания дерзают хулить Божественную приснопамятную и боготворную

Иисусову молитву, вооружает их, дерзаю сказать, на это враг, чтобы их языками, как своим оружием, опорочить это пренепорочное и Божественное дело и похулить учение премногих Богоносных отцов наших, свидетельствующих и учащих о сей Божественной молитве на просвещение Божественной благодати.

Священная умная молитва, по силе писания Богоносных отцов действующая Божией благодатью, очищает человека от всех страстей, возбуждает к усердному хранению заповедей Божиих и от всех стрел вражиих и прелестей хранит невредимым.

Моление молитвой Иисусовой — установление Божественное, установленное самим Сыном Божиим и Богом. Моление Его именем Господь дал как новый необычный дар, дар цены безмерной. Апостолы уже отчасти знали силу молитвы Иисусовой. Они исцеляли именем Иисуса неисцелимые недуги, приводили в повиновение себе бесов, побеждали, связывали, прогоняли их. Это могущественнейшее, чудное имя Господь повелевает употреблять в молитвах, обещая от него особенную действенность: «Еже аще что просите, — сказал Он апостолам, — от Отца во Имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне. И аще чесо просите во Имя Мое, Аз сотворю. Аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще просите чесо от Отца во Имя Мое, даст вам. Доселе не просили ничесоже во Имя Мое: просите и примете, да радость ваша исполнена будет».

Господь поддерживает тех, которые призваны Им, нося имя Его, и ходят в заповедях Его. Благодатная сила молитвы Иисусовой

заключается в самом Божественном имени Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа. Воспел Его праотец Давид, величие этого имени и его действие, борьбу при посредстве Его имени с началами греха, силу его при освобождении молящегося им из плена страстей и бесов, благодатное торжество одержавших победу именем Иисуса. Эта молитва вводит человека в ближайшее общение с Богом. Величие имени Иисуса постигается младенческой простотой и верою. С таким безкорыстным настроением должно приступать к молению именем Иисуса и пребывать в этом молении. **Постоянство и тщательность** в молении должны быть подобны непрестанному стремлению младенца к сосцам матери. Тогда моление именем Иисуса может увенчаться полным успехом, невидимые враги могут быть поправлены, может быть сокрушен враг и местник. Для решительной победы необходима **непрестанная молитва** и непрерывная бдительность над собой. В тяжелой борьбе с невидимыми врагами спасения превосходным оружием служит молитва Иисусова. Именем Иисуса бей супостатов, потому что ни на небе, ни на земле нет оружия более **мощного**. Настолько эта Божественная молитва по святым отцам, больше всего другого монашеского подвига, есть верх всех исправлений, источник добродетели, тончайшее и невидимое во глубине сердца делание ума, настолько, едва постижимые для человеческого ума, распространяются на него невидимым врагом нашего спасения сети, многообразные его прелести и мечтания. Поэтому усердствующий обучаться этому Божественному деланию должен, по святому Симеону Новому Богослову³,

предать себя душою и телом послушанию, согласному со Святым Писанием, то есть предать себя в полное отсечение своего рассуждения. Смирением же, рождающимся от послушания, можно избежать всех прелестей и сетей диавольских.

При отсутствии же опытного наставника в этой молитве не должно приходить в отчаяние, но, пребывая в истинном послушании, по заповедям Божиим, возложив всю надежду на Бога, пусть с верою и любовью повинуется учению преподобных отцов наших, изложивших до тонкости учение об этом Божественном делании. И благодать Божия молитвами святых отцов вразумит и научит этому Божественному деланию.

Святой Иоанн Лествичник в Слове о молитве вначале говорит: «Молитва по качеству своему есть общение и соединение человека с Богом, а по действию — утверждение мира, примирение с Богом, мать и дочь слез, очищение грехов, мост проводящий через искушения, стена против скорбей, уничтожение браней, ангельское дело, пища всех безплотных, будущее веселие, безпредельное делание, источник добродетели, причина дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира на отчаяние, доказательство надежды, прекращение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение раздражительности, зеркало преуспеяния, показатель меры, обнаружение состояния, указание будущего, наименование славы. Молитва для истинно молящегося есть судилище, суд и престол Господний еще прежде будущего суда». Святой Григорий Синаит говорит: «Молитва в

новоначальных есть как огонь веселия, издаваемый сердцем, в совершенных же как действуемый свет».

Святой Симеон, архиепископ Фессалонитский, об этой священной молитве говорит: «Эта Божественная молитва, это призывание нашего Спасителя: **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного** — есть и молитва, и моление, и исповедание веры, подательницы Святого Духа, и дарователь Божественных даров, и очищение сердца, и **изгнание бесов**, и вселение Иисус Христово, источник милости Божией, и дарователь смиренным откровения Божественных тайн, и само спасение, потому что есть ношение спасительного имени нашего Бога».

Кто же, видя, что эта священная молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не разжжется ревностью Божиею к деланию молитвы, разве только тот, кто связался узами телесных попечений. А желающие быть соединенными любовью с Господом, оплевав все красоты мира, все наслаждения и самый телесный покой, ничего другого не захотят иметь в этой жизни, как только постоянно упражняться в делании сей молитвы.

Пророк Давид приглашает всех без исключения людей Божиих к молению именем Господа. Всем монахам, священникам и мирским следует **на всякое время, во всяком месте** произносить эту святую молитву, именуя как бы дыханием жизни.

Но для предостережения заметим, что к деланию молитвы Иисусовой нужно отнестись осторожно.

Старец Паисий говорил: «Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовой молитвой всегда или почти всегда последует прелесть, и строго запрещают заниматься ею».

В усвоении себе такой мысли заключается крайнее богохульство и прелесть. Правда, святые отцы предостерегают занимающихся молитвой Иисусовой от прелести. Источник прелести — диавол, а не какая-либо добродетель. С постящимися он постится, с молящимися как бы молится, в любую добродетель диавол старается внести высокоумие от этой добродетели. В человеке делает его способность к прелести — гордость. Это главная причина прелести. Верным предохранением от прелести служит смирение, оно погубляет страсти. Диавол обычно свою прелесть показывает в виде истины, давая вид духовного своему лукавству.

Великая прелесть сознавать себя свободным от прелести.

Все мы обмануты и в какой-то мере находимся в прелести, в ложном состоянии, в плену.

Не малый труд достигнуть истины и соделаться чистым от всего сопротивного.

Состояние людей в бесовской прелести бывает очень разнообразным, соответствуя той страсти, которой человек обольщен и поработщен. Но все впавшие в бесовскую прелесть, то есть через развитие собственного самообольщения вступившие в общение с диаволом, суть храмы и орудия бесов.

Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают

из того, что в основание молитвы не положено **покаяние**, оно не сделалось душою и целью молитвы.

Святой Григорий Синаит говорит: «Если кто с самонадеянностью мечтает достигнуть высоких молитвенных состояний и стяжал ревность не истинную, а сатанинскую, того диавол опутывает своими сетями как своего слугу». Всякий, усиливающийся войти на брак Сына Божия не в чистых и светлых брачных одеждах, устраиваемых покаянием, а прямо в своих рубищах, в состоянии обольщения и греховности извергается вон, во тьму кромешную — в бесовскую прелесть.

Самый опасный, неправильный образ молитвы возникает тогда, когда молящийся сочиняет мечтательные картины, заимствуя их из Святого Писания, этими картинами льстит своему самомнению, падению, греховности, обманывает себя. Очевидно, все, сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, не существует на самом деле, а есть вымысел и ложь, свойственные падшему ангелу. Мечтатель с первого шага на молитвенном пути исходит из области истины, входит в область лжи, страстей, греха, сатаны. Во время молитвы такой воздымает руки к небу, воображает в уме своем божественные картины, всем этим возбуждает свою душу к Божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет, таким образом, он мнит, что совершаемое им и есть плод Божественной благодати к его утешению. Это признак прелесть. Такой человек может сойти с ума. Некоторые видели своими телесными очами свет, обоняли благовония, слышали гласы своими ушами, и

все они не хотят слушать советы братии и не исправляются, а гибнут. Им часто приходят мысли о самоубийстве и прочее. Во время молитвы у них бывает горячность и в крови, и в воображении, то есть восторженная мечтательная молитва.

Находящимся в прелести свойственна самонадеянность и дерзость, высокоумие. Они возбуждают искусственно в себе любовь к Богу, восторг.

Истинное и непрелестное делание состоит в том, чтобы во время молитвы ум хранил сердце вниманием к словам молитвы.

Всем христианам можно заниматься молитвой Иисусовой с целью покаяния и призвания Господа на помощь, занимаясь этим со страхом Божиим и верой, с сокрушением духа.

В молитве хорошо акцентировать слово «**помилуй**», то есть это будет просьба Господа о помиловании, и тогда прелесть никогда не привьется к душе молящегося этой молитвой.

Это первый вид молитвы, состоящий во внимании к словам молитвы, и доступен для всех без исключения монахов и мирян.

Такая внимательная молитва может быть названа и умной и сердечной, как совершаемая одним умом и в тщательных деланиях всегда при участии сердца выражающаяся чувством плача и слезами.

При упражнении молитвой Иисусовой вполне предохраняет вид смирения, называемый плачем.

Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной и многочисленной немощи человека. Плач есть дух сокрушен, сердце сокрушен-

ное и смиренное, которое «Бог не уничтожит», то есть не предаст во власть и поругание демонов, как предается им гордое сердце, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия.

Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от падшего человеческого духа до обновления его Святым Духом.

Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем и прелесть никогда не приблизится к нам.

Заклученный в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховности, неспособный к многословию и вообще к эффекту и актерству, представляется для незнающих его делания каким-то странным во всех отношениях.

То ли находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимой ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкой наглостью, без всякой правильности, без толку и смысла, с кровавым разгорячением. Святой, да и только!

Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея на это возможности, сочиняет эти видения сам, ими обманывает и обольщает себя, так сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие ощущения и не находя их в себе, сочиняет их в себе и обманывается, входя в общение с бесами, порабощаясь их влиянию и власти.

Одно только ощущение из всех ощущений сердца в его состоянии падения может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль, страх о греховности, о падении, о своей гибели, называемые плачем, покаянием, со-

крушением духа, самоотвержением — «жертва Богу дух сокрушен...».

В прелести находится всякий, не имеющий сокрушения духа, признающий за собой какие бы то ни было достоинства, заслуги.

Нужно бдительно хранить себя, чтобы не приписать какого-либо качества, какого-либо доброго дела, природной способности или какого-либо благодатного состояния, если человек возведен в него.

Апостол говорит: «Что ты имеешь, что бы не принял от Бога?» От Бога мы имеет бытие и все естественные свойства, все способности душевные и телесные. Мы — должники Бога. Долг наш неоплатим. Из такого воззрения на себя вытекает само собой наше состояние, которое Господь назвал нищетой духа, которое заповедовал нам иметь.

Великое бедствие уклониться от учения Церкви, от учения Святого Духа каким-либо мудрованием! (Это случается в прелести.)

Из вышеизложенного видно, какую яростную борьбу воздвигает диавол на делателей Иисусовой молитвы, так как это наиболее спасительная из всех добродетелей. Молитва Иисусова непрестанно творимая страшна для бесов.

Имя Иисуса обладает свойством и силой изгонять бесов.

На это свойство необходимо обратить особое внимание, так как оно имеет важнейшее значение для упражняющихся молитвой Иисусовой.

Во-первых, скажем несколько слов о пребывании бесов в человеках. Оно двояко: чувственное и нравственное.

Чувственно сатана вселяется в человека существом своим и пребывает в нем, мучая его тело и душу. Этот человек называется беснующимся. Именем Иисуса ученики исцеляли таких, изгоняя бесов.

Нравственное пребывание сатаны в человеке выражается в том, что человек становится исполнителем воли диавола. Так, в Иуду Искаротского «вниде сатана», то есть овладел его разумом и волею, соединился с ним в духе. В этом положении находятся все неверующие во Христа.

Молитва Иисусова открывает присутствие бесов в человеке и изгоняет их из человека.

При этом происходит нечто подобное тому, что совершилось при изгнании беса из беснующегося отрока: «дух отрясе» отрока, «пад на землю, валяшеся пены теща». Когда Господь повелел духу выйти из отрока, дух от злобы и лютости движения, при которых он вышел, возопил, сильно и продолжительно потрясал отрока, отчего он сделался как бы мертв.

Сила сатаны, пребывающая в человеке при его рассеянной жизни непримечаемою и непонимаемою, когда услышит имя Иисуса, призываемое молящимися, приходит в смятение.

Она воздвигает все страсти в человеке, посредством их приводит всего человека в страшное колебание, производит в нем различные странные болезни.

В этом смысле сказал преподобный Иоанн пророк: «Нам немощным остается только одно: прибегать к имени Иисуса: ибо страсти, как сказано, суть демоны и исходят от призвания сего имени». Это значит, что действие

страстей и демонов совокупное. Демоны действуют посредством страстей. Когда увидим при упражнении Иисусовой молитвой особенное волнение и вскипание страстей, не придем от этого в уныние и недоумение. Напротив, ободримся и уготовимся к подвигу, к тщательному молению именем Иисуса, как получившие естественное знамение, что молитва Иисусова начала производить в нас свойственное действие.

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Памятование имени Господа нашего раздражает на брань врага. Ибо нудящаяся к молитве Иисусовой душа все может обрести этой молитвой. Во-первых, она может усмотреть зло во внутренности сердца своего, а потом добро. Молитва эта может обличить живущий в нас грех, и молитва эта может истребить его. Молитва эта может привести в движение змея, и молитва эта может смирить его. Молитва эта может привести в движение всю силу врага в сердце, и молитва эта может победить и искоренить ее мало-помалу. Имя Господа Иисуса Христа, сходя в глубину сердца, смирит владеющего пажитями его змея, а душу спасет и оживотворит. Непрестанно пребывай в имени Иисуса, да поглотят сердце Господа, и Господь сердце, и да будут сии два воедино. Впрочем, это дело совершается не в один день и не в два, но требует много времени: много нужно времени и подвига, чтобы был изгнан враг и вселился Христос».

Марк Великий в первом Слове пишет: «Вниди ты, кто бы ни был, сквозь непрестанно возрастающие в тебе помышления к военнопленной и рабе греха душе твоей, и рассмотри

до дна мысли твои, и глубину помышлений твоих исследуй, и узришь в недрах души твоей ползающего и гнездящегося змия, убившего тебя отравой своею».

Неизмеримая бездна — сердце. Если убьешь змия, то ты будешь чист, если же нет, то смири себя, молясь, как немощный и грешный, о тайных твоих Богу. Тот же великий угодник Божий говорит: «Царство тьмы, то есть злой князь духов пленивши изначала человека, обложил и облек душу его властью тьмы. Этот злой властелин облек душу и все ее существо, всю ее осквернил, всю пленил в свое царство; он не оставил свободным от порабощения ни разума, ни плоти, наконец, ни одного сустава ее, всю ее одел ходиною тьмы. Этот злой враг душу и тело осквернил и обезобразил человека, он облек в ветхого человека, оскверненного, нечистого, богопротивного, не повинующегося закону Божию, то есть облек его в сам грех, чтобы человек уже не видел как хочет, но видел страстно и слышал, чтоб ноги имел устремленными к злым делам, руки к творению беззаконий, сердце — к помышлениям злым.

Но помолимся Богу, чтобы Он совлек с нас ветхого человека, так как Он один может отнять от нас грех, потому что пленившие нас и держащие в своей власти крепче нас, а Он обещовал освободить нас от этого рабства».

Святой Диадок говорит: «Молитва бывает истинною и непрелестною, когда ум, в то время, когда молится, соединен с сердцем. Не устрашимся, делатели молитвы Иисусовой, ни ветров, ни волений».

Ветрами называет бесовские помыслы и мечтания, а волнениями — мятеж страстей,

возбужденных помыслами и мечтами. Из среды свирепеющей бури с постоянством, мужеством и плачем будем вопиять ко Господу Иисусу Христу. Он воспретит ветрам и волнам, а мы, опытно узнав всемогущество Иисуса, воздадим Ему должное поклонение, глаголюще: «Воистину, Божий Сын еси!» Мы сражаемся за наше спасение. От победы или поражения наших зависит наша вечная участь.

При упражнении Иисусовой молитвой бывает брань: лукавые бесы ратуют возмущением, производят действием страстей мятеж и бурю в сердце, но именем Иисуса Христа потребляются и разрушаются, как воск от огня. Когда они будут прогнаны и отступят от сердца, то не престанут от брани, но возмущают ум наш внешними чувствами извне. По этой причине ум не очень скоро начинает ощущать тишину и безмолвие в себе, потому что бесы, когда не имеют силы возмутить ум в глубине, то возмущают его отвне мечтаниями, и потому невозможно освободиться вполне от брани и не быть ратуемыми лукавыми духами. Это свойство совершенных и тех, которые удалились вполне от всего и постоянно пребывают во внимании сердца.

Первоначально и самое делание представляется необыкновенно сухим, не обещающим никакого плода. Ум, усиливаясь соединиться с сердцем, сперва встречает непроницаемый мрак, жестокость и мертвость сердца, которое не вдруг возбуждается к сочувствию уму. Это не должно приводить делателя к унынию и малодушию и упоминается здесь с целью, чтобы делатель был предостережен. Терпеливый и тщательный делатель непременно будет удов-

летворен: он возрадуется о безмерном обилии таких духовных плодов, о которых и понятия себе составить не может в плотском и душевном состоянии своем.

В действии молитвы Иисусовой имеется своя постепенность: сперва она действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать к сердцу, возбуждая его от сна и знаменуя оживление его явлением в нем чувства умиления и плача. Углубляясь еще дальше, она мало-помалу начинает действовать во всех членах души и тела, отовсюду изгонять грех, повсюду уничтожать владычество, влияние и яд демонов. По этой причине при начальных действиях молитвы Иисусовой бывает сокрушение и болезнь души неизглаголанная. Душа болит, как болящая и рождающая.

Господь сказал: «Се даю вам власть наступать на змию и скорпию, и на всю силу вражию: и ничесоже вам вредит». Дана власть, но предоставлена свобода пользоваться властью и попрасть змий и скорпионов или пренебречь даром и произвольно подчиниться им. Под именем змей святые отцы разумеют начинания явно греховные, а под именем скорпий — прикрытые наружностью непорочности и даже добра. Власть дана Господом не только семидесяти ученикам Его, но и всем христианам. Пользуйся ею, христианин! Посекай именем Иисусовым главы, то есть начальные проявления греха в помыслах, мечтаниях, ощущениях. Уничтожь в себе владычество над собой диавола, уничтожь все влияние его на тебя, стяжи духовную свободу. Основание для подвига твоего — благодать

святого крещения, оружие — моление именем Иисуса. Эта молитва возводит на небо. Пребывание умом и сердцем на небе и в Боге — вот главный плод, вот цель молитвы; отражение и попрание врагов, противодействующих достижению цели, — дело второстепенное, не должно оно привлекать к себе всего внимания, чтоб сознанием и созерцанием победы не дать входа в себя высокоумию и самомнению, не претерпеть страшного побеждения по поводу самой победы.

Чтобы быть учеником Господа, нужно сделаться младенцем и с младенческой простотой и любовью приять Его учение. Верные постоянно, тщательно, с ревностью Херувимов и Серафимов упражнялись в молении именем Иисуса Христа. Таково свойство любви. Она непрестанно помнит о любимом и услаждается именем любимого, хранит его в сердце.

Имя Иисусово — источник радости, жизни. Оно — Дух, оно животворит, изменяет, переплавляет, боготворит.

Бесы искушают помыслами, мысленными мечтаниями, воспоминаниями о нужных предметах, духовными размышлениями, возбуждением заботы, различных опасений и другими проявлениями неверия.

При всех многообразных бесовских бранях ощущение смущения служит верным признаком приближения падших духов, хотя бы производимое ими действие имело вид праведности.

Святой преподобный Серафим Саровский наставляет, исходя из своего опыта: «Не должно ослабевать, ни оставлять подвига, потому что люди, прилепившиеся к внешности,

чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое сердечное чувство и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на нем различные препятствия. Никакими противностями в прохождении этого пути колебаться не должно, утверждаясь в этом случае на Слове Божиим: „Страх их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог, Господа Бога нашего освятим“». Займемся молитвой Иисусовой безкорыстно, с простотою и прямою, с целью покаяния, с верою в Бога, с совершенною преданностью воле Божией, с упованием на Бога. Не будем искать наслаждений, видений: мы грешные, недостойные духовных наслаждений и видений, неспособные к ним по ветхости нашей. Внимательной молитвой взываем обратить взоры ума на самих себя, чтоб открыть в себе нашу греховность. Когда откроем ее, встанем мысленно пред Господом нашим Иисусом Христом в лице прокаженных, слепых, глухих, расслабленных, беснующихся, начнем пред Ним из нищеты духа нашего, из сердца, сокрушенного болезнью о греховности нашей, плачевный, молитвенный вопль. Да облачается он непрестанно в малословную, но обширного значения молитву. Сокрушенным сердцем возбуждай в себе любовь к ближним и имей простое око, к сему уединение, к себе внимание и Иисусову молитву.

Три образа молитвы

1. Первый, в силу еще неспособности ума непосредственно восходить к чистому богочисленности, характеризуется воображением.

2. Размышлением — второй.

3. Созерцанием — третий.

Первый вид молитвы держит человека в постоянном заблуждении, в мире воображения, мечты.

При втором образе молитвы (размышлении) — внутренние входы сердца и ума широко раскрыты для проникновения всего постороннего, в силу чего человек живет, постоянно подвергаясь самым различным влияниям извне, не разумея при этом, что же, собственно, происходит с ним объективно. Когда возникают все эти помыслы и брани, он оказывается безсильным противостоять натиску страстей как должно. При этом виде человек иногда получает благодать и приходит в доброе устроение, но в силу неправильности своей внутренней установки удержаться в нем не может. Достигнув некоторого накопления религиозного опыта и относительного благообразия в своем поведении и удовлетворенный этим состоянием, он постепенно увлекается в интеллектуальное богословствование, по мере преуспевания в котором усложняется внутренняя брань тонких душевных страстей — тщеславия и гордости, усугубляется потеря благодати.

При своем развитии этот образ молитвы, отличительной чертой которого является сосредоточение внимания в головном мозгу, приводит человека к рассудочным философским созерцаниям, которые, как и первый образ молитвы, выводят его в мир представляемый, воображаемый. Правда, этот вид отвлеченного мысленного воображения менее наивен, менее груб и менее далек от истины, чем первый.

Третий образ молитвы — соединение ума с сердцем есть вообще нормальное религиозное состояние человеческого духа, желательное, искомое, даруемое свыше.

Соединение ума с сердцем испытывает всякий верующий, когда он внимательно, «от сердца» молится. Еще в большей степени он познает его, когда к нему приходит умиление и сладостное чувство любви Божией. Пламень умиления при молитве есть верный показатель того, что ум соединился с сердцем и что настоящая молитва нашла свое первое место, первую ступень восхождения к Богу. Вот почему он так ценится всеми подвижниками. Но в данном случае, говоря о третьем образе молитвы, мы имеем в виду нечто большее, а именно ум, молитвенным вниманием стоящий в сердце.

Характерным следствием или свойством такого движения и водворения ума вовнутрь является прекращение действия воображения и освобождение от всякого образа, в него проникшего. Ум при этом становится весь слух и зрение и видит и слышит всякий помысел, приближающийся извне, прежде, чем этот последний проникает в сердце. Совершая при этом молитву, ум не только не допускает проникновения помыслов в сердце, но и отталкивает их, и сам сохраняется от сложения с ними, чем достигается пресечение действия всякой страсти в ее первичном состоянии, в самом зарождении ее. Это является умным безмолвием.

Вот что писал старец Силуан Афонский об умном безмолвии. Сущность безмолвия старец видел не в затворе и не в физическом удалении в пустыню, а в том, чтобы непрестанно пребывать в Боге.

Одно из труднейших борений, которое встречается на пути подвижника при переходе от второго образа молитвы к третьему, есть борьба с рассудочным воображением.

Когда благодать Святого Духа входит в нас и становится действующею в нас внутреннею силою, тогда движения нашей души естественно приближаются к совершенству заповедей; когда же приходят часы Богооставленности, Богоудаленности и Божественный Свет сменится тяжелым мраком восстания страстей, тогда все изменяется в нас, и великая брань развертывается в душе.

Многообразны духовные брани, но глубочайшая из них и тягчайшая — брань с гордостью, которая чаще проявляется в плане мысленном.

Ум с умом борется. Наш ум с умом врага. Враг влечет на путь гордости и воображения...

В этой брани нужно большое мужество. Господь оставляет побороться... а Сам смотрит на него.

Старец Силуан за долгие годы тяжелой борьбы приобрел силу стоять умом в Боге, отвергая приходящие помыслы.

Святые научились брани с врагом; они знали, что враги действуют обманом через помыслы, и потому всю жизнь не принимали помыслов. Помысл сначала приходит по виду неплохой, но потом он оторвет ум от молитвы и далее уже начнет запутывать... Поэтому необходимо всякие помыслы отвергать, хотя бы и хорошие по виду были, но иметь ум чистым в Боге. А если все же придет помысел, то не надо смущаться, но крепко уповать на Бога и

пребывать в молитве. Враги радуются и нашему смущению. Молитесь, и помысел отойдет. Это путь святых.

Старец указывает на три существенных этапа духовного пути:

1 — получение благодати;

2 — потеря ее;

3 — возвращение благодати или новое стяжание Ее через подвиг смирения.

Борьба с помыслами

Ум, вступивший в беседу с помыслом, встретится с его непрерывным развитием и, увлеченный этою беседою, отрывается от памяти Божией, что и составляет цель демонов, которые оторванный от Бога ум так или иначе запутывают, и из беседы с помыслом ум не выйдет чистым.

Диавол есть колоссальная интеллектуальная сила. Бесы — сгустки разрушительной мысленной энергии. Невидимая мысленная брань есть решающая схватка души и демона. Ум — на ум, идея — на идею, тезис — на тезис, парадигма — на парадигму.

Сатана действует, ничем не обнаруживая себя, и успешно выдает свою мрачную, погительную заумь за нашу собственную мысленную работу. Палач и жертва в тесном мысленном контакте.

В конце концов, порабощенное грехолюбивое «Я» вступает в непрерывное мысленное общение с сатаной и нисколько не задумывается о том, что происходит.

Не вступая в беседу с помыслом вовсе,

всею мыслию и всею силою надо прилепиться к Богу и говорить: «Господи, я грешен и недостойн Твоей милости, но Ты по единому милосердию Твоему спаси меня».

Душа часто за один помысл сомнения в милосердии Божиим — «А ну как Господь не простит» — теряет много. Отчаяние же хуже всего — это хула на Бога, будто бы Он не в силах спасти или мера грехов наших может превзойти меру милосердия Божия. Он грехи всего мира полностью взял на Себя. Если мать все прощает своему дитяти, потому что оно неразумно, то тем паче Господь прощает, если мы смиряемся и каемся.

Пустынник Стефан, кормивший из рук леопарда, пред кончиною по привычке «противоречить» помыслам вступил с ним в спор и потому находился в состоянии борьбы с бесами.

Преподобный Марк Франчевский за то, что перед исходом утешал свою душу исчислением своих трудов, был задержан в воздухе на один час, а это очень опасно.

Другие отцы были более умудренными в духовной брани. Преподобный Макарий Великий, проходя воздушные пространства, не переставал смирять себя и, когда уже издали кричали ему бесы, что он избежал их, ответил, что еще не избежал. Так отвечал он потому, что привык держать ум свой во аде, и тем действительно избежал бесов.

Преподобный Пимен Великий, наученный долгим опытом борьбы с бесами, зная, что наиопаснейший и сильнейший враг есть гордость, всю жизнь трудился, чтобы стяжать

смирение, и потому говорил своим ученикам: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду». Но в глубине души, зная, как благ и милостив Господь, крепко уповал, что Он спасет Его.

Так смирять себя есть лучший способ хранить свой ум чистым от всякого страстного помысла. Однако многие подвижники этого не понимают и мыслить так не могут, но отчаиваются, не умея держать себя умом во аде и вместе уповать на милость Божию.

Духовная брань во многом похожа на обычную войну; и в этой нашей брани нужно так же быть мужественным. Духовное мужество состоит в крепком уповании на милость Божию. Мужественный подвижник, если и падает в грех, или прельстится и собьется с доброго пути, или даже поклонение даст бесу, — не теряется, но сейчас же с полным упованием обращается к Богу с покаянием и тем побеждает врагов. А не мужественная душа смущается, отчаивается и так пропадает...

Когда кто собьется с доброго пути в прелесть, то, прежде всего, необходимо принести покаяние пред духовником, рассказав ему все. После такой исповеди действие прелести ослабевает, а потом, хотя и не сразу, придет в полное исправление. Многие сбиваются, но, к сожалению, немногие исправляются. Многие сначала получают благодать, но не многие возвращают ее после того, как потеряли.

Святые отцы нам оставили учение об умно-сердечной молитве, ею хранится ум, и я не вижу другого пути, который дал бы лучшую возможность вообще сохранять заповеди Божии (*старец Силуан*).

Как спастись?

Сей благочестивый вопрос, естественно, рождается в уме каждого вследствие ощущения поврежденной и расслабленной природы человека и остатка в оной первоначального стремления к истине и праведности. Святой Симеон Новый Богослов говорил: «Тот, кто непрестанно молится, в сем одном все доброе совокупляет».

Для спасения души необходимы:

1. Истинная вера.

Святое Писание говорит: без веры невозможно угодить Богу. Иже не имеющий веры осужден будет. Но из того же Святого Писания видно, что человек не может сам собой возродить в себе веру даже на горчичное зерно, что вера не от нас, Божий бо есть дар; что вера яко дар духовный дается Духом Святым. Что же в таком случае делать? Как примирить потребность человека в вере с невозможностью возродиться в себе со стороны человека? Во оном же Святом Писании открыто для сего средство и показаны примеры: «Просите, и дастся вам». Апостолы не могли сами собой возбудить в себе совершенство веры, но молили Иисуса Христа: «Господи, приложи нам веру». Отсюда видно, что **вера приобретается молитвой.**

2. Потребны и благие дела — добродетели.

Ибо «вера без дел мертва есть», яко от дел оправдывается человек, а не от веры единой, и «аще хочеши внити в живот, соблюди заповеди: еже не убиеши, не прелюбы сотвориши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, чти отца твоего и мать и возлюбиши искренно яко

сам себе». А святой апостол Павел, представляя слабосилие человеческое, говорит: «От дел закона не оправдится всяка плоть».

Каким же образом исполнить потребные дела закона Божия, когда человек безсилен, не имеет возможности оправдать в себе заповеди?

Не имеет возможности только до тех пор, пока не просит о том, пока он не молится. «Не имати, зане не просите», — представляет причину святой апостол. Да и Сам Иисус Христос говорит: «Без Мене не можете творити ничесоже». А как творить с Ним, сему учит так: «Будете во Мне, и Аз в вас. Аще кто пребудет во Мне, плод мног сотворит». А быть в Нем — значит непрестанно ощущать Его присутствие, непрестанно просить во имя Его: «Аще что просите во имя Мое, Аз сотворю».

Итак, возможность добрых дел приобретается молитвою.

Из всего вышесказанного следует, что все душевное спасение человека приобретается молитвою. Без нее никакого дела христианского благочестия не может совершиться.

Посему-то **непрестанность, всегдашность** исключительно и представляется одной только молитве.

Каждая прочая добродетель имеет свое место и время, а молитвой заповедуется упражняться непрерывно. «Непрестанно молитесь», — говорит святой апостол Павел. Подобаet **всегда молиться на всяком месте, на всякое время.**

Истинная молитва должна приноситься с чистотою мыслей и сердца, с пламенным усердием, с твердым вниманием, с трепетным благоговением, с глубочайшим смирением.

Но кто в добросовестном сознании не согласится, что он далек от выше представленных условий для истинной молитвы, что он отправляет молитву свою более по необходимости, более с принуждением себя, нежели по влечению, по наслаждению молитвой, по любви к молитве. Об этом и Священное Писание свидетельствует, что человек не в силах упостоянить и совершенно очистить свой ум от неподобных помыслов: «Надлежит бо человеку помышления на зло от юности его», что Един Бог дает нам сердце ино и дух новый дает нам, что «Еже хотети и еже деяти — Божие есть».

Что же при таком безсилии каждого человека осталось возможным со стороны его воли и силы для спасения души его?

Веры он стяжать не может без молитвы, добрых дел также. Наконец, и истинно молиться не в силах.

Что же осталось на его долю, что представлено его свободе и силам, дабы не погибнуть, а спастись?

Как во всяком деле есть качество, то оное Господь представил Своей воле и дарованию. А чтобы яснее показать зависимость человеческую от воли Божией и глубже погрузить его в смиренномудрие, Бог оставил воле и силам человеческим одно **количество** молитвы, заповедав **непрестанно молиться** на всяком месте, во всякое время. А сим-то и открывает таинственный способ к истинной молитве, а вместе с нею и веры, и исполнения заповедей, и спасения.

Итак, на долю человека дано **количество**, **частость** молитвы представлена его воле. О сем точно так и учат отцы Церкви. Так святой

Макарий Великий говорит: «Молиться как-нибудь, но часто, состоит в нашей воле, а молиться истинно — есть Дар благодати».

Преподобный Исихий говорит: «Частость молитвы приемлет навыкновение и обращается в натуру, что без частого призывания имени Иисуса Христа невозможно очистить сердца».

Преподобные Каллист и Игнатий советуют, прежде всего, начинать молитву во имя Иисуса Христа часто, непрерывно, ибо частость и нечистую молитву возводит к чистоте.

Блаженный Диадок утверждает, что если бы человек как можно чаще призывал имя Божие (молился), то не впадал бы в согрешения. Как опытные, мудрые, близки к сердцу сии практические наставления отцов Церкви!

Святой Лествичник пишет: «При омрачении души нечистыми помыслами Иисусовым именем побеждай супостатов, часто повторяя оное. Крепче и успешнее сего оружия не найдешь ни на небе, ни на земле».

Святой Григорий Синаит пишет: «Знай, что никто не может утверждать ума своего, а поэтому при нечистоте мыслей чаще и многократнее призывай имя Иисуса Христа, и помыслы сами собой утихнут».

Какой простой, удобный, но и опытный способ и противоположный совету теоретического разума, самомнительно стремящегося достигнуть чистоты собственным самодействием. Разум утверждает: делай то и то доброе, вооружись мужеством, употреби силу воли, убедись благими последствиями добродетели, очисти ум и сердце от суетных мечтаний, делай добро и будешь уважаем и спокоен... Но увы! Все это при всем усилии не до-

стигает своей цели без частой молитвы, без привлечения ею помощи Божией.

Сообразив сии опытные наставления святых отцов, приходим к такому истинному заключению, что главный, единственный и удобнейший способ к приобретению дел спасения и духовного совершенства есть частость, непрерывность молитвы, как бы она ни была немощна.

Христианская душа! Если ты не находишь в себе силы поклоняться Богу духом и истинною, если сердце твое еще не ощущает теплоты и сладостного вкуса в умственной внутренней молитве, то принеси в молитвенную жертву то, что можешь, что состоит в твоей воле, что соразмерно твоим силам.

Частость молитвы произведет непременно навыкновение и обратится в натуру, привлечет по времени и ум и сердце в достодолжное устройство.

Вообрази, если бы при этом человек неопустительно выполнил одну сию заповедь Божию о непрестанной молитве, то в одной он исполнил бы все заповеди, ибо если бы он непрерывно во всякое время при всех делах и занятиях тайно призывал Божественное имя Иисуса Христа, хотя бы сначала и без душевной теплоты и усердия, хотя с понуждением сего токмо, но и тогда бы он не имел уже времени к чувственным греховным удовольствиям. Каждая преступная мысль его встречала бы препятствие в ее распространении, каждое дело не обдумывалось бы так плодovито, как в праздном уме, сократились бы или вовсе уничтожились бы многословие и празднословие, и каждый проступок немедленно очищался бы

благодатной силой столь часто призываемого имени Божия.

Частое упражнение в молитве часто отвлекало бы к существенному ее значению — к единению с Богом!

Теперь видишь, как важно и необходимо количество в молитве?!

Частость в молитве есть единственный способ к приобретению чистой и истинной молитвы, есть самое лучшее и самое действенное приуготовление к молитве и вернейший путь к достижению молитвенной цели и спасению! Частость молитвы есть основание или фундамент, держащий на себе весь круг спасительной деятельности.

Для дальнейшего убеждения в необходимости и плодотворности частой молитвы заметить:

1. Что каждое возбуждение, каждая о молитве мысль есть действие Духа Святого и глас Ангела твоего хранителя.

2. Что имя Иисуса Христа, призываемое в молитве, содержит в себе самосушную и самодействующую силу.

3. А потому не смущайся нечистотою или сухостию молитвы твоей и с терпением ожидай плода от частого призывания имени Божия.

Не слушай неопытного, несмысленного внушения суетного мира, будто бы одно, хотя и неотступное, но хладное взывание есть бесполезное многословие. Нет! Сила имени Божия и частость призывания явят плод свой во время свое! «Аще не будете яко дети, не внидите в царствие Божие». Потребно ли много ума, учения или знания, чтобы сказать

чистосердечно: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!»

Ах, христианская душа! Бодрствуй и не умолкай в безпрестанных взываниях Господней молитвы! Хотя бы сей вопль твой происходил от сердца, еще рассеянного и наполненного еще наполовину миром, — нужды нет! Надобно только его продолжать, не умолкать и не беспокоиться: он сам собой очистится от учащения. Не выпускай никогда из памяти, что «Иже в вас болий есть того, иже в мире».

Итак, после сих убеждений, что частость молитвы при всем слабосилии так мощно, безусловно доступна человеку и состоит в полной его воле, решишь испытать, хотя один день на первый раз, провести в наблюдении за собой, за частостью твоей молитвы над делами житейскими во времени, непременно докажет тебе, что сей день не потерян, а приобретен во спасение: на весах правосудия Божия частая молитва перетягивает доску слабостей твоих одного дня в памятной книге совести, поставляет тебя на степень праведности, дарует надежду получить освящение в вечной жизни.

Никакое стороннее развлечение не может пресечь молитву (сердечную, кто ею обучен) в желающем молиться, ибо тайная мысль человека не подлежит никакому внешнему связанию и совершенно свободна сама в себе. Она во всякое время может быть ощущаема и обращена в молитву, даже и самый язык может тайно без внешнего звука выражать молитву в присутствии многих и при занятиях внешних, да и притом же занятия наши не так важны, разговоры наши не столь занимательны, что-

бы не можно было найти удобства при оных повременно и часто призывать имя Иисусово, если даже и ум не приобучен еще к непрестанной молитве, хотя, конечно, уединение от людей и рассеивающих предметов и составляет главное условие для внимательной и непрестанной молитвы. Однако, в случае невозможности воспользоваться оным, не должно извинять себя в редкости молитвы: поелику количество, частость доступна возможности каждого, и здорового и больного, состоит в его воле.

Доказательные тому примеры представляют те, кои, бывше обременены обязанностями, развлекающими должностями, заботами, хлопотами, работою, не только всегда призывали Божественное имя Иисуса Христа, но даже и посредством сего обучились и достигли внутренней молитвы сердца.

Святой Иоанн Златоуст в поучении своем о молитве говорит следующее: «Никто не должен представлять ответ, что невозможно всегда молиться занятому жизненными попечениями или не могущему быть в храме. Везде, где ты ни находишься, можешь поставить жертвенник Богу в уме твоём посредством молитвы».

Итак, молиться удобно и на торжище, и в путешествии, и стоящему при продаже, и сидящему за ремеслом; везде и во всяком месте молиться можно. Да и подлинно, если человек обратит прилежное внимание на себя, то везде найдет удобство для молитвы, только бы убедился в том, что молитва должна составлять главное занятие пред всеми его обязанностями. В таком случае он бы, конечно, распоряжался в делах решительнее, при необходимом разговоре с людьми соблюдал бы краткость,

молчаливость и уклончивость от бесполезного многословия, не суетился бы излишне в хлопотах, дабы посредством всего этого более приобрести времени на тихую молитву. При таком настроении все действия его силою призывания имени Божия ознаменовались бы успехом, и, наконец, он приучил бы себя к непрерывному молитвенному призыванию имени Иисуса Христа и опытно познал бы, что **частость** молитвы, сие единственное ко спасению средство, предоставлена возможности и воле человека, и что во всяком времени, положении и месте молиться можно, и удобно восходить от частой молитвы устной к умной, а от сей к молитве сердечной, отверзающей Царствие Божие внутри вас. Молитва как бы перерождает человека. Сила ее так могущественна, что никто — никакая сила страсти против нее — устоять не может.

Епископ Игнатий Брянчанинов пишет: «Упражнение молитвою Иисусовой имеет два главнейших периода:

1. В первом периоде предоставляется молиться при одном собственном усилии. Благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся, но она не обнаруживает Своего присутствия.

2. Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя молиться непарительно с сердечным плачем и теплотою.

Молитва первого периода именуется делательной или трудовой.

Молитва второго периода — благодатною и самоподвижною.

Для прохождения Иисусовой молитвы необходимы два условия:

1. Покаянное сердце.

2. Чтобы вся жизнь была в соответствии с этим священным деланием.

Пребывание в покаянии — есть залог спасения. Будем довольны этим состоянием, не будем искать высшего состояния. Искание высшего состояния есть признак гордости и самомнения и приводит не к преспеянию, а к преткновению, к гибели. Что требуется от нас, чтобы Иисусова молитва приносила добрый плод в сердце? Как уже упоминалось, что, на какой бы ступени она ни стояла, непременно должна сопровождаться покаянным чувством. Этого требует и самое ее содержание. Ведь мы просим в ней «помилования». «Пребывать в мире с Богом нельзя без непрерывного покаяния», — пишет епископ Феофан.

«Нет минуты, когда бы кто не имел чего на совести. Мы никогда не бываем без греха. Тот уже лжец, кто иначе думает. Отсюда следует, что должно **непрерывно каяться**, очищая свою совесть. Ибо покаяние смывает всякую скверну с души и делает ее чистою.

При покаянии необходимо сознание своей виновности без самооправдания: молитва об оставлении грехов. Великие грехи необходимо исповедовать духовному отцу и принять разрешение.

Нужно молить Господа о том, чтобы дал увидеть свое бедственное греховное состояние, в котором находимся все мы, всю свою нищету духовную, свое совершенное безсилие в деле добра, чтобы дал нам сердце сокрушенное и болезненное чувство нужды в Его Божествен-

ной всеильной помощи, которую и просить непрестанною молитвою.

Покаянное чувство в молитве Иисусовой должно быть непрекращаемым во всю нашу жизнь.

Должно совершать молитву со вниманием, благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали в молитве.

От всякого неверного шага, от всякой ошибки и обмана или прелести, от всякого нездорового чувства в начале делания молитвы Иисусовой спасает одно — покаяние и плач. Плач есть сердечное чувство покаяния спасительной печали о греховности и разнообразной и многочисленной немощи человека.

«Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит», то есть не предаст во власть и поругание демонов, как предается Им сердце гордое, исполненное самомнения, самонадеянности, тщеславия.

Плач есть та единственная жертва, которую Бог принимает от нашего человеческого духа Святым Божиим Духом. Да будет наша молитва чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас».

«Кто принуждает себя исключительно и всеусильно к молитве, но не трудится о приобретении смирения, любви, кротости и всего сонма прочих добродетелей, не внедряет их в себя насильно, — пишет святой Макарий, — тот может достигнуть только до того, что иногда по прошению его касается Божественная благодать, потому что Бог по единственной

благости Своей человеколюбиво дарует просящим то, чего они хотят. Если же получивший не приобучит себя прочим добродетелям и не стяжет навыка в них, то или лишается полученной благодати, или, вознесшись, ниспадает в гордость, или, оставаясь на низшей ступени, на которую взошел, уже не преуспевает более и не растет. Престолом и покоем для Святого Духа служат смирение, любовь, кротость и все святые заповеди Христовы.

Желающие приступить к Господу, и сподобиться вечной жизни, и быть домом Божиим, и удостоиться Духа Святого, чтобы непорочно и чисто творить по заповедям Господним плоды Его, должны так начать.

Во-первых, веровать твердо Господу и всего себя предавать словам и заповедям Его. И во всем отречься мира, дабы ум не вращался ни в чем из видимых вещей, и всегда непоколебимо пребывать в молитвах, и не отчаиваться в ожидании, что Господь презрит и поможет во всякое время.

Затем постоянно понуждать себя ко всякому доброму делу и ко всем заповедям Господним, хотя бы из-за пребывающего в сердце греха и желания к тому не было. То есть принуждать себя к смирению пред всеми людьми, считать себя меньшим и худшим всех, не ища от кого чести себе, или похвалы, или славы, как того требует Евангелие, но только всегда иметь пред глазами своими Господа и Его заповеди и Ему одному стараться угождать. Так же принуждать себя к кротости, хотя бы и противилось тому сердце. Подобным же образом быть милостивым, приветливым, сострадательным, добрым, сколько возможно к тому

себя принуждая. Иметь всегда перед глазами смирение Господне, и жизнь, и обращение, и, сколько есть сил, понуждать себя к непрестанному пребыванию в молитве, всегда прося и веруя, чтобы пришел Господь, и обитель сотворил в сердце, и наставил, и утвердил бы во всех заповедях Своих, и чтобы душа стала домом Иисусу Христу.

И, таким образом, делая с насилием над собой и против сердца, делатель привыкнет потом ко всякому доброму делу, ко всегдашней памяти о Господе, ко всегдашнему ожиданию Его великой благодати и любви. И тогда Бог, видя его такой труд и принуждение себя к доброму, даст ему истинную молитву Христову, даст глубину милосердия, истинное человеколюбие и, просто сказать, подаст ему все плоды духовные» (*преподобный Макарий Великий*).

Мы указали те качества, какие должен укреплять в себе делатель Иисусовой молитвы, но должно указать еще и то, с чем ему придется бороться в себе — это рассеяние внимания, трудность сосредоточиться на словах молитвы, блуждание мыслей, все время лезущие в голову посторонние мысли. Все это преодолевается у новоначальных не своими силами, а смиренным прибеганием под защиту Божию, деланием молитвы Иисусовой. По мере того, как молитва все более и более укрепляется в сердце и как все живее и глубже делается чувство своего предстояния пред Богом, тем чище и свободнее от рассеянности и помыслов становится молитва.

Молитва столь сильна и могущественна, что молись и делай что хочешь, и молитва возведет тебя к правильному и праведному деланию.

1. Молись и мысли все, что хочешь, и мысль твоя очистится молитвою. Молитва подаст тебе просвещение ума, утешит и отгонит все неуместные помыслы.

Сие утверждает святой Григорий Синаит: «Если хочешь, советует он, прогонять помыслы и очистить ум, молитвою прогоняй их, ибо, кроме молитвы, ничем не можно удерживать мысли».

О сем также говорит и святой Иоанн Лествичник: «Иисусовым именем побеждай врагов мысленных, кроме сего оружия не найдешь иного».

2. Молись и делай что хочешь, и дела твои будут богоугодны и для тебя полезны и спасительны. Частая молитва, о чем бы ни была, не останется без плода (святой Марк Подвижник).

Поелику в ней самой есть сила благодатная, «свято имя Его и всяк, иже призовет имя Господне, спасется».

3. Молись и не трудись много своею силою побеждать страсти. Молитва разрушит их в тебе. «Иже в вас болий есть, иже в мире», — говорит Священное Писание.

А святой Иоанн Карпафийский учит, что, если ты не имеешь дара воздержания, не печалься, но знай, что Бог требует от тебя прилежания к молитве и молитва спасет тебя.

4. Молись и не опасайся ничего, не бойся

бед, не страшись напастей, молитва защитит, отвратит их.

5. Молись хоть как-нибудь, только всегда, и не смущайся ничем, будь духовно весел и покоен: молитва устроит все и вразумит тебя.

Помни, что о силе молитвы говорят слова святые Иоанн Златоуст и Марк Подвижник. Первый утверждает, что «молитва, хотя бы и приносилась от вас, наполненных грехами, тотчас очищает...». А второй так о сем говорит: «Молиться как-нибудь состоит в нашей воле, а молиться чисто есть дар благодати».

Итак, что в твоей силе, тем пожертвуй Богу, хотя количество (для тебя возможное) приноси вначале Ему в жертву, Божия сила излиется в твою немощную силу; и молитва сухая и рассеянная, но частая, всегдашняя, обретши навык и обратясь в натуру, соделается молитвою чистою, светлою, пламенною и достодоленною.

6. Затем, наконец, если бы время твоего бодрствования сопровождалось молитвою, то естественно, что не оставалось бы времени не только на греховные дела, но даже и намышления о них.

Как отрадно и утешительно все сказанное для грешника, отягченного слабостями, для стнящего под бременем воюющих страстей!

Молитва — вот все, что дано как всеобъемлющее средство ко спасению и усовершенствованию души.

Молитва тогда явит действующую силу и плод, когда будет производима часто, непрестанно, ибо частость молитвы, безусловно, принадлежит нашей воле, тогда как и чистота, усердие и совершенство молитвы есть дар благодати.

Итак, будем молиться как можно чаще, посвятим свою жизнь молитве, хотя и развлеченной вначале!

Воображение и память

Бог выше всего, Он превышает воображения. Никакое воображение не имеет места в отношении к Богу. Следовательно, воображение — это такая сила души, которая по своей природе не имеет способности пребывать в области единения с Богом. Люцифер, первый из ангелов, будучи прежде выше всякого воображения неразумного, когда возмечтал и наполнил ум свой образами равенства Богу, ниспал от простого безвещества ума в многовидное воображение. По сей причине диавол у святых отцов называется живописцем, змием многовидным, питающимся землей страстей, фантазером. Так воображение есть порождение диавола и пригодно к погублению нас. Это мост, через который демоны входят в душу. Адам пал от своего мечтания. Быть погружену в образы или жить в них и под влиянием их есть свойство неразумных животных, а не существ разумных.

Если желаешь легко и удобно освободиться от заблуждений и страстей, если ищешь избежать разных сетей и козней диавола и соединиться с Богом, вступи в брань со своим воображением, так как оно засоряет чистоту ума. Ни одна почти страсть, ни душевная, ни телесная, не может приступить к уму иначе как через воображение. Храни свой ум чистым. Но этого достигнуть можешь ты не иначе, как возвратив ум свой в себя, заключив его

в сердце. Бодрствуй над собой. Не давай своему воображению и памяти вспоминать прежде виденное, слышанное, обонянное, вкушенное. В этом и состоит преимущественно наша брань. Пребывай в сердце с памятью о Господе и молитвой к Нему, если желаешь оставаться победителем в смущениях помыслами и страстными движениями.

Избегать тревог и смятений

Когда христианин потеряет сердечный мир, надо делать все, чтобы восстановить его. Не допускать, чтобы какие-либо случайности текущей жизни возмущали сей мир: болезни, раны, смерть сродников, войны, пожары, внезапные радости, страхи и скорби, воспоминация о прежних проступках и ошибках — словом, все, чем обычно волнуется и тревожится сердце, так как поддавшись им, человек теряет самообладание и лишается возможности ясно понимать события и верно видеть подобающий образ действия, а то и другое дает врагу доступ взволновать его еще больше и направить на какой-либо шаг, трудно поправимый или совсем непоправимый.

Средство для умиротворения сердца.

Восставить в возможной силе веру в благое Провидение о тебе Божие, устрояющее течение нашей жизни со всеми ее случайностями в личное каждому из нас благо и благодушное покорение воле Божией.

Не говори: «Как я допустил это?» Это вопль гордостного самомнения. Смирись, напротив, и скажи: «Чего другого и ожидать было от меня, Господи, столь немощего и худо-

нравного». Сознав себя худым и виновным во всем, что сделал худого, осуди себя и укори, и притом себя самого, не озирайся по сторонам, ища, на кого бы свалить вину свою. Ни люди окружающие, ни стечение обстоятельств не виноваты в грехе твоём. Виновно одно злое произволение твое. Себя и укоряй.

Поспеши возгреть покаянные чувства.

Сокрушение и болезнование о грехе не столько по причине унижения себя грехом, сколько по причине оскорбления им Бога, столько милостей тебе лично явившего в призвании тебя к покаянию, в отпущении прежних грехов и во всем. Чем глубже сокрушение, тем лучше. Но, как бы ни было сильно сокрушение, и тени не допускай нечаяния помилования. Помилование уже готово и рукописание всех грехов разорвано на Кресте. Ожидается только раскаяние и сокрушение каждого, сим упованием и душою и телом вопи: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей», — и не переставай вопить, пока не почувствуешь себя виновным-милуемым.

Все сие — самоосуждение, сокрушение, уповательную молитву о благодатной к тому помощи должно тебе проводить внутри всякий раз, как погресишь оком, слухом, мыслию, чувством, языком. И на мгновение не оставляй в сердце греха не исповеданным Господу и не очищенным пред Ним сердечным покаянием. Врагу это страшно, так как разоряет все его козни. Поэтому он всячески препятствует этому внутренне и внешне.

Внутренне — мыслями и чувствами. Внешне — напущением всяких встреч и случайностей. Он внушает не тотчас каяться Богу, а че-

рез некоторое время. Душа остается грязной. Грех за грехом, смятение и мрак от множества допущенных падений. Принимай решение каяться «сей час». Не отлагай ничего доброго, каждой вещи — свое время.

Когда бываешь уранен на брани.

Впавши в какое-либо прегрешение по немощи своей или худонравию (разумеется, грехи простительные: недолжное слово сорвалось, рассердиться пришлось, мысль худая промелькнула, желание недолжное поднялось и т. п.) не малодушествуй и не мяться попусту и без толку.

Первое, что нужно, не останавливайся на себе, говоря: «Как я допустил это?» Это вопль гордостного самомнения. Смирись, напротив, и, воззрев ко Господу, скажи и восчувствуй: «Чего было и ожидать от меня, немощного и худонравного».

И кайся тотчас перед Господом, не откладывая. И не отчаивайся. Не обвиняй никого при этом, только себя, даже диавола не обвиняй (как Адам и Ева). Покаяние уничтожает козни диавола.

Чрез падение мы вышли вовне; возвратись же к себе, отвращаясь от внешнего.

«С тех пор, как человек изгнан из рая и отдалился от Бога, диавол с бесами получил свободу день и ночь невидимо колебать мысленную силу всякого человека. Оградиться от этого уму не иначе возможно, как непрестанною молитвою».

«Препятствия сердечной молитве нападают с двух сторон, с шуйей и десной», то есть если враг не успеет отвлечь от молитвы суетными помыслами и греховными замыслами, то возобновляет в памяти поучительные воспоми-

нения или внушает прекрасные мысли, чтобы только хоть чем-нибудь отвлечь от молитвы, им не терпимой.

И это называется десное крадение, при коем душа, презрев беседу с Богом, обращается к удовольственной беседе сама с собой или с тварями.

Во время молитвы не нужно принимать и самой прекрасной духовной мысли. Святой Исихий и самую духовную и полезную беседу, но неумеренную, называет празднословием.

Святой Ефрем Сирий говорит, что добрая речь — серебро, а молчание — чистое золото.

Частость умного призывания имени Иисуса Христа, как дождь, смягчает землю сердца. Этот способ вполне достаточен для достижения внутренней молитвы, согласно опытам и наблюдениям святых отцов.

Диавол, яко лев рыкая, ходит с своими полчищами, иский, кого поглотить. Да не пресекается же никогда у тебя святое делание, так как, кроме помощи Иисусовой, не найти во всю жизнь тебе иной. Он один, яко Бог, знает демонские оковы, обходы и лукавства.

Хранение ума с призыванием Иисуса Христа, непрестанно безмолвствовать мыслью даже от помыслов, кажущихся лестными, добрыми, вообще от всяких помыслов, дабы не утаились за ними тати и не пошел ум вслед за демонским призраком, как дитя за фокусником.

Добродетель трезвения отсекает от ума помыслы, которыми грех стучится в ум, чтобы, если будут приняты сердцем, сделаться грехами чувственными, грубыми.

Молитва Иисусова наплодит в сердце твоём добро. Ее ты найдешь лестницею, потом

книгою в коей будешь читать, наконец, более и более преуспевая, найдешь ее Иерусалимом небесным.

Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов своих. Только до самого исхода твоего, да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, и Он сотворит отмщение ее вскоре по неложному обетованию, которое изрек Он в притче о неправедном судье.

Не допускай тщеславия и самомнения, дабы не лишиться помощи Божией, так как Христос ненавидит все такое, будучи образцом смирения.

Трезвение называют путем, потому что оно ведет в Царствие, оно выделяет и убеляет нравы духовные и страстное переделывает в безстрастное.

Первая дверь, вводящая в мысленный Иерусалим во внимании ума, есть разумное молчание уст, хотя ум еще не безмолвствует; вторая — мерное воздержание в пище, питии, сне, третья — очищающая ум и тело, непрестанная память о смерти.

Блаженный Диадокх преподавал своему ученику:

«Ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, в пути ли находишься, или в келии сидишь, не переставай трезвенно мыслить и неблуждающим умом молиться такою молитвою, даже при исправлении самых необходимых потребностей своих, не давай уму своему быть праздным, но заставляй его молиться. Да исполнишь апостольское Слово, заповедующее: непрестанно молитесь».

Всеми силами старайся ничего не делать

по человекоугодию и берегись иметь вражду с кем-либо из братьев, чтоб не отдалить себя от Бога.

Брат, живший со старцем, спросил его, были ли он искушаем наветами демонскими, живя в пустыне. Он же сказал: «Прости, брат, если попустит Бог прийти на тебя искушениям от диавола, каким я подлежал, то не думаю, чтобы ты мог вынести горечи их. Что же испытал я и вытерпел от этих демонов, живя в пустыне, о горечи их не полезно повествовать.

В таких искушениях я всегда поступал так: возлагал все упование мое на Бога, и Он скоро избавлял меня от всякой нужды. Почему, брате, я теперь никакого уже о себе и промысления не творю, но, зная, что Он печется обо мне, очень легко переношу находящие на меня искушения. И только то одно Ему от себя приношу, чтоб непрестанно молиться».

Ведая сие, брате, не поддавайся малодушию.

«Блага духовные, достойные усердного труда, не достанутся нам, если будем возлежать на одрах и спать. Отрешись от своих хотений, стяжи непрестанную молитву и нестяжание, не внимай согрешениям других, но только своим, и об них плача день и ночь и не имея суетной дружбы ни с кем из людей, ибо душа, скорбящая о своем бедственном положении и уязвляемая памятью о прежних согрешениях своих, бывает мертва миру».

Один молитвенник говорил: «Не знаю, угодна ли моя грешная молитва, ибо я, помолясь, чувствую иногда великую радость и сам не знаю отчего, легкость и веселое успокоение, а иногда тягость, скуку и уныние, но при

всем том всегда до смерти молиться все хочется».

«Не смущайся, любезный брат, все благоугодно Богу и все спасительно, что бы ни последовало во время молитвы, говорят святые отцы, — легкость ли, тяжесть ли — все хорошо. Никакая молитва, ни хорошая, ни худая, не пропадет перед Богом. Легкость, теплота и сладость показывают, что Бог награждает за сей подвиг, а тягость, мрачность, сухость означает, что Бог очищает и укрепляет душу и сим полезным терпением спасает ее, приуготовляя со смирением ко вкушению будущей сладости» (об этом писал и святой Иоанн Лествичник).

ТЕМА 2

БОРЬБА СО СТРАСТЯМИ

О гордости

Гордый не считает себя гордым. Он говорит: «Я не горд». Да, гордость слепая, сама себя не видит. Она изобретение диавольское. Вот признаки ее: гнев, клевета, раздражительность, лицемерие, ненависть, прекословие, непокорность, она крепко настаивает на своем мнении, трудно подчиняется другим, замечаний не терпит, а сама любит делать замечания другим, слова выбрасывает неосмысленно, не имеет терпения, чужда любви, дерзка даже до нанесения оскорблений, стремление к власти, хульные помыслы.

В борьбе со страстью обратись к Господу внутри сердца и не отходи от Него вниманием к тому, что в тебе происходит; враг от этого

невнимания, как огнем палимый, убежит немедленно.

Не вступай в словесную прю со страстным помыслом, прямо умоляй Господа со всей преданностью Его вседействию, и этим самым страстное уже отстраняется от очей ума, взирающих на Господа. Будучи отрезано от души таким невниманием, оно само собою отходит, и душа сразу успокаивается.

О злословии и клевете

От ненависти и памятозлобия рождается оно. Причина осквернения сердца и отягощения его — истребление чистоты.

Кто хочет победить духа злословия, тот пусть приписывает вину не согрешающему, но подушающему его бесу, ибо никто не желает грешить против Бога, хотя каждый из нас согрешает не по принуждению.

Видел я согрешившего явно, но он покался тайно, и тот, кого я осудил как блудника, был уже целомудр у Бога, умилившись Его чистосердечным обращением.

И кто перед тобою злословит ближнего, скажи ему: «Я ежедневно падаю в лютейшие грехи, как могу его судить?» Сказано: «Не судите, да не судимы будете».

Судить — значит безстыдно похищать сан Божий, а осуждать — погублять свою душу.

О памятозлобии

Это — пагуба добродетелей. Гвоздь, вонзенный в душу, отчуждение любви, хранение согрешений, червь ума.

Памятозлобствуй на бесов, враждуй против плоти непрестанно. Память страданий Иисусовых исцелит.

О безгневии и кротости

Безгневие есть ненасытное желание безчестий, как в тщеславных людях бывает безконечное желание похвалы. Безгневие есть победа над естеством, нечувствительно к досаждениям, происходящее от подвигов и потов.

Кротость есть недвижимое устроение души, в безчестии и в чести пребывающее одинаковым.

Начало безгневия есть молчание уст при смущении сердца.

Середина — молчание помыслов при тонком смущении ума.

Конец — непоколебимая тишина при дыхании нечистых ветров.

Гнев есть желание зла огорчившему. Раздражительность есть безобразие души.

Как при явлении света исчезает тьма, так и при благовеянии смирения истребляется всякое огорчение и раздражительность.

Многие не борются с этой страстью и падают через нее. Гневливый человек по временам произвольно увлекается этой страстью, потом уже от навыка и невольно побеждается и сокрушается ею.

Ничто так не противно кающимся, как смущение от раздражительности, потому что покаяние требует великого смирения, а раздражительность — знак великого возношения.

Если признак крайней кротости состоит в том, чтобы в присутствии раздражающего со-

хранять тишину сердечную и залог любви к нему, то крайняя степень гневливости обнаруживается тем, что человек наедине сам с собою словами и телодвижениями как бы с оскорбившим его препирается и ярится.

Если Дух Святой есть мир души, а гнев есть возмущение сердца, то ничто столько не препятствует пришествию в нас Духа Святого, как гневливость.

Многие являли долготерпение, но безрассудное и под покровом молчания скрывали внутри себя памятозлобие. Белизну голубя омрачили чернотою.

Многие, сидя в уединении безмолвствующих мужей, я слышал, как они от досады и гнева наедине злились, как куропатки в клетках. Я им советовал не жить в уединении, чтобы из людей не превратиться в бесов.

Многие, видом кроткие, ласковые, братолюбивые и любили красивые лица, но они похотливы сердцем. Сим я советовал проводить безмолвное житие, чтобы им не превратиться в бессловесных животных.

Многие обнаруживают душевное неистовство, гнев ни о ком, а уже словом и даже руками, это чуждо монаху.

Жалкое зрелище видел я в людях гневливых, бывающих в них от тайного возношения. Ибо, разгневавшись, они опять гневались за то, что побеждались гневом. Я удивлялся, видя, как падение в них следовало за падением, и не мог без сострадания видеть, как они сами себе за грех отомщали грехом, и ужасаясь коварству бесов, я едва не отчаялся в своей жизни.

Начало блаженного незлобия — сносить

безчестия молча, хотя с огорчением и болезнью души.

Средина — пребывать в оных без печали.

Конец — если принимать оные как похвалы.

Непрестанная молитва — меч в борьбе с гневом.

Итак, да свяжется гнев, как мучитель, узами кротости и поражаемый долготерпением влекомый святою любовью и предавши перед судилищем разума да подвергнем допросу. Гнев отвечал на вопрос, кто у него отец и мать, и дочери, и кто его мучает и побеждает?

Отцов и матерей у него много: надменность, тщеславие, сребролюбие, объядение, иногда блудная страсть.

Дочери: памятозлобие, ненависть, вражда, самооправдание.

Враги его: безгневие и кротость, непрестанная молитва именем Иисуса Христа.

Наветник: смиренномудрие.

О многословии и молчании

Многоглаголение — дверь злословия и клеветы, седалище, на котором тщеславие любит являться, истребление сердечного умиления, праздник неразумия, предтеча сна, призывание уныния, расточение внимания, охлаждение святой теплоты, помрачение молитвы.

Благодарное молчание есть противник любоучительства, делатель плача, сокровенное восхождение. Безмолвие уст упраздняет тщеславие.

О целомудрии и чистоте

Чист тот, кто плотскую любовь отражает любовью Божественной. Целомудрие есть всеобъемлющее название всех добродетелей. Целомудрие есть чистота души и тела.

Начало чистоты, когда помысл не слагается с блудными прилогами.

Середина — нет мечтаний.

Конец — совершенная нечувствительность ко всякому телу, и виду, и красоте. Чист тот, кто покорил тело душе.

Кто телесными трудами и потами ведет брань с сим соперником, тот связал врага своего слабым вервием. Кто воюет против него воздержанием и бдением, тот обложил врага своего железными оковами, а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке.

Блудная страсть по святым отцам попускается для смирения.

Об унынии

Преподобный Моисей говорил: «Сила для желающего стяжать добродетели заключается в том, чтобы не малодушествовать, когда случится пасть, но снова продолжать свой путь, не падать свойственно только Ангелам».

Не только у живущих в миру во многих заботах, но и у святых отцов, которые жили тоже не без забот, молитва пресекалась, и они чувствовали себя иногда очень слабенькими. Но они, как опытные, не малодушествовали в

изменениях, а терпели неприятные свои переживания.

И у святых бывали перемены, вспышки гнева.

Без помощи Божией не победишь ни одной страсти. Сознай свою немощь и безсилие в молитве Иисусовой и получишь неошутительно освобождение от страсти.

Приведем здесь отрывок из беседы великого оптинского старца Варсонофия:

Один монах пришел в уныние от того, что не видел в себе перемен к лучшему. Он спрашивал старца: «Как умереть для греха? Чувствую свое безсилие». — «Да, — отвечал старец, — мы совершенные банкроты, и если Господь будет судить по делам, то мы, конечно, не имеем ничего доброго». — «Но есть ли надежда на спасение?» — «Конечно, есть. Всегда произносите молитву Иисусову и все предоставьте воле Божией». — «Но какая же польза от этой молитвы, если в ней не участвуют ни ум, ни сердце?» — «Громадная польза. Разумеется, эта молитва имеет множество подразделений от простого произношения этой молитвы до молитвы творческой, но нам хотя на последней ступеньке быть спасительно. От произносящего эту молитву бегут вражеские силы, и такой рано или поздно, а все равно спасается.

«Воскрешен, — воскликнул монах-схимник, — больше не буду унывать!» — «Произносите эту молитву хотя бы только устами, и Господь никогда вас не оставит».

«Когда мы вспомним земную жизнь Христа, Он представляется нам окруженным слепыми, хромыми, расслабленными, прокаженными, бесноватыми, сухорукими, кровоточивыми, скорченными, и все тянутся к Нему, все простирают к Нему руки, и всем Он дает исцеление.

Но что бы сказали вы, если бы все эти несчастные люди стали судить, злословить и смеяться над болезнями друг друга: глухой над прокаженным, прокаженный над расслабленным, расслабленный над бесноватым, — какой бы ужас, какое безумие был бы этот суд, этот смех.

А между тем именно этот ужас и безумие — главные основы нашей жизни.

Перед нами Крест Господень, как символ искупившей нас Божественной любви. Среди нас невидимо присутствует Господь наш Иисус Христос. И, если бы открылись духовные очи наши, мы увидели бы, что каждый грех наш, как болезнь на теле, обозначен на нашей душе. Душа у одних покрыта струпьями, как у прокаженного, у других слепа, у третьих в бреду, в горячке. И мы, больные духом, окружаем Христа, как некогда окружал Его народ.

Зачем же мы так безжалостно судим друг друга? Зачем все отношения наши основаны на этом жестоком суде? Зачем большую часть жизни нашей мы только и делаем, что судим, судим и казим друг друга?

Ты, прокаженный блудом, зачем издеваешься над ослепленным завистью? А ты, прокаженный завистью, зачем злословишь задыхающегося в горячке стремления к житейским благам?

Не этот ли взаимный суд — главное препятствие в деле нашего спасения? Могли ли бы получить исцеление окружающие Христа люди, если бы они вместо мольбы о том, чтобы Он их пожалел, их простил, стали бы глумиться, судить и смеяться друг над другом?

Все мы больные, все мы несчастные. У каждого свой грех. Но у каждого один Спаситель — Христос.

Слепые, прокаженные, расслабленные! Подойдемте же, как братья, любя и жалея друг друга, ко Кресту Господню, припадем к Нему с верою и слезами, да простит и спасет нас Господь и да исцелит душевные и телесные тяжкие недуги наши.

ТЕМА 3

ДУХОВНАЯ БРАНЬ

Приходящему ко Господу надлежит: принуждать себя ко всякому добру; принуждать себя к любви, если кто не имеет ее; принуждать себя к кротости, иметь милостивое сердце; принуждать себя терпеть пренебрежение, при этом быть великодушным; принуждать себя к молитве.

Видя, что человек столько подвизается против воли сердца, с усилием обуздывает себя, Бог даст ему все истинное и исполнит его духовного плода.

Господь требует от тебя, чтобы ты сам на себя был гневен, вел брань с умом своим, боролся с порочными помыслами.

Господь, зная немощь человеческую, что человек скоро превозносится, останавливает

его и попускает ему быть в непрестанном упражнении и волнении. Бог посылает скорби, чтобы стал ты смиренным и ревностнее взыскал Бога.

Душа должна сопротивляться, противоборствовать, пребывая в скорби, грех начинается, наконец, одерживать верх, она в падениях восстает, грех снова низлагает ее, в десяти и в двадцати борениях побеждает и низлагает душу. Душа начинает брать преимущество, быть твердой, не ослабевать и одерживать над грехом победы.

Открывается какая-то сокровенная и тонкая сила тьмы, пребывающая в сердце. И Господь бывает близ души и втайне начинает упокоевать тебя.

О воздержании

Воздержание есть первый шаг во всех добродетелях...

Господь Иисус Христос говорит: «Возлюби врагов твоих», то есть злословящих тебя и укоряющих. Как это сделать? Он злословит тебя в лицо, не можешь же ты вдруг возлюбить его сейчас?

Во-первых, воздержись, чтобы не ответить тоже бранью. Далее воздержи свой помысл от дурной мысли об этом человеке и так дальше.

Значит, первый шаг любви — воздержание. Оно же приводит и к помощи Божией. Тут ты увидишь, что твоих собственных сил слишком мало, что тебе необходима помощь Божия, и станешь просить ее всем существом своим. Так приобретается истинная молитва (*игумения Арсения*).

Но после Бог оставляет тебя под обучением и в самых скорбях получает о тебе благодать. И даст познать Себя и покажет тебе, что для твоей же пользы быть тебе в борении.

Достигшие истинного преуспевания не видят этого и почитают себя ничем. Благоискусные пред Богом сами себя признают не благоискусными, и для них стало естественным делом почитать себя низкими.

«Посему христиане сами должны употреблять все старание вовсе никого не осуждать: ни явную блудницу, ни грешников или людей безчинных — взирать же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось в нечто естественное никого не унижать, ничем не гнушаться и не делать различия между людьми».

Нет человека, на которого враг перестал бы нападать. Но, по-видимому, не на всех наступают он с одинаковым усилием. Иные терпят сильную брань и терзания от греха, но укрепляются во бранях, пренебрегая супротивную силу, и нет им опасности в этом отношении, потому что непоколебимы и уверены в своем спасении, так как часто упражнялись и приобрели опытность во брани со злобою. И Сам Бог с ними.

Если иной раз что-нибудь похитит ум, не надо замедлять в помысле, дабы сосложение с помыслом не вошло в дело греховное в день Суда.

Со смиренным сердцем с утра до вечера вопите Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешную, так принуждайте ум ваш до смерти.

Можно вопиять и стенать внутри сердца ко Господу и во время любого занятия, ходя по

торжищу, сидя с друзьями и так далее. Если и нет вблизи молитвенного дома, нас самих благодать Святого Духа может соделать храмом Божиим.

Ни на кого не держи злопамятства, изгони из души все страсти, сокрушайся о грехах, изъявляй готовность на всякую уступчивость и на то, чтоб язык твой обращать только на добрые о других речи.

Не говори: грешен я, не имею дерзновения, не смею молиться. Тот и имеет дерзновение, кто думает, что не имеет.

Кто почитает себя отверженным и бездерзновенным, тот паче будет услышан, как мытарь.

Сколько на это имеешь примеров: мытаря, разбойника на кресте, друга, три хлеба просившего и получившего не по дружбе, а по неотступности прошения. Человеколюбив бо есть Даятель, и не столько мы желаем получить, сколько Он желает давать.

Как получить милость Господа? Вот как: водрузим молитву в сердце своем и к ней приложим смирение и кротость. Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.

Смотри, не прибегай к людям, когда что нечаянно отяготит тебя, но, минуя всех, востеки мыслию своею ко Врачу душ. Ибо сердце уврачевать может Один Бог.

Если Он не утешит, человеческие утешения излишни и несмысленны.

Отчего душа иногда побеждается помыслами? Оттого, что не противится им, но позволяет им входить внутрь, а они, находя там себе пищу, понемногу расстраивают душу.

Желающий непрестанно пребывать в молитве должен принять великий труд, так как

постоянному пребыванию в молитве есть много греховных препятствий: сон, уныние, нерадивость, кружение помыслов, беспорядочность ума, нетерпение, расслабление, отяжеление тела и другие тонкие внушения злобы, за сим следуют скорби, восстания самих лукавых духов, которые ведут брань с душою, непрестанно взыскающе Бога, противоборствуют ей до крови и возбраняют приблизиться к Богу.

Посему должно мужаться с терпением и всяким усилием душевным и тесным. Не предаваться унынию, смущениям ума.

Страх Божий выше всякого страха.

Кто боится Бога, тот устранил от себя все ужасы века сего, тот не боится страхований лукавого и не приходит от этого в страх и трепет. Даже сатана боится того, кто боится Бога.

Ничто так не укрепляет против нас бесов и злых помыслов, как то, что мы их не исповедуем, но таим и питаем их в сердце.

Если ты непрестанно молишься небесному Царю против врагов твоих во всех их нападениях, то будь благонадежен; ты немного будешь трудиться, ибо они и сами по себе скоро от тебя отступят, потому что нечистые эти не хотят видеть, чтобы ты молитвою получил венцы за брань с ними, а сверх того, опаляемые молитвою, как огнем, они принуждены будут бежать.

Смотри, не вступи в самомнение, подобно древнему Израилю, иначе и ты предан будешь мысленным врагам. Ибо тот, избавлен будучи от Египтян Богом, измыслил потом своего себе помощника — идола слиянного.

Под идолом разумей слабый наш разум, который, пока на духов злобы призывает

Иисуса Христа, удобно отгоняет их и обращает в бегство невидимые ратные силы врага, а коль скоро сам на себя безрассудно дерзнет понадеяться, то падает и разбивается.

Когда помысл принудительно овладевает сердцем, удерживается в нем и разрушает наше доброе устройство, то этот момент называется пленением, но в этом случае плененный помыслом ум может освободиться от него при помощи Божией.

Высшая степень овладения нас помыслом называется страстью. Это бывает тогда, когда угнездившийся в душе злой помысл становится привычкой. В такое состояние приходит человек по своей собственной воле, и в нем он постоянно обуревается страстными помыслами, влагаемыми врагом и укоренившимися в нем от постоянного упражнения и мечтательности.

Избавиться от этого состояния можно только путем покаяния, в противном случае человек подлежит будущей муке.

Огромное значение в умном делании имеет трезвение, блюдение ума и сердца и острозоркое внимание, при помощи которых человек улавливает момент, когда ему необходимо бывает обратиться к помощи горячей и усиленной Иисусовой молитвы, чтобы предотвратить угрожающую ему опасность засорения нечистыми или пустыми помыслами его ума и сердца.

Если бы миряне обратили на это внимание! Насколько чище, правильнее и легче стала бы тогда их духовная жизнь!

Как должно испытывать свои помыслы и как избежать пленения? Когда придет помысл, рассмотри, что от него происходит. Например,

кто-нибудь тебе досадил, и помысл побуждает тебе сказать ему что-нибудь, а ты скажи своему помыслу, если я скажу ему, смущу его через зло, и он будет на меня скорбеть, так потерплю немного — и пройдет.

Придет злой помысл, накажи себя, сделай, напротив, доброе. Вообще же противоречить прилично сильным, также и запрещать. Многие ли из святых запрещали диаволу?

Нам же немощным остается только прибегать к имени Иисусову, ибо страсти, как сказано, суть демоны, и уходят от призывания сего имени.

Движение против злых помыслов должно состоять в том, чтобы не склоняться к лукавому помыслу и не соглашаться с ним, но безмятежно прибегать к Богу.

Итак, если войдет помысл, не смущайся. Призови Бога, и Он запретит ветрам.

Сколько имеешь силы, уничижай себя день и ночь, понуждаясь увидеть себя ниже всякого человека. Это есть истинный путь, кроме него, нет другого.

Согрешения брата мы должны считать за свое собственное и ненавидеть лишь диавола, прельстившего его. Когда бы кто столкнул другого в яму, то мы порицаем не того, кто упал в яму, а того, кто столкнул его.

Чистота ума и чистота сердца

Одно дело есть чистота ума, иное — чистота сердца. Ибо ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы.

Если ум приложит старание через чтение Божественных Писаний, бдения, посты — откажется от прежнего образа мыслей и достигнет чистоты. Однако же не будет иметь постоянной чистоты, потому что как скоро он очищается, так же скоро и оскверняется.

Сердце же достигает чистоты многими скорбями, лишениями, умерщвлением себя. Если же достигло оно чистоты, не боится браней, так как приобрело себе крепкий желудок, который может переварить всякую пищу.

Так всякая чистота, приобретенная скоро, в короткое время и с малым трудом, скоро теряется и оскверняется.

Чистота же, достигнутая многими скорбями и приобретенная продолжительным временем, не страшится приражения.

Чист ум не тот, кто не знает зла (ибо такой будет скотоподобный), не тот, кто по естеству находится в состоянии младенческом, ни тот, кто принимает на себя вид чистоты.

Но вот чистота ума — просветление Божественным, по деятельном упражнении в добродетелях. И не смеем сказать, чтобы приобрел кто сие без искушения помыслами. Искушением же помыслов называю не то, чтобы подчиняться им, но чтобы положить начало борьбе с ними.

Когда случится, что душа твоя внутренно наполняется тьмою, душа на некоторое время лишается духовного утешения, и свет благодати внутри померкает по причине осеняющего душу облака страстей, и потому что умалена в тебе радостнотворная сила, и ум приосенила необычная мгла, ты не смущайся мыслию и не подавай руки душевному расслаблению,

но терпи, читай книги учителей, принуждай себя к молитве и жди помощи. Она придет скоро, чего и не узнаешь ты.

Кто занялся познанием себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать других.

От духа уныния рождается всякое зло. Врачевство? Смиреномудрие сердца.

Жизнь наша как бы дом искушений и пыток, но мы не отступим от Господа, пока не повелит Он оставить нас пытающим и пока мы не будем оживлены терпением и твердым безстрашием.

Когда падаешь

Если же иногда по каким-либо обстоятельствам или по невниманию поползнется кто словом или гневом, похотью или тщеславием и мнением и тому подобное и по этой причине будет укоряем совестью своею, то, не перенося ее обличения, обращается к Богу, каяся и моляся от сердца и ума, ища помилования. Все правило такового бывает в одном покаянии и внимании сердечном по примеру той вдовицы, которая не отступала от судии день и ночь, прося отмщения своему сопернику. Это и есть порядок умного делания, подobaющего страстным.

Падает ли кто по немощи мысли, или словом, или яростию, или пожеланием плотским — умоляет Христа, исповедуясь и каясь Ему.

Охвачен ли бывает унынием, печалью, стесняющими его ум и сердце, обращается к памятованию смерти, геенны и Вездесущего Бога и, немного над этим потрудившись, сно-

ва молит Христа быть милостивым к нему за грехи вольные и невольные. И чистосердечно в час брани и мира душевного прибегает ко Христу, и бывает ему Христос всем и во всех как добрых, так и злых приключениях.

В один час или минуту может человек примирить свою совесть с Богом, людьми и вещами.

«Вижу же и тело великого грешника, идущего в храм, окруженного бесами, а вышедшего из храма со святыми Ангелами, радующимися его обращению».

Если кто по немощи своей примет вражее внушение, преступив заповеди Господни, припадет к Господу с сердечною молитвою, каясь, укоряя себя, и в таком состоянии будет находиться даже до своей кончины. Падая и вставая, побеждаясь и побеждая и прося день и ночь защиты от противника своего, не будет ли такому дана непостыдная надежда получить спасение?

Святые отцы сказали: «Лучше падать и вставать, нежели стоять и не каяться». Оба они, находясь под теми же всечасными грехами, не одинаковы пред Богом. Один из них совершенно не знает такового падения и восстания, хотя страсти и действуют. Другой же падает и встает, побеждается и побеждает. Иной подвизается и трудится, но в конце концов побеждается силою страсти. Они сопротивляются страсти, ибо произволением своим остановили страсть и не хотят по ней действовать, но скорбят и подвизаются. Отцы же сказали, что всякое дело, которого душа не хочет, бывает маловременно.

Утешения духовные благодатно приходят

и уходят, когда Господу угодно. Люби Господа, когда Он оставит одного, пустого и голого. Это будет любовь совершенно безкорыстная, более ценная.

Святые почитали себя худыми сосудами, не могущими удержать ничего. А все хорошее — от благодати. Они считали себя немощными и нищими духом. А потому непрестанно зывали ко Господу.

«Необходимо жить умом в сердце, а голову совсем бросить». Не скорби будучи окрадаем, но благодушествуй, постоянно возвращая ум к самому себе.

Нельзя всегда быть на Фаворе, нужна и Голгофа, не полезно иметь одни духовные наслаждения, без огорчений — это путь опасный. Желание видеть в себе утешений духовных, дарований, слез, радости — от гордости. Желаем видеть, что мы — «Я», а не ничто. Нужно видеть всегда свои грехи, как песок морской, и болезновать о них. Искать в себе плодов — знак гордости.

Даже в пустоте и в душевной горести должно нисходить во глубину смирения, а не говорить «где же искать спасения?».

То-то и горе, что мы все хотим видеть в себе святую, а не смирение. Высоких не ищи, а со смиренными водись. Проси у Господа помилования, а не успеяния в духовных дарованиях.

За оставление молитвы укорять себя и каяться со смирением, но не смущаться, потому что смущение, какое бы оно ни было, есть признак тайной гордости и доказывает неопытность и неискусство человека в прохождении своего дела.

При искушениях, которые враг наводит, чтобы отвратить от сердечной молитвы, не вступай в беседу с вражеским помыслом, так как враги злохитры, только повторяй сладчайшее имя Иисуса Христа и им бей супостатов.

И святыми Божиими овладевало диавольское уныние и отчаяние. Что же с нами грешными? О, нас враг уязвляет часто сердечным озлоблением, уничижением и лютым унынием! Нужно постоянно обращаться к Господу и быть с Ним каждую минуту.

Враг многих согнал с тесного и спасительного пути на широкий и гладкий, но гибельный путь. Лучше идти тесным путем, терпеть уныние и искать чистой помощи от Господа.

Хотя без меры грешен, а все молись. На диавольское лукавство и отчаяние не смотри, а преодолевай его козни. Враг будет представлять тебе лицо Господа грозным и немилостивым, отвергающим твою молитву и твое покаяние, а ты вспомни слова Спасителя, исполненные для нас всякого упования и дерзновения: «Грядущего ко мне не изжену вон» и «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные грехами, и беззакониями, и диавольскими кознями, и наветами, и Аз упокою вас». Помни пучину человеколюбия и милосердия Спасова.

На молитве будь как дитя лепечущее, сливаясь в один дух с духом произносимой молитвы.

Вообще ни от какого греха, как от мечты, не надо унывать, а уповать на Спасителя. Страсти — немощи души. Господь равно любит всех и не отвергает ни самых грешных, ни самых ничтожных.

Призывай Его святое имя. На этом основано твое спасение, нет его ни в чем другом.

Если в тебе нет внутреннего залога греховного, например ты никого не осуждаешь мысленно, доволен своей жизнью, трудности терпишь с благодарностью к Богу, без ропота, людей любишь, кто грешит, того жалеешь, о грехах каешься Богу и так далее, то и вовне, то есть при взаимоотношении с людьми, плохому неоткуда взяться. А если оно есть в сердце, оно и выявляется наружу.

Начало обуздывания гнева есть — не говорить, пока продолжается гневное раздражение. Привыкнув к этому, будешь не только молчать на осмеяние, но и не смущаться и даже укорять себя.

Когда кто, приведши на мысль оскорбившего его, или вред ему причинившего, или оклеветавшего его, или другое какое зло ему причинившего, сплетает замыслы против него, то он сам на себя наветует, подобно бесам. Если не вспоминает о нем как о благодетеле и враче, то крайне неправо к нему относится. Ибо он вызывает наружу ту страсть, какую ты болеешь, чтоб вылечить ее. И ты должен потому вспоминать о нем, как о враче, посланном тебе от Христа. То самое, что ты страдаешь, есть признак, что душа твоя больна, если б ты не был болен, то и не страдал бы.

Если ты против восстаешь этого врачевства, то ты, значит, против Господа Иисуса Христа.

Святой Феофан Затворник

*Нельзя полагаться на себя
и верить самим себе*

«Не полагаться на самих себя столь необходимо, что без этого не устоишь и в самом незначительном нападении на тебя врага».

Со времени преступления прародителя нашего мы, несмотря на расслабление своих духовно нравственных сил, обыкновенно думаем о себе очень высоко. Хотя это мнение лживо, мы в непонятном самопрельщении не перестаем верить, что мы нечто, и нечто немаловажное. Эта духовная немощь, притом трудно замечаемая и сознаваемая, паче всего в нас противна Богу, как первое исчадие нашей слабости и самолюбия. Источник, корень и причина всех страстей и всех наших падений и непотребств. Она затворяет ту дверь в уме или духе, чрез которую обыкновенно входит в нас благодать Божия. Почему апостол и внушает нам: «Не бывайте мудри о себе».

Ненавидя же это злое в нас самомнение, Бог ничего, напротив, так не любит и ничего так не желает видеть в нас, как искреннее сознание своей ничтожности и полное сознание, что всякое в нас добро в нашем естестве и в нашей жизни происходит от Него единого, как источника всякого блага, что от нас не может произойти ничего истинно доброго, ни помысл добрый, ни доброе дело.

Почему Сам же Он и печется промыслительно насадить этот небесный росток в сердцах возлюбленных друзей своих, возбуждая в них неценение себя и ненадеяние на себя иногда через благодатное воздействие и внут-

ренное озарение, иногда внешними ударами и скорбями, иногда нечаянными и почти непреодолимыми искушениями, а иногда и другими способами, для нас не всегда понятными.

Вот четыре делания для приобретения этого ненадеяния на себя:

1. Познай свое ничтожество и постоянно содержи в мысли, что ты сам собою не можешь делать никакого добра, за которое оказался бы достойным Царствия небесного.

Святой Петр Дамаскин говорит: «Нет ничего лучшего, как познать свою немощность и неведение, и ничего нет хуже, как не сознавать этого». Святой Максим Исповедник учит, что «основание всякой добродетели есть познание человеческой немощности».

2. Ищи помощи в этом у Бога в теплых и смиренных молитвах, ибо это есть Его дар.

3. Привыкай всегда опасаться за себя безчисленных врагов своих, которым не можешь ты противостоять и малое время, бойся долгого их навыка вести борьбу с нами, их вселукавства и засад, их преображений в Ангелов света, их безчисленных козней и сетей, которые тайно расставляют они на пути твоей добродетельной жизни.

4. Если впадаешь в какое-либо прегрешение, как можно скорее обращай к познанию своей немощности. На тот конец Бог и попустил тебе пасть, чтобы ты лучше познал слабость свою, и таким образом не только сам научился презирать себя, но возжелал быть презираемым и от других — по причине толикой слабости своей. Ведай, что без такого желания невозможно возродиться в тебе и

укорениться благодетельному неверию себе, в котором основание и начало истинного смирения.

К таковому познанию себя благодать Божия гордых и самонадеянных обычно приводит посредством их падений, праведно попуская им впасть в то самое прегрешение, от которого предохранить сами себя считают довольно сильными, да познают немощность свою и да не дерзают более полагаться на себя как в этом, так и в другом деле.

Кто же не полагается на себя, но уповает на Бога, тот, когда падет, не слишком дивится сему и не подавляется чрезмерною скорбью, ибо знает, что это случилось с ним, конечно, по немощности его, но паче по слабости упования его на Бога. Почему вследствие падения тщится усугубить смиренное упование свое на Бога, а далее, ненавидя непотребные страсти, бывшие причиной его падения, спокойно и мирно несет за оскорбление Бога покаянные труды.

*Чрезмерная печаль
не является добродетелью*

При этом погрешают те, которые почитают добродетелью чрезмерную печаль, бывающую у них после учинения греха, не разумея, что это происходит у них от гордости и самомнения, утверждающихся на том, что они слишком много надеются на себя и на силы свои. Видя из опыта своего падения, что в них нет никакой силы, они изумляются, как встречающие нечто неожиданное, мнутся и малодушествуют, ибо видят падшим и простертым на земле тот самый истукан, то есть себя са-

мих, на который возлагали все свои надежды и чаяния.

Но этого не бывает со смиренным, который на Единого Бога уповает, ничего не чая доброго от себя самого. Почему, когда и впадает в какое бы то ни было прегрешение, хотя чувствует тяготу от этого и печалится, не мятется и не колеблется недоумениями, ибо знает, что это случилось с ним от его собственного безсилия.

Поелику вся сила, коею побеждаются враги наши, порождается в нас от неверия себе самим и упования на Бога, то надлежит тебе с Божией помощью всегда носить в себе и хранить такую силу.

Ни все способности, ни дарования, ни знания всего Писания не дают нам верно исполнять волю Божию, если при каждом Богоугодном добром деле, при каждой беде, которой ищем избежать, и при каждом кресте, который должны понести по воле Бога, если при всем этом не воодушевит сердца нашего особая некая помощь Божия и не подаст нам силы к совершению достодолжного. Сказал Господь: «Без Мене не можете творить ниче́соже».

Так что всю жизнь свою, все дни и все минуты мы неотложно должны хранить в себе неизменным такое в сердце чувство, что ни по какому помыслу, ни по какому поводу непозволительно нам положиться и возуповать на самих себя.

Ведай при том, что нет ничего легче и удобнее для Бога, как сделать, чтоб ты победил врагов своих, будь их немного или много, будь они старые и сильные. Однако же на все у Него свое время и свой порядок.

Почему пусть иная душа чрезмерно обременена грехами, пусть она повинна во всех преступлениях мира, пусть осквернена так, как только может кто вообразить, пусть она сколько хотела и сколько могла употребляла всякое средство и всякий подвиг, чтобы отстать от греха и обратиться на путь добра, но никак не могла установиться ни в чем достодожном, даже самом малом, а, напротив, еще глубже погружалась во зло — пусть она такая; при всем том, однако, не должно ей ослабевать в уповании на Бога и отступать от Него, не должно ей оставлять ни орудий, ни подвигов своих духовных, но должно бороться и уповать на Бога, Которого помощь никогда не отступает от борющихся в Его полках, хотя иной раз Он попускает получать им раны.

Посему борись каждый, не уступая; потому что в этом неотступном борении все дело.

У Бога же всегда готовы и врачевство поражаемым от врагов, и помощь на поражение их. В час, когда не чают, увидят они, как исчезают гордые враги их.

Умертвить и победить свои недобрые склонности и похотения, как бы они ни были незначительны, большей достойно похвалы, чем взятие многих крепостей, чем творение чудес и воскрешение мертвых.

*Наставления святых преподобных отцов
Варсанофия и Иоанна*

Когда не можешь спросить своего старца, то надо трижды помолиться о всяком деле и после этого смотреть, куда преклоняется

сердце хотя на волос, так и поступить, ибо извещенье бывает заметно и всячески понятно сердцу.

Когда тебе представляется какое-либо дело по Богу, а противоположный помысл сопротивляется ему, то из этого самого познается, что дело-то действительно есть по Богу. Но приложи молитву и смотри: если в то время, когда будешь молиться, сердце твое утверждается в благом и благо сие возрастает, а не умаляется, тогда, будет ли оставаться противоположный помысл, докучающий тебе, или нет, знай, что дело то по Богу, ибо благому непременно бывает прискорбное сопротивление по зависти диавольской, но оно (благое) молитвою берет над этим верх. Если кажущееся добро будет внушено диаволом, а при том будет и сопротивление, от него же происходящее, тогда молитвою и самое мнимое добро умаляется и вместе с ним мнимое сопротивление.

Когда думаешь что-либо сделать и видишь смущение в помысле и оно после призывания имени Божия все еще будет оставаться, хотя бы на волос, то познай отсюда, что то дело, которое хочешь сделать, внушено тебе лукавым, и не делай оно, ибо ничто, делаемое со смущением, не угодно Богу.

Но когда кто сопротивляется смущению (когда бывает помысл, сопротивляющийся смущению), тогда не должно сразу отвергать и считать дело вредным, а рассмотреть его, хорошо ли оно или нет, и если не хорошо, то оставить его, если хорошо, то сделать, презирая смущение.

Если брат смущен помыслами от завистливого диавола, не возмущайся. Не гнева и

возмущения достоин он, а сожаления и снисхождения. Не покушайся выйти из места своего и разлучиться с братом, ибо это будет не по Богу, а исполнение воли диавола. Лучше помолись о брате от всей души, возлюби его во Христе.

Должно ли прекословить борющему нас помыслу? Не прекословь, потому что враги сего желают и (видя прекословие) не престанут нападать, но помолись за них Господу, повергая пред Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их.

Должно ли вопрошать старцев о всех помыслах, рождающихся в сердце? Не о всех, но только о тех, которые долго остаются в человеке и борют его. Так же, когда и многие досаждают человеку, он пренебрегает неприятностями и не заботится о них. Если же кто восстанет и будет нападать на человека, тогда он доносит правителю.

Желаешь ли избавиться от скорбей и тяготишься ими? Ожидай больших и успокоишься. Поминай Иова. Мужайся, крепись и молись.

Никого не осуждай и люби особенно искушающих тебя. Если вникнешь, то найдешь, что они-то и приводят нас в преспеяние.

Возложи на Господа всякий помысл (возверзи на Господа печаль твою) и говори: «Бог знает полезное лучше меня», и успокоишься, и мало-помалу получишь терпение.

Зачем сердце твое расслабевает и изнемогает ради скорби, наносимой тебе от овец Христовых (для твоей же пользы)?

Настрой себя благодарить Бога за все, слыша слово апостола: «О всем благодарите». Бу-

дешь ли ты в скорбях, или в нуждах, или в утеснениях, или в болезнях и трудах телесных — за все, постигающее тебя, благодари Бога, ибо многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие.

Антихрист
(В. Свенцицкий)

Нельзя узнать Христа, не пережив антихриста. Сей дух антихриста обязательно преградит путь ко Христу. И если не очистит внутренним борением себя от этого препятствующего Богопознанию духа, не может и воссиять нам внутренний свет Христов. И не только в личной жизни постоянно встают препятствия для жизни во Христе, но дерзает враг Христа постоянно ставить свои страшные препятствия и на путь шествия самой Церкви. И Церковь ни с чем иным борется в своем славном шествии, как с этим духом антихриста.

Дух антихриста в разные эпохи меняется, ибо он как бы растет, как бы зреет, дондеже явит себя миру в образе рождаемого зверя. А пока сроки и времена не исполнились, различные лики и образы его являются нам в жизни. Из дневника отца Иоанна Кронштадтского первая выписка касается этой истины — необходимости пережить дух диавольский, антихристовый, богоборческий прежде, чем воссияет Дух Христов.

Не узнавши духа убивающего, не узнаешь и Духа Животворящего. Только по причине прямых противоположностей добра и зла, жизни и смерти мы узнаем ясно ту и другую.

Не подвергаясь бедам и опасностям, смерти телесной и духовной, не узнаешь сердечно и Спасителя Жизнодавца, избавляющего от этих бед и от духовной смерти.

В этом причина бывает тяжелого душевного состояния, от этого не должно впадать в уныние.

Опасно, когда это препятствие вдруг как бы сливается с самим человеком и то страшное искушение антихристового духа, которое встало на его пути, как бы делается им самим. Это самая тяжкая форма и степень борьбы и искушений. Но чаще всего бывает так. И все-таки у многих опускаются руки, когда видят они себя окруженными со всех сторон такими неожиданными сомнениями, такими неожиданными страстями, и ему думается, что все это возникло из недр его собственного духа, он начинает сам себе казаться каким-то отверженным грешником, которому нечего и мечтать о помиловании и спасении. Пусть вспомнит он тогда эти слова: нельзя узнать Христа, не пережив антихриста.

Путь христианина

Путь христианина в общих чертах таков.

Сначала человек привлекается к Богу даром благодати, и когда он уже привлечен, тогда наступает длительный процесс испытания. Испытывается свобода человека и его доверие к Богу. И испытывается подчас «жестоко».

В начале обращения к Богу и малые и большие едва высказанные просьбы обычно скоро и чудесно исполняются Богом; но когда наступает период испытаний, тогда все изме-

няется и небо словно закрывается и становится глухим ко всем молениям. Ревностному христианину все в жизни становится трудным. Отношение к нему людей ухудшается, его перестают уважать. Что прощается другим, ему не прощают, труд его почти всегда оплачивается ниже нормы. Тело становится легко подверженным болезням. Природа, обстоятельства, люди — все обращается против него. При всех естественных дарованиях, не меньших, чем у других, он не находит применения им. Ко всему этому он терпит многие нападения демонических сил. И последнее, самое тяжкое и несносное страдание — Бог оставляет его. Тогда страдания достигают своей полноты, ибо им поражен весь человек, во всех планах своего бытия.

Бог оставляет человека? Разве это возможно? И однако, в душе на смену испытанному чувству близости Бога приходит другое, что Он безконечно, непостижимо далек и все призывания Его погибают беспомощно в пространствах. Душа внутренне усиливает свой крик к Нему, но не видит ни помощи, ни даже внимания. Все тогда тяжело. Все достигается несоизмеримо многим трудом, сверхсильным. Жизнь становится страдальческой, и у человека появляется сознание, что над ним тяготеет клятва и гнев Божий. Но когда пройдут эти испытания, тогда увидит человек, что непостижимо чудесный промысл Божий внимательно хранил его на всех путях.

Опыт тысячелетий, передаваемый из рода в род и из поколения в поколение, говорит, что, когда Бог видит верность Ему души подвижника, тогда поведет его по недоступным

никому другому безднам и высотам. Чем полнее и крепче верность и доверие человека к Богу, тем большею будет и мера испытаний, и полнота опыта.

Господь сказал старцу Силуану: «Держи ум твой во аде и не отчаивайся». Тогда он познал, каким оружием побеждать диавола, при всяком приближении которого душа всю силу ненависти обращает на себя и как своего последнего врага осуждает себя на вечную муку, добавляя: «Бог Свят, Истинен и Благословен вовеки».

Святой преподобный Пимен Великий говорил: «Поверьте, чада! Где сатана, там и я буду».

Помысл преподобного Антония, которому он научился у александрийского сапожника: «Все спасутся, один я погибну».

Преподобный Сисой говорил своим ученикам, имея в виду этот помысл: «Кто может носить помысл Антония? Впрочем, я знаю такого человека». (Это был сам Сисой.)

Будем и мы подражать сим святым отцам, смиряя свой помысл и повторяя за ними: «Я хуже всех». Взывая из глубины души ко Господу: **Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй мя грешного.**

Целомудренный Иосиф

Прекрасный Иосиф — высокий образец целомудрия и чистосердечия. В истории человеческого рода нет личности, которая по своей чудесной судьбе, исполненной чрезвычайных превратностей, была бы более интересна и поучительна, чем личность Иосифа.

Душа Иосифа — это неподобное зеркало кроткой, чистой и незлобивой души, которая сама по себе составляет счастье и возвышает человека над всеми превратностями жизни.

Простодушный, невинный и детски наивный поборник всего честного и справедливого, Иосиф был особенно любим отцом и в то же время ненавидим братьями. Их не всегда безукоризненная жизнь и деятельность не могла мириться с безмолвным осуждением ангельски чистой и непорочной души.

Родились злоба и жажда мести... Они замыслили убить его. Но Господь хранил дивный свет чистоты и детской непорочности. Он очутился при дворе Пентефрия, снискав благоволение в его очах своей светлой душой.

Пример Иосифа служит утешением в тех случаях, когда премудрым попущением промысла Божия мы бываем свидетелями мимолетного торжества нечестия над добродетелью.

Во всем рука Божия

Трудность видеть Бога во всем и повсюду служит великим препятствием в духовной жизни. Действительно, почти все в нашей жизни происходит с нами через посредство других людей, почти все наши испытания являются по чьей-либо вине, хотя бы это было плодом неведения, нерадения или вольного греха.

Часто кажется, что когда уверяют Господу что-либо, уповая на Него, то влияние человеческое все расстраивает. В чем же обнаруживается по отношению ко мне присутствие Божие, говорят некоторые?

Действительно ли Господь присутствует во всяком деле?

В Священном Писании имеются достаточные доказательства на то, что всякое событие непосредственно исходит от Господа, не взирая на второстепенные причины, которые являются непосредственным орудием данного события.

Для истинных сынов Божиих все исходит непосредственно от Его руки, кто бы ни был видимый деятель: для них не существует второстепенной причины.

Вот эти доказательства:

«Ни одна малая птица не упадет на землю без воли Отца нашего» (Мф. 10). Даже все волосы главы нашей сочтены.

Если вспомнить историю Иосифа. Что может быть более противным воле Божией, более прямым порождением греха, чем продажа Иосифа братьями как раба! И между тем сам он говорит так: «Что вы думали злое обо мне, Господь обратил в доброе. Теперь не скорбите и не жалейте, что вы меня продали, потому что Господь желал предварительно послать меня сюда для вашего спасения».

Второстепенные причины подчинены воле Божией, и ничто не постигает без Его изволения.

Ничто не может ни смутить нас, ни причинить нам вред, если Он не признает это за благо и не соизволит на это.

Видеть Бога во всякой вещи есть единственное средство любить и терпеливо переносить тех, которые нас раздражают или докучают нам, потому что тогда они в наших глазах являются орудием Божиим, которым

Он пользуется, чтобы довершить Свои планы любви и мудрости по отношению к нам, и мы, наконец, будем в душе благодарны им за то, что этим путем они доставляют нам благословение Божие.

Ничто лучше не может положить конец ропоту и возмущению. Часто христиане думают, что могут роптать на человека, тогда как боялись бы роптать на Бога.

И вот это-то обстоятельство и делает ропот невозможным, потому что если Господу угодно послать нам испытание, то мы должны с радостью принять его от руки нашего небесного Отца и чтить волю Божию, так как она всегда преисполнена благодати.

Итак, видеть Отца нашего небесного во всяком событии — значит испытать на себе непрерывный ряд событий, в которых проявляется милосердие Божие, и это наполняет сердце миром и неизъяснимой радостью.

Некто сказал: «Воля Господня на земле всегда радость и мир; поелику у Господа Свои пути по отношению к Сынам Своим, то к каким зеленеющим пажитям, к каким чистым и освежающим источникам приведет Он душу, посвященную в эту тайну!»

Если воля Божия заменяет нашу волю, то мы приобретаем через то силу Божественную для исполнения всякого дела.

Кто живет с Богом, тот не может сомневаться в победе при всяких обстоятельствах и что бы ни случилось: радость или горе, неудача или успех, смерть или жизнь.

«Уметь во всякое время, во всех обстоятельствах жизни произносить смиренно «Да будет

воля Твоя» есть верховная наука жизни. Покорность без разбора, умствования и ропота».

«Верующие в простоте сердца и ревнующие о добродетели, живущие в мире со всеми, всегда готовые сделать добро всякому и со всеми поделиться трудами своими без размышления, суть истинные чада Божии. Бог, видя их простоту и святую детскость, благословляет их труды и все дела их.

Более всех угодили Богу те, кто, уверовав с детскою простотою и искренностью, ни чувств худых не допускают, ни дел худых не совершают и во всю жизнь свою пребывают одинаково верными всем повелениям Божиим» (*наставление Ангела святому Еремию*).

«Беспокойство, мятежность, печаль, тоска — это состояние души, потерявшей Создателя, когда духовные очи оторвались от Него и ослепились страстями. Вместо Бога смотрят со страхом и ужасом на волны, стремящиеся захлестнуть душу (на людей, вещи, суету), когда все это занимает ум вместо молитвенного взывания к Тому, Кто может утишить в мгновение любую бурю.

С верой устремив на Него внутренний взор и взывая непрестанно. Некоторое время потерпи, чтобы доказать свою веру.

Когда ты сердишься на жизнь — ты слаб.

Когда ты сердишься на себя — ты силен».

«Вместе с мысленной борьбой должна быть деятельная, то есть нужно намеренно предпринимать и совершать дела, прямо противоположные страсти, например: от скупости — щедрость, от гордости — самоуничижение и так далее.

С теми, кто вступил в служение Богу, начинаются искушения особенные. Отдай долг страстям борьбой с ними» (*Исаак Сирин*).

На поприще борьбы бывают победы и поражения. Поражения должно врачевать покаянием. Оно врачует их со всей удовлетворительностью».

Здоровье человека не от одной пищи зависит, а от душевного спокойствия наиболее.

«От помысла немало погибло великих людей».

Пути Божьего промысла неисповедимы. Человеческий слабый разум не может постигнуть этого, как бы ни силился это сделать (войны, стихийные бедствия, непонятные явления и так далее).

ТЕМА 4

ИСТИННЫЙ ПУТЬ СПАСЕНИЯ

(По книге протоиерея Иоанна Журавского⁴
«Истинный путь Богопознания»)

Воскресение души

Без умного делания нет монашества, без монашества нет христианства, без христианства погибнет и вещественный мир. Непрестанная молитва дается непрестанному покаянию.

Умное делание выводит нас из бытия гибнущего, земного, смертного, плотского и вводит нашу умную природу в вечное, Божественное, бессмертное.

Монашество, носящее Ангельский образ без Ангельского делания, не есть монашество — это пустоцвет, тело без души.

В умном делании — сущность монашества; в монашестве — сущность христианства.

Непрерывная покаянная молитва в сокрушении сердца, Богу приносимая «помилуй» не ввергнет в прелесть.

Кто узрел близкий конец вещественного мира и свой близкий конец неизбежный и неотвратимый, какая иная молитва может более удовлетворить, кроме сей, краткословной и вместительной? Кто помышляет о смерти, о скором предстоянии пред судом Божиим, у того может быть только одна неусыпная забота: прежде конца испросить себе милость у Господа Бога.

А посему сия молитва в процессе делания и превращается в немолчный вопль души «помилуй!».

Это делание и есть тайна спасения апостольского корабля, которой спасались древние отцы, за которую не держалось монашество в последнее время, потому и погибло.

Умное делание — верное средство спасения нашей души от неизбежного потопления в мысленном море греха, другого средства нет столь действенного.

Святые отцы познали душу человека и ее тяжкие болезни, потому и предлагают нам это простое средство.

Мы потеряли сокровенную Ангельскую жизнь, некогда нам свойственную, и пребываем в помыслах и ощущениях плоти, пребываем на земле — небесная жизнь стала нам недоступной (душевная смерть человека).

Враги обманом похитили славу его и облекли его стыдом. Лукавые духи понуждают человека от небесного образа мыслей к делам

лукавым, вещественным, земным, к словам и помышлениям суетным.

«Если же душа вздохнет и возопиет к Богу, то Господь ниспосылает ей духовного Моисея, избавляющего ее от египетского рабства, но прежде пусть вопиет и стенает, — и тогда увидит начало избавления» (*святой Макарий Египетский*).

Вот здесь и приходит на помощь умерщвленной душе «умный вопль» — многомогущая непрестанная молитва Иисусова, оживотворяющая душу. В этом таинстве взывания душа обретает свою жизнь, свое оживление, воскресает для нового бытия, духовного, небесного, обретает дар жизни Божественной. Этот дар жизни Божественной дарован всякому, крещенному во имя Господа Иисуса Христа. В купели крещения душе дается сей дар духовный, благодатный, ангельский дается даром. Но редко кто сохраняет в себе этот дар, а потому и редко кто живет духовной жизнью.

Оставление умного делания привело монашество к мирской жизни, внешней. Это привело к распаду монастырей.

Благодатно действительный умный путь — отрешение от помыслов, мечтаний и вожделения плоти.

С утратой сего жития монашество утратило право перед Богом на существование. Эта катастрофа, постигшая монашество, была видна уже давно, но не всем, а только «духовно прозревшим». Ясно ее видел святитель Игнатий, писавший:

«Монашество доживает в России и даже повсюду данный ему срок. В сокровенном монашестве потеряно правильное понятие об

умном делании, а без умного делания монашество есть тело без души.

В христианском мире появились грозные признаки конца мира, его окончательного распада, разложения. Монашество было солью, которая предохраняла от гниения. А когда соль сама потеряла силу, миру пришел конец.

Иночество держало мир. Оно было носителем тайны. Когда человеческий мир духовно оскудел, овеществился, дух человеческий окончательно превратился в плоть, материю и больше не может дать духовного материала.

Поэтому дальнейшее существование плотского земного мира не имеет смысла, ему должен быть конец.

Ибо материя человеческая и материальная среда — человечество — существуют только до момента его окончательного самоопределения в сторону добра или зла.

Ненависть к монашеству есть характерный признак внутреннего распада духовной личности, ее конца. Это является существенным свидетельством впавшей в безбожие души, чуждой христианства.

Миролюбцы — это сокрытые враги христианства. Своим гордостным, плотским житием они отрицают Бытие Божие. Как ни странно, а в историческом движении носителями этой ненависти к монашеству, а потому и к христианству, было духовенство, предстоятели святых престолов.

Современное духовенство и мир смотрят ныне на монашество как на своего злейшего врага и относятся к нему со смертельной враждебностью.

Внешнее христианство обмирщилось, оязычилось, приспособилось к миру сему и жило его жизнью, плотской, вещественной, плотолюбивой.

Новое бытие явилось достоянием только одиноких.

С первых дней христианства и до последних дней от этих одиноких избранников Божиих, от иноков, от пустынных монашеских семей исходит совершаемое в «лаборатории» Духа великое тайнодействие. Жительство на земле — претворялось в жительство на небеси.

Грешная телесность претворялась в святую плоть. Земной человек — в небесного Ангела.

Так в огне внутренних борений и тайного келейного плача, падении духа человеческого в вещественность, его овеществление изменялось, преображалось действием Божественным. Падший дух человеческий, превратившийся в плоть и пресмыкавшийся в прахе ее похотствований, освобождался от власти похоти плоти, окрылялся благодатным вдохновением и воспарял от земли в Горняя, где и озарялся лучами незаходимого Солнца, превращался в свет. *Вы — свет мира* (Мф. 5, 14).

И тленная темная плоть — вечная подруга духа и рабыня страстей, увидя преображенный и светлый лик своего безтленного руководителя — умного духа, и сама преображалась от его света, становилась прозрачной, нетленной и светилась неземными лучами.

Я есмь путь, — сказал Господь.

Но человечество, воспринявшее христианство внешне, поверхностно, восприняло его

как религию обновленной морали, но не как религию Воскресения (павшего духа) и действительного выявления нового, необычного, иного бытия. И тем самым изрекло над собой приговор своего конца. Жизнь Христианского Человечества в веках есть распятие Бога. Оно тем самым обрекло себя на катастрофу.

Сроки, данные человечеству для восприятия жизни Божественной, истекают. Данная возможность своего изменения, преобразования отвергнута.

Воля человеческая окончательно определяется и проявляет себя к Богу и ко всему Божественному отрицательно, злобно, с неистовой ненавистью.

Самым существенным признаком надвинувшегося конца служит разрушение очагов света, озарявшего темную землю, разрушение келий и монастырей, уничтожение монашества.

Последние лучи «умного света», блеснувшие над темной землей из последних монашеских келий, — епископ Игнатий Брянчанинов, оптинские старцы, отец Иоанн Кронштадтский и другие, озарили горестную землю особым трепетным светом, тихим закатным светом — светом конца.

В этом свете хотя и чувствовалась небесная улыбка, но в лучах его трепетала тайная скорбь за грешный непреображенный мир, идущий к своему грозному неотвратимому концу.

Ныне же нас покрыла темная ночь. Мы вошли в мрачную ночную эпоху. И путь наш без луны и без звезд. Путь наш во мраке. Переплывем ли мы, слабые и безсильные, это темное море страстей?

Исчезновение монашества и овеществление духа — признаки конца.

Благодатных наставников нет, и остаток христиан должен спасаться Писаниями святых отцов и молитвенными слезами.

«Не устоит дом, построенный на песке». Не устоит и всякая душа, созидающая себя на «песке» внешнего благочестия.

Живого благодатного руководства для нас не стало, оно исчезло.

Само монашество оскудело умным деланием. Оскудение произошло давно и произошло незаметно. Еще в XIV веке преподобный Григорий Синаит жаловался, что он обошел всю гору Афонскую и между тысячами иноков нашел только три сосуда благодати, которые имели некоторое понятие об умном делании.

Монастыри — эти хранители умного света — разрушились так, что само монашество разрушило основу монастырей: оставило умное делание.

Оставление умного делания и увлечение монастырей в последних временах стяжанием внешнего довольства и славы, увлечение внешним благочинием и пышностью было тяжким грехом и дерзким нарушением данных монашеских обетов. Долготерпение Божие не терпело попирателей обетов и предало их грозному суду: монастыри разрушены и монашество упразднено.

Путем внешнего, искаженного монашества многие шли, не разумея умного сокровенного смысла истинного монашества Божьего иночества. Такому внешнему монашеству не было благословения от Господа Бога. С утра-

той сего умного жития монашество утратило право перед Богом на существование.

Умная молитва достойна Божественных хвалений, ибо вмещает в себя имя всехвально-го Бога Всеславного.

Честнейшая Херувимов и Славнейшая без сравнения Серафимов Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения и сподобилась быть пространным селением Невместимого всею тварию Ипостасно в Нее вместившегося Божия Слова. Делательницею умной молитвы была наставляемая руководством Святого Духа сама Божия Мать.

Умное делание с Божией помощью совершенно избавляет человека от страстных навыков, и слов, и худых дел. Чистота сердца есть молитвенное хранение ума от злых помыслов. Молитва Иисусова спасает душу.

Ревнующий о спасении своей души от неминуемого потопления да ухватится за нее крепким усердием — и будет спасен.

А благому усердию всегда Сам Господь помощник. Имеющий уши слышити да слышит! Ибо это голос святых отцов! Голос Святого Духа Божия!

Живущими по плоти духовное ангельское житие и разумение не воспринимается ни разумом, ни чувством. Оно органически недоступно для них, как для сознания минерала недоступно понятие о жизни цветка. Для этого нужно пройти через чудо: камню превратиться в цветок, а человеку из плотского возродиться в духовного.

Ибо внешнему книжному богословию жизнь духа недоступна. Внешнее богословие о вещах внутренних, духовных составляет и понятие внешнее.

Духовное знание дается духовному житию. В меру благодатного жития бывает и мера благодатного ведения. «Душа видит истину Божию по силе жития» (*святой Исаак Сирий*).

Превратно понимали те, кто считали достаточным одно книжное богословское образование для духовной деятельности, для предстояния пред престолом Божиим. Это понимание не православное — протестантское, рационалистическое, пагубное для дела Божия, чуждое Духа Божия.

Одно книжное богословие без жития, по Божиему Слову, — пустоцвет, тело без души, живой труп. И притом труп, исполненный трупного яда и отравляющий всякого, кто прикасается к нему неосторожно. Богословское видение без духовного жития смертоносно, убийственно для души. Дух животворит, а буква отравляет, мертвит, убивает.

От этого яда погибли богословски многообразованные многие духовные мыслители первых веков церковной жизни: Макодоний, Арий, Несторий и другие. Да и все прикасавшиеся к книжному богословию (в семинариях и академиях) без жития по Богу на протяжении веков погибли, за исключением весьма редких счастливых, мудро ограждавших себя житием духовным.

Небезопасно пускаться в море богословия тому, кто изнутри не огражден смиренным житием духовным. Небезопасно пускаться в море богословия тому, кто изнутри не ограж-

ден смиренным житием перед Богом, а пребывает в плотском житии, поэтому Господь и уверял ученого Никодима, что одна внешняя буква о Боге не дает ведения тайн Божиих. Чтобы уразуметь духовное и ведать духовно, нужно получить оживотворение от Духа Божия.

Истинно, истинно говорю тебе, — говорит Господь, — если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия (Ин. 3, 3—6).

«Рожденный от плоти есть плоть, а рожденные от Духа есть Дух». В этих словах Господних указывается на таинство, вводящее нас в трезвенную умную жизнь. Мы пребываем в смерти всевозможных страстей. Мы — духовно мертвы. Новая духовная жизнь рождается в купели покаяния и слез для всех, потерявших благодать крещения.

В сие таинство нового рождения свыше, в благодатную купель слез вводит сия маленькая сокровенная Иисусова молитва.

Чудным, непостижимым действием благодати Божией мертвый человек превращается в нового, живого — из камня, безчувственного ко всему духовному, в благоухающий небесный цветок ангельской жизни. Такие цветы на земле, возродившиеся Духом из камней, благоухавшие Вселенную и поныне благоухающие — это лики святых: Марии Магдалины, преподобной Марии Египетской, преподобной Пелагии, преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского... Им же несть числа... Все это нетленные лики, небесные цветы, возросшие на почве непрестанной молитвы, ненасытимого любления Господа Спасителя. Молитва привела их к жизни, любви.

В сие рождение и приводит «умная» молитва. Она и есть сокровенный Божественный путь души от плоти к духу, от земли к небу, от самолюбия к любви.

Рождение свыше бывает через покаяние.

Этот момент есть начало иной жизни. Это есть первый вздох многоболезненной, вновь родившейся души, вдыхающей в себя со многими слезами новый, необычный для нее животительный воздух — воздух покаяния.

Здесь душа впервые опытно вкушает сокровенный смысл отцов: «Отдай кровь и прими дух».

В таинстве покаянного жития и совершается этот дивный обмен: овеществившийся рыдающий дух, вступивший на путь покаяния, с мучительной болью претерпевает мучительную операцию благодати, которая выпускает из него кровь плотских вожделений и похоти, и обмывает в потоке многих слез, и облекает в новое световидное одеяние Духа — в жизнь Божественного бессмертия.

Эти многие слезы бессмертного плачущего Духа, с болью отрывающегося от смертной плотской жизни, отрекающегося от сатаны и всех его дел и дающего клятвенный обет служить Господу Христу и творить Его заповеди даже до смерти — эти клятвенные слезы покаяния и служат для него водной купелью, «баней пакибытия», в которой он и получает возрождение от Духа.

Все «небесные умные цветы» возрождались в сей бане, проходили через сей первый вздох покаяния, через крик, боль, слезы, через клятвенное отречение от сатаны и его дел и через обещание Богу жить пред Ним в доброй

совести и потом поддерживали в себе жизнь духа благодатным вниманием, дыша Божественным воздухом — воздухом покаяния (Иисусова молитва). Из плотских становились духовными.

Бог есть огонь. Огонь сей всюду обходит, ища себе вещества, то есть доброго сердца и произволения, чтобы пасть внутрь и возгореться.

Когда сей огонь очистит нас совершенно от всякой скверны страстей, тогда навсегда уже остается в нас пищею, и питием, и светом, и радостью, нас самих делает светом.

Как печь возжженная сначала только коптит от дыма, исходящего от дров, а когда разгорится посильнее, тогда все делается светлым подобно огню. Душа, начавшая гореть Божественным желанием, сначала видит внутрь себя и тьму страстей, исходящую наподобие дыма, и, сознавая, что эта сушая в ней мрачность от тьмы страстей есть ее собственное дело, она плачет и сокрушается. Чувствуя же, как лукавые помыслы и злые пожелания попомяются тем огнем и превращаются в прах, душа радуется. Когда же все это сгорит и вещество души остается одно без страстей, тогда существенно с нею соединяется оный Божественный огонь и начинает гореть и светиться в ней.

Да ведаем, однако же, что этому всему невозможно совершиться в нас, если мы не возненавидим мира и всего, что в мире, даже с готовностью и жизнь свою положить за дело Божие, как говорит Господь.

В купели крещения дар духовный, благодатной ангельской жизни дается душе даром. Но редко кто сохраняет его. Он зарывается страстями, плотской, похотной жизнью. Но

дар сей не истребляется в нас грезами, поэтому от нас зависит раскрыть в себе это сокровище.

Обретается это сокровище на поле покаяния. В покаянии благодать Святого Духа мы оживотворяемся, и сия благодать вводит нас в святое таинство дивного Богообщения.

Эту мысль прекрасно выразил святой Григорий Синаит такими словами:

«Следовало бы нам, приняв Духа жизни, о Христе Иисусе чистою в сердце молитвою херувимски беседовать с Господом, но не разумея величия чести и славы благодати возрождения и не заботясь о том, чтобы возрасти духовно через исполнение заповедей и востечь до состояния умного созерцания, предаемся нерадению, через что впадаем в страстные навыки и низвергаемся в бездну нечувствия и мрака. Веруем, но верою недейственной».

Из всех великих даров, данных бедному грешному человеку, поработенному демонами, — это последний величественный и совершенный дар — спастись непрестанною молитвой Иисусовой. Это новый необычный дар, дар цены безмерной».

Апостолы уже отчасти знали силу имени Иисуса. Они исцеляли им неисцеляемые недуги, приводили бесов в повиновение себе, побеждали, связывали, прогоняли их.

Покаянным житием спасались святые Божии. Рожденное от Духа есть дух и пребывает в жизни духовной. Кто пребывает вне сего жития, тот еще не родился свыше.

Кто не перешел через этот момент ощути-мо, тот еще мертв для жизни духовной. Тому еще нужно получить благодать оживотворе-

ния. Этот момент есть начало новой жизни, жизни в покаянии. Это и есть первый вздох многоболезненной, вновь родившейся души, вдыхающей в себя новый воздух — воздух покаяния.

Дух, вступивший на путь покаяния, с болью отрываясь от плотской жизни, отрекаясь от сатаны и всех его дел, дает клятвенный обет служить Господу Христу и творить Его заповеди даже до смерти. Эти слезы покаяния и служат для него водной купелью.

Внимание к помыслам есть признак жизни, тогда как кружение в помыслах служит верным признаком душевной смерти. Кто невнимательно живет к своим помыслам и носится в вихре вредительных мечтаний, тот еще не возродился свыше, тот еще пребывает в смерти. Благодать новой жизни пресекает эти мечтания и вводит обновленный ум в помышления духовные, небесные, покаянные.

А души, оставшиеся в естестве своем, по земле пресмыкаются помыслом, о земном помышляют, и ум их на земле имеет жительство. Сами о себе думают они, что принадлежат жениху, но, не взяв елєя радости, не возродились они Духом свыше.

Ибо князь мира сего, будучи некоею мысленною тьмою греха и смерти, наполняет и кружит непостоянными вещественными и суетными помыслами всякую душу, не рожденную свыше и умом и мыслию не переселившуюся в иной мир, по сказанному: «Наше житие на небесах». Этим-то истинные христиане и отличаются от человеческого рода.

Не внешним видом отличаются христиане, но:

1. Обновлением ума.
2. Умертвлением помыслов.
3. Небесною приверженностью ко Господу.

По этим благодатным признакам каждый может судить о себе, где он пребывает, в жизни или в смерти.

Душа, получившая рождение свыше, получает вместе с рождением и благодатное внимание к себе и ко всему окружающему и весьма внимательно относится ко всяким бесовским приражениям, бывающим как извне, от всего окружающего, так и через помыслы, мечтания, ощущения. Трезвенным вниманием она распознает, а непрестанной молитвой отражает все козни врагов, имея при этом содействие и помощь от благодати Божией. В этой благодатной внутренней деятельности и оказывается жизнь возрожденной души. Тогда как не возрожденная душа этой спасительной деятельности не имеет и не знает, за помыслами не следит, не пресекает своих мечтаний молитвой и с утра до ночи, даже и во сне, умом своим носится в вихре вредительных мечтаний, а это и есть смерть, бывающая прежде смерти тела.

Только возрожденную душу Бог принимает в Свое благодатное Царство. Душа не возрожденная потеряна для Бога и для Его Царства. Она пребывает в смертной демонской тьме мысленного кружения.

Потому святые отцы с таким жаром устремлялись из этой тьмы на путь возрождения своей души от Духа Божия, на путь покаяния, от кружения помыслов в благодатную тишину ума путем умной молитвы и трезвения ума.

Внимательная молитва творила с ними чудо: помогала им отыскивать свою умерщвленную душу, оживотворять ее, снимала с нее пелены страстей, выводила из мрака демонского кружения, вводила в Божественную тишину, из земных человек соделывала их небесными, бессмертными, Ангелами.

Да, познали святые эту Божию тайну о грешной душе и содрогнулись, встревожились Божественной спасительной тревогой.

Святые отцы были искателями своей души — умной Божией красоты — и обретали ее на пути умного труда.

В момент небесного просветления они увидели, поняли, уразумели всем своим существом: если Сам Бог приходил взыскать эту потерянную драхму Божию, если Сам Бог оставил Свои светлые небеса и сонмы Ангелов и приходил на эту скорбную мрачную землю — и среди демонов и падших человек в поте кровавом со скорбью смертельной Свой Образ — потерянную душу: «Я пришел взыскать потерянное», — то как же они, пепел и земля, скрывающие в себе сей образ, сию потерянную душу, не действуют, не ищут, не трудятся во взыскании?

Услышав своим болезненно чутким сердцем эту тайну Божиего взыскания, это Божие беспокойство, услышав этот ангельский плач о человеческой душе, они, оставив свою жизнь плоти, устремились в пустыни, леса, горы, в голод, жажду, наготу, стужу, в тесноту и слезы, в отречение и муки, в молитву и плач. Устремились молитвенным умом и трезвенным вниманием в умное трудничество взыскания своей души. И вместе со святым Лествичником с

воплем зывали к Богу: «Не могу больше сносить действия вожделений. Ищу той безсмертной красоты, которую Ты даровал мне прежде сего бдения».

И в долгих молениях и многих слезах, в трудах и борениях они, эти неутомимые взыскатели души и бытия духовного, взыскатели умной красоты, уязвленные небесной стрелой, пробужденные слезами Ангелов, «крестоносцы духа, сквозь слезы немолчных молений, сквозь вопли и стон тайных борений уходили на крестный путь тесноты и с крестом на распятие, и телесную жизнь, и свой ум пригвоздив ко кресту умной молитвой».

Они обретали то сокровище, что Сам Господь искал, о котором плакали Ангелы и все небесные силы обретали свою радость, свой свет, свое вечное веселие и ликование, обретали свое воскресение, свою вечную жизнь, обретали Бога.

Да, таков непреложный закон: теряющий свою душу теряет и Бога. Обретающий свою душу обретает и Бога.

Теряют все. Но обретают весьма и весьма редкие. Теряет ее всякий и каждый в обольстительных мечтаниях ума, в плотолюбных вожделениях сердца. Теряет ее всякий, живущий невнимательно к своим помыслам и умом своим носящийся, и редко кто обретает потерянную душу.

Обретают лишь те отрешенные, что продают свои мысленные «владения» мечтаний и плотолюбивых вожделений, отрекаются от сатаны и всех дел его и покупают слезами поле покаяния, на котором зарыта грешница — душа, эта «Божия жемчужина» — драхма, и

трудятся в поте лица, раскапывая и очищая от мусора свою потерю.

Когда человек дойдет до порога узких врат тесного умного жития, тесного умного прохода, где оставляет все вещи, все земное, все вещественное, а при этом еще и мысленное, тогда, переступив порог вещественного, мысленного, обретает во многих слезах невещественную потерю — свою душу, умную Божию красоту, а с нею и дивного Бога.

Тогда наступает сей праздник радования. Немногие находят этот порог тесноты и отречения от вещественного и мысленного, редкие переступают через него в жизнь невещественную, немногие познают святоотеческую тайну «внимай себе», а потому «много званых, а мало избранных», мало спасающихся от невнимательного вещественно-смертного бытия. Мало приближающихся вниманием к жизни бессмертной. Мало взыскующих свою душу, а еще меньше обретающих ее.

Святые отцы обретали свою душу не в пещерах и не в лесах, не в голоде и жажде, а в «умной тесноте внимания», в «умной молитве», а все остальное служило только пособием этой умной тесноты.

Они познали тайну умной молитвы, сокрытую от веков и родов, и в святом трудничестве, в покаянии и слезах обретали сею молитвою свою душу, а с нею дивный дар благодати, дарованный нашей природе во Христе Иисусе.

Да, только на пути мысленной тесноты раскрывается весь ужас и безобразие мысленного греха, и там же раскрывается бессмертная красота мысленного образа, сиявшего в человеке еще прежде борения.

Только святые отцы познали тайну о нашем мысленном естестве души и пропели об этом образе неизреченной Славы, хотя и в язвах прегрешений, чудные небесные гимны.

Неподражаемый певец грешницы души — святой Андрей Критский пропел о ней бессмертные песни, омытые Божественными слезами. В его песнях слышатся рыдания Ангелов, плачущих об умной красоте, об этой грешнице, ее же возлюбил Сам Божий Сын любовью вечной. Поэтому святая Церковь и приняла эти песни и всегда поет их со слезами в святые дни Великого поста, в дни великого покаяния.

Да, только тот, кто увидел внутренними очами свою душу и познал ее достоинства, только тот при помощи Божией силы видит и познает свое страшное падение.

И какое это таинственное видение — увидеть свою бессмертную душу, и увидеть ее в хламиде страстей, увидеть в страшных рубищах вожделений и греха. Это видение бывает потрясающим. Оно рождает неутихающий вопль: **помилуй мя, Боже, помилуй мя!**

Нет такой близости и взаимности ни у одной из тварей, какие есть у души с Богом и у Бога.

«С тех пор как человек изгнан из рая и отделился от Бога, диавол с бесами получил свободу день и ночь невидимо колебать мысленную силу каждого человека. Оградиться от сего уму не иначе возможно, как всегдашнею памятью о Боге».

«Жизнь души есть непрестанное памятование и любление Бога», — говорит святой Антоний Великий.

«Должно всегда вращать в сердце нашем имя Иисуса Христа».

«А у сопротивника нашего все усилия в том, чтобы отвлечь наш ум от памятования о Боге».

Но кто не ощутил своей потери, кто не утратился своей погруженности в жизнь телесных вожделений, чей ум с болью и воплем не стenal и не ужасался своего плотского бытия, тот еще далек от взыскания духовного бытия, далек от взыскания своей души. Для того и Бог далек. Ибо путь к обретению Бога через обретение своей души, потерявшейся в бытии плотском. Примирение и сроднение с Богом невозможно для нас, если мы не возвратимся к себе.

Ради имени Иисусова, призываемого молящимся, нисходит ему помощь от Бога и даруется ему отпущение грехов.

С каким решительным отрешением от жизни вещественной, плотской, от земных вожделений плоти святые преподобные иноки уходили в пустыни, скалы, леса, дебри ради сего имени. Оставляли матерей, отцов, жен и детей, невест, женихов в путь скорби и лишений ради Того, кто усладил их сладчайшим именем.

Святые отцы призывают к небесному славословию, еще здесь, на земле, получить навык в сем ангельском труде. Ибо там будет продолжение только того, в чем пребывала душа здесь.

Вечной жизнью Божественной мы начинаем жить здесь, умно трудясь в молитве непрестанной.

*О возможности
заниматься умной молитвой в миру*

Святой Симеон Новый Богослов говорит, что «ни мир, ни житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и усердие». Истина этих слов в полной мере оправдалась на дивном молитвеннике земли Русской, которого Господь показал всему христианскому миру, утратившему веру, и который спасался умным деланием среди самой гущи мирской, среди греха и всякого соблазна, на образе блаженной памяти Иоанна Кронштадтского.

Его светлый образ указывает путь для всех спасающихся среди грозных и свирепых волн бушующего страстями мира сего.

Спасение, восхождение по ступеням к совершенству христианскому возможно на всяком месте и во всякой обстановке, но при условии «умного делания», или, как говорил отец Иоанн: «Будь осторожен — береги ум свой». Этим сказано все. Здесь заключена тайна умного подвига.

Спасение — Божие, а не человеческое. Если бы непрестанная молитва была совершенно невозможна среди мира, то дух Святой устами апостола не призывал бы к сему труду всех христиан, не внушал бы им: «Непрестанно молитесь».

Ибо Господь Бог к невозможному не призывает. Нужно только желание к спасению и усердие. А благому усердию в сем деле Сам Бог — помощник во всякой обстановке: и среди моря страстей, и в темницах египетских, и

в огне скорбей, испытывающих твердость нашей веры и упования.

Святой Василий Великий положил неграмотным все молитвословия заменить молитвой Иисусовой, и это принято за правило всюю Восточной Церковью.

Молитва Иисусова — средство единения духа человека с Духом Божиим.

Сия молитва содружается только с теми, в ком появилась жажда отречения от плотского бытия, жажда духовной жизни, взыскания своей души. А в ком жива жизнь плоти, жизнь «мира сего», с теми она не уживается.

Но если и таковые искренно будут держаться за эту молитву, она уведет их от жизни плотской и приведет к жизни духовной, к жизни покаяния.

Всякий, кто истинно прилепится к сей молитве, обязательно отрешится от жизни плоти, от жизни вещественной.

Нашему времени не дано монастырской и пустынной обстановки.

Господь пустыню сделал недоступной и монастыри закрыл. А мир грешный оставил, и он продолжает существовать.

Что же делать нам, желающим спасения? Для всех желающих спасения остался один путь — внутренний.

Путь внимания к своим помыслам и непрестанная молитва. Не ища в этой молитве высоких состояний, а только лишь зрения своих согрешений и покаяния, очищения от страстей. Этот путь — незаблудный и единственный — да и по времени все другие пути для нас закрыты.

А мысли, сомнения, колебания, возникающие в нас, — это работа того «мысленного растления» — сатаны, который утонченными приемами сомнений, колебаний, нерешительности усиливается расшатать в нас окончательно нашу и без того слабую веру во всемогущество Божие и погубить нас собственным нашим неверием Господу Богу, Который «и вчера и днесь Тойже, и во веки», и своей благодатию спасает всегда и везде всякого ищущего спасения.

Есть еще один острый вопрос, весьма тягостно переживаемый многими спасающимися: кто будет нашим духовным руководителем на этом неведомом для нас и весьма опасном пути? Вот вопрос, который многих пугает.

Опытных старцев нет, и духовных наставников «сокровенному житию во Христе» не стало. А святые отцы говорят, что без опытного руководителя этим деланием нельзя заниматься и спасаться. Что же нам делать? Как быть?

И вот дивный Бог в Своей премудрости через святых Своих, древних молитвенников, предвозвестил нам весьма утешительное слово. Он изрек его устами, что нашими духовными наставниками в последнее время будут:

1. Богомудрые писания святых отцов. По слову святого Паисия Величковского, епископа Игнатия и других.

2. Всевозможные скорби. По слову аввы Исхириона и других отцов.

Скорби и будут воспитывать нас «для Царствия Божия» и усовершенствовать в «умном делании», ибо «умная молитва» лучше возрастает и

крепнет в нас тогда, когда мы всякую скорбь претерпеваем с благодарением.

Епископ Игнатий Брянчанинов повествует о сем следующее пророчество древних отцов.

Некогда святые отцы египетского скита беседовали пророчески о последних временах пред концом мира.

«Что сделали мы?» — «Мы исполнили заповеди Божии». — «А что сделают те, которые будут после нас? — «Они, — сказал авва, — будут иметь делание вполтину против нас». Еще спросили его: «А что сделают те, кто будут после них?» — «Они отнюдь не будут иметь монашеского делания, но им будут попущены скорби, — и те из них, которые устоят, будут выше нас и отцов наших».

Вот истинное утешение для всех рабов Божиих, спасающихся среди мира и его скорбей. И этого благодатного утешения не следует забывать. Здесь сокрыто утешение и для тех, кто пребывает в скорби от своей воли, от ее тягостного бремени и не знает, кому ее отдать.

Скорби понесут волю каждого, покорно приемлющего их, и управят в Царствие Божие, *ибо нам надлежит спастися многими скорбями* (Деян. 15, 22).

Такова воля благого промысла о нас, чтобы мы, покорившись ему без смущения, сами несли скорбь своей воли. В смиренном преклонении пред сим промыслом ныне спасение. Нам нужно крепко освоиться с той мыслью, что ныне воспитывают нас для жизни вечной не старцы, не духовники, а многообразные скорби (Сам Господь).

Скорби — это и есть наши духоносные наставники и руководители в молитвенном

житии. Ныне наш путь Бог управляет не советами старцев, а обилием жестоких скорбей. Посему приходящей скорби нужно оказывать послушание, нужно кланяться, как старцу, и с любовью лобызать ее святую руку, нас благословляющую, как старческую.

Епископ Игнатий Брянчанинов шел этим путем, потому и усвоил дух отцов и ясно изложил их учение об умной молитве. Своей многоскорбной жизнью он уяснил это учение святых отцов и является лучшим руководителем на сем пути. Он читается не только у нас, но и на Востоке, особенно на старом Афоне.

Сущность покаяния.

Умное делание начинается с покаяния

Сие умное делание — «беречь свой ум» — начинается с первой ступени покаяния: «помилуй». В ком созрела нужда в покаянии, тому сие делание в великую пользу и привлечет к нему молитву сердца, которая уже немолчным гласом будет взывать к Богу.

Но сие делание будет спасительным и для тех, в ком еще не созрела истинная нужда в покаянии. Сия маленькая молитва привлечет в чувство сердца большую благодать, даст сердцу ощутить святой страх присутствия Божия. Отсюда раскроются глаза на свое ничтожество, на свою греховность, на себя как прах и пепел.

И родится тогда из праха внутренний вопль души и уже немолчный — «помилуй».

Этот вопль вначале бывает малым, но потом обильным, как учат отцы, многослезным, многоболезненным, сокрушительным и для сердца, и для всего тела.

Действие этой благодатной молитвы бывает на всего человека, и действие это непостижимо и неизъяснимо. И здесь мысленная и безтелесная душа — разумное и прекрасное Божие создание, помраченная страстями, ранее никогда не видевшая себя, узрит себя внутренними очами и свои темные смрадные рубища — помыслы, мечтания и вожделения, — в какие облеклась, живя в содружестве с демонами, и действие молитвы превратится в слезный вопль.

Да, ум исповедуется словами, а сердце — слезами и многоболезненным сокрушением — так учат отцы Церкви.

В этом маленьком делании обретается большая болезнь сердечная, в ней же скрыто потрясающее величие Божественного таинства рождения свыше.

Истинное покаяние — по благословенному разуму святых отцов — слагается из трех умных добродетелей, из 3 деланий:

1. Очищения ума.
2. Терпения скорбей.
3. Непрестанной молитвы.

Первый шаг спасительной деятельности на пути покаяния — исповедь. Этим она как бы извергает змеиный яд, которым отравилась. Этот момент остроболезненный для души, но необходимый.

Затем утешительно-целительное средство для больной души — причастие.

Внешняя деятельность души, вступившей на путь покаяния, проявляется в терпеливом перенесении огорчений, досаждений, оскорблений, и всяких других скорбностей, и бед, и своих телесных недугов при смиренном хрис-

тианском сознании: «Достойное по делом моим приемлю...» Такая настроенность души и выражает внутреннее терпеливое смирение, оно же есть истинное покаяние перед Богом.

Это и есть та внутренняя деятельность, которой спасается душа.

Если же таинство не порождает этой деятельности, то ясно, что гордая душа подходила к сему таинству без смирения, без покаяния, потому и не получила благодати для благодатной деятельности.

Верный путь к смирению — наш ближний. И лучший способ приобрести смирение — зазирать себя и смиряться перед ближним.

Смирение перед близкими и перед обстоятельствами — это смирение перед Богом, а оно служит сокровенной основой деятельности покаяния, основой умной молитвы.

Умная молитва без внутреннего смирения перед близкими и обстоятельствами не прививается и не уживается с гордостью души.

Если мы хотим познать, каковы мы в духовной действительности, то при проверке лучший признак будет следующий: если мы, занимаясь умной молитвой, замечаем, что она не уживается с нами, не держится и на устах, а убегает от нас — это верный признак гордого состояния нашей души перед близкими и перед Богом.

Благодать, присущая этой молитве, противится нашей гордости.

Это существенно-полезное познание должно усилить наш вопль «помилуй». Умная молитва приобретается житием слезным, смиренным. Смирению и дается благодать сей молитвы, смирению и раскрывается ее таинство.

В церкви грешная душа приносит покаяние устами, и это цвет покаяния. А в повседневной жизни — делами, и это плод покаяния.

Покаяние — исправление жизни. Если у нас нет исправления жизни греховной, то в нас не было истинного покаяния. Значит, мы мертвы для жизни духовной, благодатной, чужды христианства и есть язычники. А язычники и есть враги Иисуса Христа, хотя бы они и назывались христианами, ибо ругаются жизнью своею над Сыном Божиим и распинают Его в себе.

Внутренняя же деятельность — невидимая, мысленная, умная. Здесь покаянная деятельность совершается втайне, перед Богом, в Борьбе с помыслами, ощущениями, противными покаянному житию. Без этого внутреннего одна внешняя исправность непрочна и неустойчива в борьбе со страстями.

Этим внутренним деланием душа выявляет в земных условиях сокровенную направленность своей умной воли для необъятной деятельности в вечности.

И во всей этой деятельности: в терпении скорбей и во внутренней борьбе с помыслами, мечтаниями, вожделениями — душа имеет нужду в благодатной помощи свыше.

А так как скорби земные, помыслы и ощущения всевозможные, угнетающие душу, есть постоянные спутники души в ее земной жизни, то и молитва превращается в спасительную, умную, постоянную деятельность души — непрестанную молитву.

Кто идет путем молитвы без покаяния, тот на пути гордости. Кто пребывает в молитве и

она не изменяет его жития, тот стоит на пути заблуждения.

Кто слезной молитвой смирения изменяет свое житие пред Богом и непрестанно очищает свой ум слезами покаяния от докучливых помыслов, тот на правом пути, спасительном, на пути святых отцов.

Таково просвещенное понимание истинного покаяния.

Отсюда — непрестанная молитва не есть скучное механическое занятие, а непрестанная, живая, умная деятельность души, совершающая спасительное таинство непрерывного покаяния.

Без покаяния молитва не разгорится, пожигая вещество страстей.

Начинается молитва со словесной, или устной, затем переходит в умную и чистую и, наконец, во внимательную. Внимательная молитва и вводит кающуюся душу при содействии благодати в таинство внутренней, сердечной, непрестанной молитвы, то есть в живое, благодатное, осязаемое, непрерывное Богообщение.

Для остывшего сердца умная молитва служит благодатным огнем.

Нужно смиренно благодарить Господа Бога уже за то одно, что Он благоволил призвать нас к ношению Его святейшего имени в наших грешных устах. Это одно уже величайшая милость. Тогда как у многих уста закрыты для сего Божественного делания.

У многих уста не услаждаются сим сладчайшим именем — и всю жизнь носят горечь, которая и будет уделом их души во всю вечность. Словесное творение, не носящее в себе

Бога-Слова, является бессловесным и уподобляется скоту.

«И блажен всяк, и добро ему будет, потому что Господь Бог не обидлив. Господь даст вкусить от плода или при смерти, или даже после смерти, когда душа разрешится от союза плоти и будет восходить на небо посреди воздушных мытарств — действие молитвенное окружит ее, как пламень огненный, и недоступна она будет мытоимцам — воздушным князьям — ради всемогущего имени Иисуса Христова, которое она здесь с любовью носила в своих устах».

Так и святой Исихий говорит: «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя и собою Христа».

Только до самого исхода своего да не скушает она день и ночь взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию.

И Он сотворит отмщение вскоре, по неложному Божественному обещанию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судии: «Ей, глаголю вам, яко сотворит отмщение вскоре», и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела. На этой ступени молитва Иисусова называется трудовая, делательная, устная. И нужно сказать, что при начале своем она бывает по большей части чрезвычайно трудная.

Не раз, а многожды человек приходит в безнадежие, что не в силах приобрести спасительного делания, а при этом и сердце делается жестким, вся душа поражается нечувствием, восстает страстность с необыкновенною силою, и духовная область жизни закрывается как бы каменной стеной.

В этом и проявляется благодатное действие молитвы, открывающей нам глаза на то, что мы прежде в себе не видели и в чем всегда спокойно пребывали пред Богом. Пребывали в нечувствии, в омертвлении, во грехах и не стеснялись.

А молитва стала оживлять омертвевшую душу, и тут она стала видеть, чувствовать, познавать свою греховность и виновность перед Богом и сильнее стала стенать перед Господом Богом: «Помилуй меня, Господи!»

И от сего духовного ведения состояние бывает безотрадное, томительно-страдательное. И все это необходимо претерпеть, пережить, не прекращая и не бросая молитвы. «Это состояние бывает неизбежно со всяким», — говорят отцы приступающим к сему великому делу, всего более ненавистному силе демонов.

И бывает, что человек читает святую молитву без всякой охоты, без всякого внимания, без малейшего ощущения приятности, и язык возвращается невообразимо трудно, человек словно тяжелым молотом разбивает камни.

При этом целые тучи помыслов всевозможного свойства, и между ними нечистые, богохульные, неизобразимые бьют в ум, как волны морские в скалу. И человек видит себя не в пример худшим того, нежели тогда, когда не занимался молитвой, а отсюда неопытный переходит в сомнение относительно святости молитвы, пользы и необходимости ее.

А отцы говорят, что это происходит в порядке вещей, как неизбежное следствие этой молитвы.

«Свет молитвенной благодати, исходя от Божества Иисуса Христа и проникая во тьму

души, устрашает и гонит злую силу, спокойно доселе пребывающую там. И сия злая сила, встревоженная именем Божиим, приводит в движение все страсти, бывшие в покое».

Епископ Игнатий так пишет: «Сие да будет признаком, что молитва наша начала производить свойственное ей принадлежащее действие.

Потому не устрашимся, а ободримся надеждою, что молитва наша идет должным порядком и вступила в свои законные права по изгнанию нечистой силы».

И здесь следует усилить молитву, хотя только устную за неимением лучшей. И стараться наполнить ею все течение своей жизни.

Труд, время, а в особенности Божие содействие переселят греховные свойства и склонности нашей природы падшей, и со временем воссияет сия молитва, как солнце, в силе своей.

Эта молитва имеет большое значение для нас: этим деланием мы выявляем пред лицом Господа умное движение воли нашей, устремленной к Нему.

И хотя это движение и безсильное, и развлекательное помыслами, злыми пожеланиями, прерываемое порывами злых страстей, но силен Господь даровать и чистое к Нему влечение, разогнать нашу тьму греховную и даровать нам молитву внутреннюю, сердечную.

Ибо, по учению святого Макария Египетского, Господь только и ищет от нас доброго произволения, а чтобы привести его в исполнение — это и есть дело благодати. Мы к этому своим сил не имеем.

Призывать имя Божие следует при всех

занятиях, на всяком месте, во всякой обстановке, во всякое время и даже во сне. Это и есть первая ступень молитвы непрестанной, и она требует упражнения и труда. Хотя ум при этом и разносится, но и этим не должно смущаться и скорбеть, так как это есть грешная принадлежность каждого из нас.

Когда молитва станет внимательной, ум вниманием начинает привлекать сердце к участию в молитве. А сердце открывается для молитвы перстом Божиим, но не механическими пособиями.

Занятие молитвой Иисусовой есть дело великое и дивное и привлекает на нас милость Божию и любовь Сына Божия.

Конечно, хотелось бы помолиться пламенным сердцем и чистым умом, но когда не можешь, то приноси Господу ту жертву, какая нам возможна.

Перед Богом велико и то, что приносим Ему, и то, что имеем. Принеси Ему свои две лепты с усердием, а когда Он увидит наш труд и добрую волю, тогда и золото даст.

Поэтому всякий может благонадежно приносить Господу свою скудную лепту и приступать с усердием к занятию устною молитвою Иисусовой во смирении, в покаянном настроении души, в чувстве виновности перед Богом в грехах своих, никого не оскорбляя и не осуждая, а себя почитая худшим из всех, и дело спасения будет идти успешно, радостно и безопасно.

Безопасность возможна при покаянных чувствах.

Но может возникнуть сомнение: «Молитва ведь только та хороша и Богу угодна,

в которой не только уста молятся, но и сердце...»

Эта мысль верна, но такая молитва может быть только у праведников и святых. А что делать человеку грешному, у которого сердце пребывает в нечувствии и по своему греховному состоянию в окаменении?

Неужели такому и молиться не нужно, а ждать, когда сердце умягчится и очистится, придет в умиление, восчувствует слова молитвы, и тогда уже приступать к молитве?

Но не бывает, чтобы к немолящемуся приходило умиление и молитва. Молящемуся своей нечистой и грешной молитвой Бог дает молитву чистую, благодатную. Так учат об этом все святые отцы.

А ту мысль, что пользы не будет молиться одними устами, не чувствуя сердцем силы произносимых слов молитвы, следует отвергнуть, как мысль ложную, неправославную, которая является продуктом гордого ума.

От произносимых слов молитвы, хотя и не разумеваемых нами и не чувствуемых, польза для нас есть великая, благодатная, осязаемая.

Один брат сказал старцу: «Отче, я принуждаю себя, но пребываю в нечувствии, и нет умиления в сердце моем: я не ощущаю силы слов». Старец отвечал: «Ты только говори эти слова — Бог поможет тебе».

Святой авва Пимен и другие отцы сказали: «Заклинатель змей, когда производит заклинание, не знает силы произносимых слов, но змея, когда слышит эти слова, то сила слов на нее действует: она повинуется и усмиряется. Так и мы, хотя не знаем силы того, что произ-

носим, но бесы, слыша произносимое имя, отходят со страхом».

Святые Божии имели святую веру, потому из своего опыта свидетельствовали, как свидетельствовал святой Иоанн Златоуст: «И у нас имеются духовные заклинания: имя Господа нашего Иисуса Христа и сила крестная.

Заклинание это не только гонит дракона из норы его и ввергает в огонь, но даже исцеляет от нанесенных им ран.

Если же многие произносили это заклинание и не исцелялись, то произошло это от маловерия их, а не от недействительности произносимого.

Имя Иисуса Христа страшно для демонов, для душевных страстей и недугов... Им украсим, им оградим себя».

Святые говорили: «Бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнее оружия ни на небе, ни на земле» (*святой Иоанн Лествичник*).

Благодатное влияние умной молитвы на всего человека

Внимательно относясь к своей жизни, мы начинаем замечать, что все, что нами сделано без молитвы, сделано плохо и с плохими последствиями, а что сделано с молитвой, хотя бы и самой краткой, например «Господи Иисусе Христе благослови меня», «Господи Иисусе Христе помоги мне», «Господи Иисусе Христе сохрани меня», — мы начинаем замечать на всех наших делах благословение Божие!

Отсюда живой опыт учит нас частой молитве, чтобы мы все начинали молитвой и заканчивали молитвой благодарения. Из тако-

го отношения к своей жизни и рождается частая молитва или частое призывание имени Божия.

Количество или частая молитва рождает качество молитвы.

Это и есть, о чем говорит святой Феодит Филадельфийский: «Вхождение в недоступные сокровенности ума, где душа зрит Невидимого и Ему Единому наедине служит в разумных излияниях любви, вкушая благодатное блаженство, исходящее от Блаженного Бога.

Качество молитвы — внимание, благоговение, страх Божий, теплота сердечная и умиление — это все принадлежит Богу. Это Его дары.

Потому нашей природе и дана заповедь о количестве: «непрестанно молитесь».

Наша забота трудиться и трудиться, держать свой ум в словах молитвы и не носиться в вихре вредительных помыслов, не давать уму погружаться в смрадную тину мечтаний и скверниться в ней.

Правильность в молитве

Молитва должна совершаться в страхе Божиим. Если же наша молитва будет совершаться небрежно, невнимательно, неблагоговейно и не будет у нас заботы об искоренении плевелов и о приобретении благих плодов молитвы, тогда и будут расти в нас раздражение, гневливость, обидчивость, нетерпеливость, досада на ближних, осуждение и прочие побег плевелов нашей гордости, то таковое наше молитвенное делание находится в опасности, оно не на правильном пути.

Это зеленеющая, но бесплодная смоковница, подлежащая грозному Суду Божию. (Не всякий говорящий: «Господи, Господи...», но и исполняющий волю Отца Моего небесного...)

Если же мы правильно пребываем в молитве, осуждаем себя, смиряемся перед ближними, не осуждаем никого и пребываем в постоянном чувстве сокрушения перед Богом, то, что бы ни последовало во время молитвы: легкость, тяжесть ли — все хорошо.

И что бы ни последовало в жизни нашей: болезни, скорби, потрясения, — благодать спасительная, пребывающая в призываемом нами имени Божиим, действительно понесет за нас скорби наши.

Внимание

Истинная духовная внутренняя жизнь начинается со внимания. Нужно удерживать ум в словах молитвы, помня, перед Кем стоим, ведем молитвенную беседу. Рассеянный блуждающий ум со временем окрепнет. В этом труде внимания уклоняющийся в развлечение ум нужно возвращать в слова молитвы, ибо непостоянство свойственно нашему уму. Для внимательности нужно произносить молитву не спешно.

Чем мы отторглись от Бога, тем должны вновь обратиться к Нему — не внимать помыслам и чувствам, которые уводят душу в плен.

Не нужно вести беседу с лукавыми помыслами. Пусть они стучатся у дверей твоего ума, а ты не отвечай, будь глух и нем.

Умная молитва прививается только к тем, кто вступил на путь стяжания любви духовной, любви к Богу, отрешился от любви веществен-

ной, земной, плотской, от вожделений плоти и ума.

Плотолюбцам она не понятна, и не прививается к ним, и не может быть их достоянием.

Искушения

Но нужно знать, что сие великое Христово сокровище наветуется врагами древними, хитрыми, коварными...

Святой Мелетий Исповедник говорил: «Те, которые много усердных молитв творят, воистину подвергаются всегда свирепым искушениям, ибо нет такого мучения для бесов, как усердная молитва».

Конечно, всякая добродетель и жизнь духовная вообще наветуются мысленными врагами, а умная молитва особенно.

Поэтому нужна и необходима благодатная разумная осторожность.

Необходимо соблюдать внимательность к себе во всем на молитвенном пути.

Нужно усвоить ту мысль, что мы окружены безтелесными, умными, коварными, злохитрыми врагами спасения, которые неприметно для нас при отсутствии нашего к себе внимания похищают наш небесный залог из нашей сокровищницы, как похитили его у наших небдительных прародителей, а на его место вливают яд пристрастия к самому хранилищу, то есть к оболочке, к внешнему. И этим пристрастием к внешнему обманывают, обольщают душу, сладко усыпляют ее, чтобы она не восстала, не воскричала, не возопила к Богу о похищении умного сокровища, как обманули юродивых евангельских дев, ибо они, прием-

ши светильники свои, не взяли с собою елея — и остались вне врат Царствия, хотя и сохранили девство, и светильники имели, и жили в ожидании Жениха.

У каждого умного труженика они ухитряются незаметно для него выкрасть внутреннее — елей, так сказать, самую душу делания, а ему оставляют один светильник, одну оболочку со своим ядом пристрастия к сей оболочке. Окраденная душа и держится за эту оболочку с особым пристрастием, не подозревая, что оболочка пуста, светильник без елея.

Всякая добродетель и духовная жизнь состоит в земных условиях из внешнего и внутреннего: пост, бдение, хождение в храм, и одежда духовная, и служение у святых престолов, и молитва и все прочее — все это имеет и внешний вид духовной жизни, и внутренний — самую жизнь.

Кто держится за внутренний и живет этим внутренним, тому и внешнее на пользу. А кто держится только за внешнее, не имея внутреннего, для того это благое внешнее служит ядом смертельным, бывает в вечное осуждение. Святой Варсонофий Великий говорит: «Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем».

В духовной жизни живущие только внешним погибают, живущие внутренним — спасаются.

А в последние времена христианское человечество настолько оскудеет внутренним, что Господь сказал: «Сын человеческий пришедши найдет ли веру на земле?»

Святитель Тихон Задонский уже 200 лет тому назад изрек слово грозной правды о Рос-

сии. Он сказал: «Ныне почти нет истинного благочестия, ныне одно лицемерство».

А подвижник благочестия о последних временах сказал такое слово, что враг с особым успехом этим лицемерством будет обольщать христиан, внешним вещественным житием (*епископ Игнатий и другие*).

Из всякой добродетели, из всякого духовного делания безтелесные умные враги невидимые стараются окрасть содержимое, выкрасть самую душу и подменить это пристрастием к внешнему.

«Окрадывание души есть, когда мы почитаем за добро, в чем нет добра, окрадывание есть неприметное лишение духовного богатства, неведомое пленение души» (*святой Иоанн Лествичник*).

У одного выкрадывают духовный смысл поста, который заключается в умном воздержании, и оставляют ему одни грибки, капусту, горох да сухарики с водичкой, за которые и держится бедная душа с пристрастием, не замечая того, что самое существенное у поста выкрадено: нет умного воздержания в помыслах, в словах, нет воздержания в вожделениях, а потому и нет самой сущности поста внутренней.

У другого выкрадывают глубокий духовный смысл черной рясы, знаменующей собою траур по себе как по мертвецу и мертвенное отношение ко всему земному, плотскому, вещественному, и оставляют ему одну рясу, притом непременно добротную, шелковую да фасонно сшитую, и ею прикрывают сластолюбивую, вожделенную жизнь плоти. И душа с гордостью носит сию добротную рясу, не замечая своей скраденности и наготы перед Богом.

У иного выкрадывают прекрасную любовь к храму, спасительную любовь к церковной молитве и оставляют душе одно внешнее стояние. Ибо в то время, когда телом стоит душа в храме, умом своим бродит повсюду и беседует. С кем же? Конечно, с мысленными обольстителями и ворами — с бесами.

«Если же душа и собрала что вниманием в храме, то по выходе из храма сей злодей окраживает душу, ввергая ее в рассеянность, в земные помыслы и мечтания, суетные беседы» (*св. Сimeон Новый Богослов*).

И трудится хождением в храм бедная душа часто всю жизнь напрасно, не замечая того, что она всегда почти отходит от храма окраденной и что за всю долгую жизнь своего хождения, может быть, ни разу и не была в храме и не молилась как должно.

И носители «умной молитвы» — эти отрешенные и трезвенные — оказались также окраденными, утратив внимание к своим помыслам. А носителями умной молитвы в веках благодатных было монашество.

Увы! Увы!.. В последние времена эти безтелесные воры — душеуловители — поймали в свои сети и монашество, сумели у них похитить умную молитву, а самих тружеников упразднили, монастыри разрушили своей многовековой злобой на них. Хотя остатки монашества еще сохранились, но умной молитвы в монашестве не стало давно. А бедная окраденная душа монашеская все еще держится за черную рясу, за четки, за пятисотницу, за монашеский ангельский образ, утратив при этом умное ангельское делание, умное внимание к помыслам.

То же происходит с молитвою вообще: выкрадывают у молящегося самую душу молитвы — внимание, а со вниманием и все те добродетели, которые неразлучны с ним: благоговение, страх, неспешность — оставляют душе один внешний набор слов, внешнюю оболочку: неукоснительное исполнение правила, усердные поклоны и прочее — и заставляют душу крепко держаться за эту оболочку, без всякого внимания к своим помыслам и вожелениям, без внимания к своему плотолюбивому житию, чтобы потом обольщенная душа, увидев себя окраденной, с одним лишь светильником, но без елея благодати Божией, в час смерти возопила на радость демонам перед закрытой дверью милосердия: «Горе мне! Увы! Горе мне!»

Ибо молитва без внимания, что светильник без елея. В этом и есть юродство души, держащейся за внешнее без внутреннего.

Не избежал сих злохитрых врагов и чин людей освященных, не пощадили они и предстоятелей святого престола.

Окрадывают почти всех, за исключением весьма редких благоговейных счастливых, огордивших себя мудро трезвенным вниманием и слезами.

Остальных окрадывают безжалостно. Выкрадывают у них духовный смысл освященного сана и служения, выкрадывают благоговейство, страх, внимание, веру, выкрадывают благодать христианства и апостольства и оставляют им одно внешнее «пышное» благочиние службы «по уставу» да болезненную алчность к непомерным и совершенно безбожным доходам.

О, эти мысленные воры, безтелесные разбойники, похитители небесных сокровищ! Каких только богатств они не похищают у невнимательной души и кого только не окрадывают!

Да, горе, горе всем нам, рожденным вчера, обложенным смертным веществом и дерзновенно покушающимся уйти из-под власти невещественных врагов! Горе нам, дерзающим избежать многочисленных тонких мысленных сетей наших «душеуловителей», злых, коварных, немилосердных, жестоких!

Конечно, при всей нашей бдительности и внимательности мы не сможем избежать вражеских сетей, если не привлечем к себе смирением многомощую благодать Божию.

Если пророк Давид (см.: Пс. 138, 23) молился о том, чтобы Господь испытал сердце его, помышления его, не на опасном ли он пути, и о том, чтобы Господь направил его на путь верный, то такой же молитвой подобает молиться нам грешным?

Да, есть одна молитва, приличествующая всем кающимся грешникам, — немолчная молитва покаяния: «помилуй». Мы только слабые, бедные, грешные потомки обманутых наших прародителей и только вчера рожденные слепцы и умом младенцы. А враги наши — древние возрастом и умом своим — коварны и хитры, перезрели в своей многотысячелетней злобе против нас.

Кто же защитит нас? Кто проведет нас по пути духовной жизни, чтобы и нам не подвергнуться окончательному обману, как прародители наши, и не быть изгнанными из рая духовной жизни во тьму плоти и ее вожделений, и

вместо служения Господу сердцем не держаться за одно внешнее в этом служении, и чтобы нам не услышать грозное слово Кроткого Господа Бога: «Не знаю вас, ибо вы чтили Меня устами вашими, а сердце далеко отстояло от Меня. Отыдите от Меня делающие беззаконие!»

Эти грозные слова будут сказаны тем чителям Бога, у которых было похищено внутреннее — внимание в молитве — этот елей из светильника молитвы.

Кто держался за внешнее Богопочитание, позабыл ту святую истину, что Бог чтится не внешним, а внутренним.

Эту тайну внутреннего почитания знал и древний пророк — молитвенник, потому и сказал Господу: «Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо — всесожжения не благоволиши. Жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Все благоугождение Богу зависит от помышлений.

Какое средство спасения обрели святые отцы от этих врагов, от их искуснейших утонченных способов духовного воровства? У прародителей наших такого средства не оказалось...

К нашей духовной радости и к нашему спасению у святых отцов это средство есть, и это средство дивное, предивное.

Великий Пимен выразил это средство такими благодатными словами: **«Плачьте, братие, — другого пути нет!»**

Это путь покаяния, переданный нам Писанием и святыми отцами.

Святой плач покаянный и есть то средство, что охраняет небесный залог и самую

душу. Умная молитва рождает умный плач души. А плач души питает молитву и хранит ее от всех сетей и наветов вражиих.

Кто не плачет и не стенает день и ночь, тот и не ищет и не хранит. Ищущий умную молитву, умную потерю плачет, и нашедший тоже плачет о сохранении.

Этим средством душа служит Богу внутренним служением — и это служение приемлет Бог.

Если кто до смерти оставит покаяние, хотя бы и был святой, то погибнет. Святой Иоанн Лествичник показывает великую необходимость этого средства:

«Кто истинно подвизается о своем спасении, тот всякий день, в который он не оплакивает грехов своих, считает потерянным, хотя бы и совершил в тот день какие-нибудь добрые дела».

И далее он говорит:

«Хотя бы мы и великие проходили подвиги в жизни нашей, но если мы не обрели болезнующего сердца, то все они (наши подвиги) притворны и суетны».

Святой Исаия Отшельник сказал: «Плачем изгоняются из души все страсти».

Святой Исаак Сирин сказал:

«От плача приходит человек к душевной чистоте».

«Все добродетели приходят с плачем и сохраняются с плачем».

Познали отцы действительность покаянного плача на реках Вавилонских, и все прибегали к нему. И пользовались им во всю жизнь. В плену Вавилонском (страстей) для души нет другого утешения, кроме плача.

Эту тайну poznali только отцы. Плачем душа входит в умный мир помыслов, чистоты и тишины. Плачем она спасается от опасности: если сильные и злобные безтелесные враги окружают слабую, беззащитную душу, идущую к Богу по путям опасным, и она слезно вопиет к Нему: «Помилуй, Господи!», — то слезы эти служат ей благодатной стеной защиты.

После всего сказанного подумаем серьезно, что за диво дивное эта слеза покаяния! Воистину, какое это дивное, Божественное, непостижимое чудо!

Плачет душа безтелесная слезами телесными. Плачет душа смиренная и слабая, и трепещут сильные, гордые демоны, ее враги немилостивые и жестокие.

Плачет темных страстей раба и пленница темного мира, и слезами разрываются все темные сети, разрешается темный плен, и освобожденная душа входит в мир светлый и горний.

Падает слеза телесная и смывает душу безтелесную, грешную. Падает слеза на землю, в прах и привлекает Самого Владыку небес взыскать потерянную и утешить плачущую душу.

Сам же и сказал Господь: «Блаженны плачущие, ибо они утешены будут». Плачущей душе Сам Бог помощник и заступник.

Святой Григорий Синаит говорит: «Когда диавол увидит кого-нибудь живущим плачевно, то не может пребывать при нем, отвращаясь смирения, производимого плачем».

Отцы завещали: «Стяжи плач, и он сохранит тебя во всех путях твоих и привлечет к тебе небесное утешение, привлечет молитву сердца, которая проведет тебя дальше рая —

к Самому Владыке рая, праведному Судии, Который защитит вопиющую душу — вдовицу от ее соперника».

«Ей, говорю вам, подаст ей защиту вскоре» (Евангелие).

Так Он Сам изрек пречистыми устами Своими, и не просто изрек, а с клятвенным утверждением сказал: «Ей, говорю...» Чтобы вопиющая душа ни на одно мгновение не сомневалась в Его скорой действенной помощи.

Если Сам Бог, создавший душу, клянется перед этой душой, то она может спокойно устремляться в одежде вопля и слез к клянущемуся Богу, возлюбившему это Свое творение вечной любовью. Может устремляться на Вавилон страстей через все беды и напасти, с верой и любовью к Клянущемуся, храня Его умный залог.

Святой Иоанн Лествичник сказал:

«Мы не будем обвинены при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли видений, но, без сомнения, дадим Господу Богу ответ за то, что не плакали о грехах наших».

«Ибо плач имеет двоякую силу, истребляет грех и рождает смиренномудрие».

ТЕМА 5

ДУХОВНЫЙ ОПЫТ АФОНСКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА

(Изречения)

«Господь ожидает и требует от нас и сухой молитвы. А ты говоришь — она бесполезна... Да ты на кресте висишь, когда скорбен, мра-

чен, уныл, а молишься. А не будешь молиться, так подобен будешь бесам».

«Перед началом канона (келейного правила) нужно положить поклон за ненавидящих нас».

«Приступая к поминовению на проскомидии Божественной литургии, необходимо сначала помолиться за ненавидящих и обидящих нас и творящих нам напасти и затем приступить к обычному поминовению».

«Духовная жизнь — это непрестанное усилие воли. Если мы заставляем себя сделать один шаг к Богу, Господь делает нам навстречу тысячу шагов. Напряженные усилия в борьбе с грехом привлекают к душе благодатную помощь свыше. И постепенно благодать Святого Духа преображает все естество человека».

«Нам даже представить трудно, какую ожесточеннейшую борьбу денно и ночью ведут добрые воины Христовы за чистоту ума».

«Именем Иисуса бей супостата, не принимая не только плохие, но и, по-видимому, благие помыслы».

«Держи ум твой во аде и не отчаивайся», — сказал Господь преподобному Силуану. То есть считай себя достойным ада.

«Знаменитые редуты аскетов — скиты Кавсокаливия, Каруля, Катануки, Святая Анна — места, овеванные неувядаемой славой духовных побед» («На вершине горы»).

«Быстротечность века сего, иллюзорность пресловутого прогресса». Мановение десницы Господней — и от безумно-горделивой технотронной цивилизации не останется ни малейших следов.

«Еще дается отсрочка для спасительного покаяния».

«Прелесть действует первоначально на образ мыслей; будучи принята и извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладев сущностью человека, она разливается на всю деятельность человека, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душою. Состояние прелести есть состояние гибели, или вечной смерти».

«Твердая вера в свое особое призвание постоянно укрепляет тайную самонадеянность и сокровенную гордыню». Он закрыт для человеческих вразумлений. Лихорадочно блестящие глаза, в них — жуткая печать поврежденности, агония больного духа, беззвучный крик души!

И вновь память воскрешает светлый образ дорогого аввы отца Филадельфа. Забыть ли проникновенный взор его больших, выразительных, кристально чистых очей! А в них — ясность духа, благодатный покой и неотмирная любовь.

Как отличался разительно отец Филадельф, в жизни которого никогда не было ни малейшего проявления самолюбования! Он, наш скромный братолюбец, почитал себя «ста-

рым грешником» и при каждом удобном случае подчеркивал свое недостойнство. «Мне ли решать такие вопросы! Не знаю, что Вам сказать. Давайте обратимся к старцу», — кротко изрекал согбенный старец, обращаясь к себе-седнику.

Неизменное послушание и боголюбезное смирение иеромонаха Филадельфа позволили ему успешно отразить все сатанинские атаки и победно пройти через самые изощренные искушения.

Чем глубже уединение, тем сильнее нападает диавол.

Монахи-отшельники ведут напряженнейшую, непрестанную брань со злейшими, беспощадными врагами нашего вечного спасения — падшими духами. Это — сгустки лжи, изощреннейшего коварства. Смысл их существования — ожесточеннейшая война с Богом и людьми. Главная задача демонов — привлечь к себе внимание, вызвать к себе интерес, пленить человека душепагубной ложью и увлечь в обители вечной смерти. Если им не удастся атака «слева», они атакуют «справа» через так называемые «тонкие сны», или через «небесные видения», «Божественные откровения».

Демоны могут принимать любой вид и часто являются в образе святых, преподобных, мучеников, светлых Ангелов, Архангелов, Богоматери и даже Самого Христа.

Честный и животворящий Крест, святое Евангелие, боговдохновенные слова православных молитвословий... Боятся ли всего этого демоны? Несомненно. Но порой Божественным попущением дерзают искушать подвижников,

коварно используя самые дорогие для сердца христианина символы и образы.

К великой духовной бдительности призывал нас один многолетний насельник Карули, греческий монах. Сему угоднику Божию, восхищенному однажды из пещеры, где он пребывал в неких мысленных сферах, враг показал не просто «ангела с крестом», а неотмирную по красоте и благолепию «Божественную литургию». В ней не только присутствовала вся православная символика. Сила воздействия этой службы была такова, что преподобный до последней минуты не сознавал, что имеет дело с дьявольским искушением... Вот отверзаются «царские врата». Из алтаря выходит светоносный «архиерей» с «чашей» в руках и приглашает святого приступить к «причастию». Смиренный авва, обливаясь слезами и падая ниц, восклицает, что он грешный, недостойн. И... внезапно оказывается снова в своей убогой пещере, помилованный Богом за смирение. Впоследствии Господь открыл, что если бы преподобный тогда «причастился», в него бы вошел сатана.

В смертельную огненную битву ввергается всякий, желающий остаться здесь (Афон). Враг сразу стал донимать по ночам разными стуками и шумами, а затем явился видимым образом и стал душить лежащего на одре.

Афониты придерживаются строго святоотеческого правила: «Что бы ты ни увидел чувственно или духовно, мысленно, вне или внутри себя, ни в коем случае не принимай, почитая себя недостойным! За проявление духовной бдительности Господь не только никогда не накажет, но и вознаградит».

Неумеренность в аскетическом подвиге, ослабление духовной бдительности, малейшее самомнение приводят к трагическим последствиям.

Крайне опасно даже едва уловимое желание «заглянуть за грань», соприкоснуться с потусторонним.

Игумену-постнику, имеющему высшее богословское образование и усиленно подвижавшемуся около двадцати лет, явился демон в виде почившего в Бозе духовника игумена, известного старца-исповедника. Падший ангел прекрасно изучил и умело использовал душевное устройство ревностного аскета и уже давно «работал» с ним на мысленном уровне, вызывая повышенный интерес к рассказам о «тонких снах», «видениях», «явлениях», «откровениях». Должно быть, подсознательно, в глубине сердца, обманутый подвижник дозрел до визуального контакта с «иным миром». Он — вопреки важнейшему аскетическому закону — посчитал себя достойным небесного утешения. Принял демонический призрак за истину и стал беседовать со своим «аввой», который пришел из «блаженной вечности» в самый ответственный, критический момент, чтобы помочь верному ученику «преодолеть изощренные искушения». «В наше бедственное время не осталось настоящих старцев, — вещал коварный бес в образе благообразного иеросхимонаха С. — Совсем оскудело духовное руководство. А подвизаться без опытного наставника нельзя. Можно легко заблудиться и навеки погибнуть, поэтому при необходимо-

сти я буду приходить к тебе сам и открывать волю Божию... Но не вздумай кому-нибудь рассказать об этом! Тебя не поймут. Более того, начнут втайне завидовать. Назовут прельщенным. И будут гнать, как при жизни и меня». Игумен поверил лстивым речам мнимого небожителя, замкнулся в себе и вошел в постоянное визуальное общение с темной силой. Многочисленные почитатели — особенно девушки и женщины — по-прежнему обращались к игумену за советом и восхищались его «высокой духовностью». Однако богомудрые отцы узнали, что происходит с духовно поврежденным игуменом. Они неоднократно пытались вразумить несчастного, но — увы! — безуспешно. Сей муж был абсолютно уверен, что находится под небесным руководством своего любимого аввы...

Кто не в борении и подвиге, тот в прелести, то есть обманут, поруган бесами (*святый Феофан Затворник*).

Мужество и безстрашие — важнейшие, неотъемлемые качества истинного духовного воина, который боится только Бога. Но это удел совершенных. Остальные в той или иной степени испытывают чувство страха по человеческой немощи». Этим пользуются демоны. Бесовские страхования иногда достигают громадной силы, парализуя волю, вселяя страх нечеловеческий, леденящий сердце ужас...»

Вот уже и на святую гору пришли компьютеры, факсы, мобильные телефоны... Последние, впрочем, почему-то порой отказываются работать в монастырских стенах.

Когда святой Максим находился один на вершине святой горы Афон, то демоны сильно искушали его, производя возмущения, скалы трещали, слышались дикие голоса множества вооруженных и безобразных людей, собирающихся со всех сторон на него, чтобы низринуть его вниз. Но так как все это было мечтательным явлением демонских козней, то, полный духа веры и благодати, святой Максим не обращал на то внимания, а только постоянно возносился молитвенным духом и мыслию к Богу и Пречистой Его Матери и просил Их заступления и помощи. И он был услышан.

Является ему окруженная множеством небесных сил, осияваемая небесною славою Царица небесная, держа на руках Сына Своего.

Пораженный видением Божественного света и видением святой, Максим не вдруг увлекся чувством доверия, но прежде обратился к молитве. А потом, уверившись в истинности явления Божией Матери, в неизреченной радости поклонился Ей и Господу и воскликнул: «Радуйся, благодатная, Господь с Тобою!»

Такова святоотеческая традиция, освященная веками. Чем больше духовного опыта у подвижника, тем яснее он видит многообразные демонские козни и поэтому, не доверяя себе, тщательнейшим образом проверяет свои чувства и советуется с другими отцами. Лучше перестраховаться, чем попасть в коварную бесовскую ловушку.

Подчеркиваем с максимальной категоричностью, вопреки мнению некоторых простецов, демон может явиться и в образе Божией

Матери. Таково учение святых отцов. Об этом говорится в сочинениях святителя Игнатия Брянчанинова: «О сновидениях», «Приношение современному монашеству», в «Посмертных вещаниях преподобного Нила Мироточивого» и других источниках.

Преподобный Афанасий, достигший вершины добродетелей и созерцавший неизреченные Божественные тайны, проявил сугубую осторожность, духовную бдительность при встрече с Богоматерью. Дивный подвижник, обладающий огромным духовным опытом, ни в чем не доверяет себе и многократно поверяет свои чувства и ощущения. И это не случайно. Таков закон аскетической жизни: чем выше духовный уровень, тем строже самоконтроль.

Современный афонский подвижник архимандрит Херувим рассказывает об удивительных случаях изошренного демонского коварства. Так, например, некоему афониту, молодому диакону неопытному, явился демон в виде Ангела хранителя и прельстил пустынника. Падший дух постоянно общался с прельщенным в течение двух лет — громадный срок! Мнимый «ангел» вел с диаконом духовные беседы, вместе с ним молился, осенял себя крестным знамением, пел акафисты, бил поклоны, читал молитву «Богородице Дево, радуйся...». Опытный старец сумел, по милости Божией, освободить его из плена губительной прелести.

Одному монаху-неофиту, несшему послушание в уединенной церкви Успения — под-

держивал огонь лампад, однажды поздней ночью слышался тихий стук в дверь келии, и приятный голос сказал: «Восстань, чадо мое. Спустишь в церковь, Моя неугасимая лампада потухла».

Монах немедленно вскочил и побежал в храм, где неугасимая лампада Богородицы действительно погасла. Он зажег ее, горячо помолился и вернулся в келью. «Я достиг, — подумал он, — высоко взошел, Царица небесная посетила меня, я слышал Ее нежный, ангельский голосок. Какое счастье!»

И кто знает, чем бы закончилась эта печальная история, если бы не духовная мудрость великого старца схимонаха Игнатия, который вовремя развеял демонические чары и помог своему ученику распознать вражеский обман!

На святой горе Афон подвизаются сонмы доблестных воинов христианских. Под благодатным покровом Царицы небесной из года в год, столетие за столетием новоначальные и седовласые отшельники совершают свой молитвенный покаянный подвиг. Они терпеливо преодолевают сильнейшие скорби и самые изощренные искушения. В жесточайших битвах с полчищами бесов своевременно получают великую помощь от Всепречистой Девы.

Ошибается тот, кто полагает, что на Афоне любому человеку — вне зависимости от его духовного устройства — в конечном итоге все-таки обеспечено вечное спасение. Даже опытнейший подвижник может прельститься, повредиться

и погибнуть, если в чем-то отклонится от святоотеческой аскетической традиции и не исправит ошибки.

«Нас освящает не место, а образ жизни, — учил старец Иаков (Цаликис) с острова Эвбея. — Можно телом быть на святой горе, а помыслом — вне, в миру. Можно быть телесно и здесь, а мысленно на Афоне.

Если ты настоящий монах, то, куда бы ты ни поехал, Афон для тебя везде».

«Законы православного подвижничества абсолютно непреложны. Нарушать их безнаказанно не дано никому».

Именно поэтому истинные святогорцы хранят неусыпную бдительность. Всячески избегая самомнения и самонадеянности, афониты живут в полном послушании своим наставникам, все делают по благословению и при необходимости, обращаются за советом к богومудрым старцам.

Крайне опасно недооценивать силы и возможности наших беспощадных врагов. За время существования человечества падшие духи накопили колоссальный опыт борьбы с добром. Нападая, эти злейшие, коварнейшие существа действуют с учетом душевных качеств человека и всячески стремятся посеять в нем тщеславие и гордость. Они могут внезапно атаковать в любой момент и в любом месте.

Нередко их главная цель — мгновенно пленить тщеславный ум красочными, грандиозными миражами. Неопытный подвижник тотчас принимает великолепную, как ему

представляется, «инобытийную» действительность за истину. Он и мысли не допускает о том, что так называемое небесное видение не имеет ничего общего со святым горним миром и на самом деле является бесовским призраком. В итоге прельщенная душа попадает в страшный демонический плен, вырваться из которого удастся далеко не каждому!

Некоторые угодники Божии проходят через горнило сугубых, почти невероятных искушений. Всемиловитый Господь попускает им сие испытание для приобретения духовной опытности и глубочайшего смирения.

«Дважды я был в прелести, дважды ошибался, — пишет преподобный Силуан Афонский. — Один раз враг мне показал свет, и помысел говорил мне: „Прими, это благодать“. Другой раз я принял одно видение и много пострадал за это.

Однажды, в конце бдения, когда запели „Всякое дыхание да хвалит Господа...“ я услышал, как царь Давид в небе поет славословие Богу. Я стоял на хорах, и мне казалось, что нет ни крыши, ни купола и что я вижу отверстое небо. Я говорил об этом четырем духовным мужам, но никто мне не сказал, что враг «посмеялся надо мною, а я сам думал, что бесы не могут славословить Бога и что, значит, это видение не от врага. Но прелесть тщеславия бо-рола меня, и я снова стал видеть бесов. Тогда я познал, что обманулся, и все открыл духовнику и просил его молить, и за молитвы его спасся. И я всегда молю Господа даровать мне дух смирения».

«Отцы говорят, что при вражеском видении душа почувствует смущение. Но это только смиренная душа, которая не считает себя достойной видения, при вражеском действии почувствует или смущение, или страх, а тщеславный может не испытать ни страха, ни даже смущения, потому что он хочет видений и считает себя достойным, и потому враг легко обманывает его.

С врагами борись смирением, когда видишь, что с твоим умом борется другой ум, то смирись — и брань прекратится».

О прелести

«Каждую ночь отец Н. служит в крохотной церкви Божественную литургию, молится за весь мир... и остается в страшном мире ложных грез и демонических призраков. Твердая вера в свое особое призвание постоянно укрепляет его тайную самонадеянность и сокровенную гордыню. Трагические итоги налицо: он потерял способность критически мыслить, не может правильно воспринимать действительность, верно оценивать ту или иную духовную ситуацию и поэтому закрыт для человеческого вразумления».

Святой Максим, поднявшись на вершину горы Афон, страдая от голода и холода, изнуренный, без сна и отдыха, молил Пресвятую Богородицу о даровании ему дара непрестанной молитвы Иисусовой со смирением, горячими слезами, в скорби, но не в отчаянии, снова поднялся и, снова страдая от двойной жажды и от голода, решил ни пить, ни есть, остаться на вершине, не давать сна очам своим.

Вот решимость, которая, по словам преподобного Серафима Саровского, отличает подвижников прошлого от нас, современных христиан!

«Не место спасает человека, а произволение, — учит святая Церковь. — Главное — смириться и познать свое ничтожество».

«Получает от Бога дар умной молитвы тот, кто восходит на вершину горы, на место обременительное и негостеприимное, непорочное, чистое для тела, для души же покойное и желанное, место такое, где ум возносится к небесам, как устремлена к небесам и к облакам вершина Афона.

«Во всей полноте сознаешь непреложный факт, что истинная свобода и жизнь возможны только в Боге и в Его святой Православной Церкви, вне которой нет и не может быть вечного спасения.

Только в Православии мы обретаем благодать Святого Духа, сокрушающую оковы страстей, очищающую глубины сердца, освобождающую от греховного рабства и вечной смерти».

Но как нелегко брать «редуты гордыни»!

Как трудно смиряться и сим побеждать!

«Наша война и сильна, и люта, и мудра, и вместе проста», — утверждает преподобный Силуан Афонский — один из важнейших святых XX века.

«Если душа возлюбит смирение, то все

сети наших врагов порваны и все крепости их взяты!»

Война упорна, но только для гордых; смиренным же легко, потому что они возлюбили Господа и Он дает им Свое сильное орудие — благодать Святого Духа, которой боятся наши враги, ибо она их опалает.

«Смирение — это прекрасная заоблачная вершина. И каждый из нас призывается покорить ее».

Православные святые афонские подвижники, подобные старцу Паисию, достигали не только даров чудотворения, но и небесных высот смирennemудрия.

Духовные чада вспоминают о том, как рассуждал о себе отец Паисий:

«Если и совершается какое-то чудо, то только по действию благодати. Она подобна солнцу. Я же пустая никчемная консервная банка, которую выбросили в мусорное ведро, поставили его во дворе. Луч солнца падает на крышку этой жестянки, и та сияет, как само светило».

Смирение заставляет забыть о самом себе и всецело отдаться на служение Богу и ближнему. Тысячи людей побывали в келье старца Паисия. Он горячо и дерзновенно молился за них, за раковых больных и сам испросил у Бога раковую болезнь себе, если будет воля Его, чтобы еще горячее за них молиться, и Господь услышал его молитву. И вот старец после долгой и мучительной болезни восходит на Голгофу и испытывает непереносимые боли, приближаясь к вратам вечности.

Одна операция следует за другой, старец

распростерт на кровати, подключенный к аппарату искусственного дыхания, среди всевозможных капельниц, приборов, датчиков. Лишь временами приходит в сознание. И в эти краткие мгновения являет собой удивительный пример мужества и самообладания, пытается улыбнуться и даже шутит. Его спрашивает ученик: «Старче, как Вы себя чувствуете?» — «Разве не видишь? Как астронавт», — слышится из-за кислородной маски.

«Имейте любовь, без любви никто не спасется!» — говорят святые Афона. «Послушание монаха — молитва» (ст. *Паусий*).

«Бог не слушает нас, когда молимся, сколько бы бдений и молитв мы ни совершали, и это случается из-за того, что мы не правы. Сидим, осуждаем братьев, потом совершаем всенощные бдения. Э, напрасно расходуем батареи, ибо Бог не будет слушать нас, пока не исправимся».

«Однако, если имеем Божественную правду и совсем не смотрим на самих себя, но любим Бога и наших братьев, тогда и Бог, странная вещь, смотрит и заботится о нас и не оставляет нас быть лишенными и малейшим» (ст. *Паусий*).

«Если слезы ведут христианина по пути спасения, то, очевидно, смех ведет его в противоположную сторону».

«Смех вообще не согласуется с состоянием души в Духе Святом». Слова Господа: *Горе вам, смеющиеся ныне* (Лк. 6, 25).

«Нам надо вывести нашу душу из страстей и допустить благодать действовать. Сколько каждый очищается, столько действует благо-

дать — таково соответствие. И когда душа окончательно очистится от желаний и полностью смирится, тогда и благодать Христова видит и все обещанное Христом осуществляется».

Преподобный Нил Сорский: «При посещении благодати не предавайся беспечности, не возносись, но припадай к воспоминанию согрешений своих, куда нисходил ты тогда, как обретал ум скотский. Воспомяй помрачения ума твоего при попущении всего этого на тебя.

Божий промысл наводит все это на нас, чтобы мы смирились. Как говорит преподобный Григорий Синаит: «Если не будет человек оставлен, побежден и пленен, всякой страстью и помыслом поработившись и духовно побеждаем, ни от дел помощи не обретая, ни от Бога, ни от чего иного отнюдь, так что недолго прийти ему и в отчаяние насилуемыми во всем, то не может прийти он в сокрушение и считать себя ниже всех, последнейшим и рабом всех и самих бесов худшим, как совершенно ими насилуемым и побеждаемым. И это есть устроение промысла и научительное смирение, через которое второе и высокое дается от Бога человеку... Божественная сила, действующая и творящая все через него, всегда его своим орудием видящая, с его помощью совершающим Божии чудеса.

Внимай же этому со страхом, если не смиришь мудрование свое, то оставит тебя благодать и совершенно падешь в том, в чем только помыслами ты искушался. Ибо стояние в добродетели зависит не от тебя, но есть дело благодати, носящей тебя на ладонях Своих, соблюдающей от всего сопротивного».

«Лучшая борьба — это без помыслов хранить сердце в молитве».

О молитве Иисусовой

По святым отцам, в молитве, чтобы быть с Богом, нужно искоренять страсти, мешающие этому. Висеть на уповании на Бога. Лучшей помощи не найдешь, кроме этой молитвы. Только Бог знает все козни, хитрости, обходы демонов. «Каждого из нас Церковь ведет по его жизненному пути».

Главное дело наше есть — предстояние Богу. Предстояла Кресту Господню Матерь Божия и святой Иоанн Богослов. Или перед Ним, сидящим, предстоят святые и Ангельские Чины. Ведь это предстояние и есть цель, к которой мы призываемся. Ибо что такое молитва? Молитва есть пребывание и соединение с Богом.

И единственное делание, которое останется у нас за гробом, когда все остальные добрые дела и благотворения отойдут от нас, есть молитва, которая тогда раскроется во всей полноте.

У нас есть всегда возможность прийти и предстать перед Богом не только в храме или на домашней молитве, а всегда и везде, ибо апостол говорит: «Непрестанно молитесь». Непрестанно молиться есть не что иное, как предстояние добровольное и сознание того, что мы, грешные, без Бога жить не можем и без Его помощи погибнем. Настанет время, когда мы предстанем пред Господом не добровольно, когда и верующие, и неверующие, и предстоящие раньше, и не предстоящие, — все предстанем Ему. И это будет не по нашей воле. Тогда поздно уже будет стараться добровольно

предстать пред Господом, тогда поздно будет класть грехи свои на главу перед Богом, тогда поздно будет познавать свою Божественную природу и свой человеческий грех.

Пока мы в этой жизни, мы можем добровольно предстоять Ему и в течение всей жизни нашей быть с Ним.

О покаянии

Мы должны понять, что исповедь есть то средство, которое дается Богом для нашего духовного устроения, устроения всей жизни. Иначе покаяние тщетно. Это великое таинство, а не простое облегчение души после исповеди. Святые отцы говорят, что настоящее покаяние начинается с той минуты, как ты исповедался. Священник молится над кающимся, чтобы Господь дал ему образ покаяния: «Умилостивися о рабе Твоем и подаждь ему образ покаяния». Как же так? Ведь он покался, исповедался, зачем же просить ему образ покаяния?

С того момента, с момента исповедания и отпущения грехов, а затем и соединения Святым Телу и Крови, и начинается покаяние в жизни, истинное покаяние.

Состояние христианина есть состояние кающегося, кающегося всю жизнь, изо дня в день, проверяя свою совесть каждый день.

Когда мы на исповеди сбросили с себя с помощью Божией целые заросли греха с души, когда благодать Божия коснулась нас, тогда-то и можно заглянуть в душу, ибо тогда на этой чистоте души заметна всякая мелочь греха.

Многие не молятся, так как «некогда», «как я буду молиться без настроения, без желания», «если я каменный».

Вообще любое дело мы делаем то с радостью, с охотой, а то с утруждением, понуждением. И, понудив себя, мы входим в работу, становимся хорошими работниками, хотя перед тем нас и уныние, и лень одолевали. То же и в отношении к Богу, к молитве. Мы, грешные, не можем постоянно находиться в горении, в пламенном желании быть с Богом. Не на том мы уровне, чтобы молиться, когда одолевает сон, нет сил молиться. Не смущайтесь этим. Вспомните вдовицу, которая дала две лепты. Отдайте их Богу: «Вот мои две лепты, помоги мне». «Покаяния нет во мне». «Дай мне, Господи, ум, да плачуся о грехах моих горько».

Если бы кто-нибудь жил далеко, и отец или мать приехали к нему и застали бы его на грязной работе, неужели этот человек, увидев дорогих людей, побежал бы мыться и приводить себя в порядок. Он бы бросился навстречу в таком виде, как он есть. Этого-то и хочет от нас Господь. Мы должны восходить к Господу в каждую минуту жизни. Мы должны идти к Богу такими, как есть, а не дожидаться такого момента, когда мы снизойдем до Него и что-то сможем Ему дать.

Молитва Иисусова заменяет все правила и молитвы!

Некто из святых отцов, учитель монашествующих, так говорит: один час молиться умом, потом другой час читать отеческие книги: «Добротолубие», «Отечник» святых Иоанна Лествичника, Исаака Сирина и других о

трезвении ума, ибо чтением отеческих книг человек как бы принимает крепость, а после того заниматься сердечной молитвой и пребывать в ней как можно больше. От нее и плод: плач, умиление, смирение, любовь и прочие добродетели.

Святые отцы определяют за первый час столько-то четок, за другие богослужения столько-то; вот и можно, заметив, во сколько времени совершается это, определить себе эти часы и заниматься молитвой умно-сердечной.

Даров от Бога не ищите и не просите. Он знает, когда и что дать. Благодать Святого Духа Господь и ныне некоторым при жизни дает, другим при смерти, а иным и после смерти. Мы только должны крепко держаться молитвы.

Но если кто, хотя бы в пустыне жил и постился и молился, а будет мечтать, что делает хорошо (бес хвалит его в сердце), то он останется с одним высокоумием.

И святые отцы читали, пока получили благодать в молитве, а получивши, оставили чтение.

Память смертную и суд Божий нужно иметь постоянно, в особенности при совершении молитвы.

Не скорбите о беспокойствии от братии. Если они хотят посоветоваться с вами и вы им что скажете, то это не разоряет безмолвия; любовь к братии вменяется в безмолвие. Она ведь многих видов: иной целый день говорит, но все идет на пользу, а другой скажет одно слово, и оно оскорбит брата.

«Мы привыкли не внешнюю дверь запирать, а двери от входа страстей!» Можно разве при умно-сердечной молитве заниматься и те-

лесными трудами? «Кто утвердился в ней, — отвечал отец Иоасаф, — тому труды не мешают: руки делают свое, а ум занят своим, не переставая. Вредно только, если кто увлечется с людьми, то он может потерять внутреннее делание.

Спасение не устроится иначе, как через искушения, поэтому кто отвергает искушения, тот отдаляет от себя спасение и, кроме того, остается неискусным. Кто терпит с благодарностью, тому легко, и он свободно минует искушения».

Пишут святые отцы: «Если человек вознесся бы добродетелями до небес, должен молиться о грехах, то есть о прощении множества грехов своих. Всем святым, даже самым великим, попускал Господь поползнуться в какие-нибудь погрешности, чтобы они смиренны были в помысле и не возносились своими добродетелями».

Святой Исаак Сирин пишет: «Если ты и чудотворец, воскрешаешь мертвых — о оставлении грехов молись!»

Отцы говорят, чтобы мы не желали успокоения в этом мире, а возлюбили труд, пот, искушения, оскорбления. Когда человек в искушении радуется, тогда познает свое преуспевание.

Всякое попечение наше, о чем бы то ни было, для жизни тут останется, а молитва прилепится к душе и с нею пойдет за могилу.

Везде закрой глаза, затвори уста, заткни уши и, взяв себя за бороду, говори: будь как осел, будь малоумным, непонимающим: другого пути нет, кроме этого!

Имей непрестанную молитву Иисусову, держи неослабно и не бойся врага! Имей не-

престанную молитву Иисусову и внимание и с этим не бойся чаще причащаться святых Таин!

Однажды старец Паисий рассуждал с одним пришедшим монахом об Иисусовой молитве, что она у преуспевающих заменяет все молитвы.

...Совершали бдение по четкам...

Старца спросили, как стяжать непрестанную молитву, он отвечал, что нужно непрестанно нудить себя и без нужды не иметь свиданий. Церковное правило он правил общее по четкам. За келейный канон он пребывал в занятии умно-сердечной молитвы.

«Если отринешь скорби, — говорил старец, — посылаемые по попущению Божию, то настигнут большие. От скорбей одно убежище — терпение».

Искушения и скорби приводят человека к смирению. И не только новоначальные, но и совершенные имеют искушения ради смирения.

Исполнение правила церковного необходимо каждому, но все это одни листья, а нужно, чтобы дерево украсилось плодами, а плод рождает молитва Иисусова, которая производит слезы. Слезы есть плод.

...Прежде тебе сказал я только о вере в Бога, теперь послушай и о надежде на Бога: «Где ты будешь жить, не полагай надежды ни на кого смертного, ни на царя, ни на князя и на сына человеческого, в них же нет спасения, ни на патриарха, ни на архиерея, ни на купцов, ни на какого-либо человека, ибо всяк человек — ложь; не полагай надежду на богатство, ни на славу мира сего, ни на чины; богатство, как роса утренняя. Как роса иссыхает,

так и богатство исчезает, и всякая слава человека, как цвет травный, вечером цветет, а утром подкошен бывает и увядает, так и слава человеческая: сегодня хвалят, а завтра поносят и укоряют».

(По книге «Письма Святогорца»)

ТЕМА 6

ТРЕЗВЕННОЕ СОЗЕРЦАНИЕ

(Фрагменты из одноименной книги
неизвестного афонского исихаста)

По премудрому Домостроительству Божию открылась в наши дни эта книга, написанная нетварной энергией Святого Духа и рукой неведомого малограмотного, но освященного иеромонаха, потому что он сам, рассказывая нам о своем видении, между прочим повествует и о следующем. На просьбу иеромонаха явившемуся ему сладчайшему Иисусу: «Поскольку из этого я узнал, что написанное мною в смиренной сей книжке от Твоей благодати, прошу Тебя, позволь мне посвятить ее Тебе как Твою собственную, и сотвори с ней то, что пожелаешь» — Господь отвечает ему: «Не беспокойся об этом. Теперь спрячь ее. А когда я пожелаю, вышлю ее с этой горы».

И теперь, в эпоху, сильно зараженную грехами, Иисус, любящий души людей, явил ее как некое сильнейшее лекарство.

*Об умной и сердечной молитве и о том,
как эта умная и сердечная молитва
наголову разбивает демонов
и тут же их пожигает*

В книге говорится о сердечной молитве Иисусовой. Для того чтобы молитва вошла в сердце, оно должно быть подготовленным, ибо в неготовое, нечистое сердце Бог не вникнет. Подготовка сердца заключается во всегдашнем посте, уничижении тела, чрезмерном смирении.

Когда человек соберет свой ум и внимание в сердце и начнет с некоторым напряжением без участия гортани изводить молитву из глубин сердца, как сказано: «Из глубины возвах к Тебе, Господи, Господи, услыши глас мой», — тогда, так сокрушая сердце свое молитвой, человек приходит в себя. Он рассматривает свои помышления и воспоминания, бывшие у него прежде сокрушения сердца, произведенные молитвой, и находит, что все они были сетью, плевелами, жалом и изобретениями диавола. Ибо от сокрушения сердца рассеялись, подобно дыму, эти нечистые и гордые помышления, которыми он оправдывал себя из-за ничтожной причины великим и преуспевшим. Когда пропадет из его сердца и совершенно исчезнет это выдуманное самооправдание, тогда увидит он себя обнаженным от всякой добродетели, но и грешным и окаянным, подобно мытарю. Это же являет притча Христа, рассказывающая о фарисее и мытаре. Ибо в ком сердце не сокрушится молитвой, тот, подобно фарисею, оправдывает себя и считает себя праведным и святым. Но когда сокрушится стенанием молитвы серд-

це человека, тогда он и смирится, и, подобно мытарю, будет почитать себя недостойным.

И еще, доколе у человека сердце необрезанное и оправдывающееся, когда он входит в церковь, к нему не приходят ни умиление, ни истинное благоговение перед Богом и Божественным, ни небесная любовь. Он стоит в церкви только телом, как неплодное древо, которое должно быть посечено и ввержено в огонь. Но в том, чье сердце смирила и сокрушила напряженная молитва, как только войдет в церковь, сразу же бывает охвачен и окружен истинным и живым благоговением пред Богом и Божественным. От радости и благоговения текут и льются рекой из его очей теплейшие слезы, которые очищают его от всякого греха, как сказано: «Омыеши мя, и паче снега убелюся».

Вскоре за таким благоговением его посещает и окружает некая иная благодать. То есть вместе со слезами к нему приходит и некое иное Божественное утешение, которое чувственно не видно в нем, но хорошо видно умно. Он получает от благодати и некое извещение, что примирился с Богом, и говорит вместе с пророком: «Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренные». И чувствует он, что Господь простил ему его прегрешения.

*О том, как посредством умной молитвы
с умилением испытывать всякое видение,
всякий помысл, которые, как кажется,
от Бога или от демонов*

Пусть будет у тебя, смиренный, чтобы не потерпеть тебе вред от вопрошения неопытных людей, свое собственное, очень скрупулез-

ное испытание видений, которые иногда видит твоя душа и которые кажутся от Бога, но ты не ведаешь, поистине ли они от Бога или от демонов. Потому что у малых демонов в обычае, увидев тщеславного человека, показывать ему видения, якобы от Бога, чтобы легко увлечь его, ввергнуть в страшнейший лабиринт неисцельной прелести и своей разнообразнейшей злобы. Это произойдет с ним, если он примет эти видения, которые ему показывают как видения от Бога, не подвергая их строгому исследованию и веря вседушно и без рассуждения, что они даны Богом за его преуспеяние.

Но ты, возлюбленный мой, когда видишь подобное видение, не позволяй ему тут же и без всяких подозрений войти в твою душу и не принимай его в сердце с удовольствием и беззаботно, вседушно веря в то, что оно от Бога. Не принимай, доколе не подвергнешь его безошибочной и чистой проверке посредством умной молитвы с умилением или пока не представишь его некоему духоносному отцу, живущему в богоугодном делании, о котором ты знаешь, что он опытен в этом и может разрешить твое недоумение и освободить тебя от сомнений с помощью того опыта, который он приобрел и узнал благодаря своему деланию. Если ты не принимаешь сразу явившегося тебе видения, пока не испытаешь его в точности, знай, что если даже оно от Бога, то ты не совершаешь никакого греха, потому что боишься, как бы оно не было диавольским покусением или прелестью. Об этом говорит и блаженный апостол: *Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов.* Часто видения, которые представляются приходящими от Бога,

бывают от демонов. Так и некоторые люди снаружи кажутся святыми, а внутри хуже демонов. Обличая их коварство, Спаситель говорит: *Горевам, лицемеры*. Демоны поступают так для того, чтобы ты открыл им свободный и безпрепятственный вход в свой город, то есть в свою душу. И тогда, войдя в твою душу с этим коварством и став туда своей ногой, то есть удержав сначала за собой и пленив душевные намерения, потом с легкостью пленяют и телесные твои намерения. Тогда они тотчас снимают с себя обличие овец и показывают душе свой волчий образ и свирепость, стараясь осквернить и сердце своей скверной похотью. Так же они стараются ввергнуть тебя и в явно диавольские дела, которых, если бы видение было от Бога, ты никогда бы не сотворил.

Эта духовная проба, которой ты проверишь свои видения, пусть происходит следующим образом. Если в тот день, в который было тебе видение, ты находишься в духовном спокойствии и в великом покое от страстей, так же и спокойный твой помысл находится в крайней тишине от супротивных волн, которые всегда пытаются поколебать его, сердце пребывает в невозмутимом состоянии, и от каждого духовного слова всеумиляется в тот день самопроизвольно и легко, и приходит в особенное умиление, когда твоей мысли представляется явившееся тебе видение, если — говорю — это происходит с тобой и ты видишь себя в таком или подобном состоянии, знай, что явившееся тебе видение от Бога и более совершенно, в том не сомневайся. Если же после видения ничего из этого само собой с тобой не происходит, чем было бы явлено, что это видение от Бога, и

посему у тебя есть сомнения и подозрения, от Бога ли или от демонов это видение, тогда, возлюбленный, сделай следующую пробу.

Собери все внимание своего ума в глубине сердечной и молись оттуда, из глубины себя, умно произнося молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Ничего иного не говори и не позволяй своей мысли помышлять и исследовать или заниматься тем, что ты видел в видении. Если же мысль сама по себе уходит к явленному видению, воспрепятствуй этому и пригвозди ее к своей сердечной молитве, чтобы твоя молитва стала чистой пред Богом. И когда таким образом помолишься достаточно, с крайним благоговением пред Богом и смирением, тогда, если явившееся видение от Бога, в сердце своем ты почувствуешь некое духовное взыграние вместе с духовными слезами, и без твоей воли видение предстанет в твоей памяти. Одновременно с этим сладким, неизреченным, духовным и Божественным взыгранием сердца и одновременно с этими духовными и сладкими слезами ты почувствуешь, как становится тихим, успокаивается, утихает и умиряется всякое твое душевное и телесное расположение. Вместе с этим тихим расположением в тот день загорается великое пламя любви Господней. Воспламеняемый этой любовью, ты издаешь в тот день (когда от этой любви Господней внезапно очень сильно воспаляются твои внутренности) из глубины себя некий вопль к Богу, взывая к Нему великим гласом, подобно собакам, которые громко воют, когда теряют своего хозяина. Тогда, проливая слезы, ты говоришь Богу скорбным, жалостливым и умили-

тельным голосом: «Где Ты, Боже мой, Боже мой? Почему Ты не берешь меня к Себе поближе, туда, где Ты — сладкая моя Любовь? Разве Тебе не жалко меня, Боже мой, Боже мой, ведь внутренности мои воспламенились и стали подобны пламени, горящему неугасимым желанием твоей любви, которая возгорелась во мне, полыхая, как в печи? Никогда-никогда, Боже мой, не потухнет в моем сердце это горящее пламя, пока я далеко от Тебя, пока я нахожусь в долине плача этого мира. Господи, как прохлаждает жаждущего путника одно лишь воспоминание о прохладной воде, когда ее нет у него! Господи, она не доставляет ему прохлады, а распаляет жажду еще больше. Так и теперь, Господи, душа моя, сильно возжаждавшая Тебя, не получает прохлады от воспоминания Тебя и от Твоих видений, но ею овладевает бóльшая жажда, когда Ты, сладкий мой Иисусе, не берешь меня туда, где Ты — в прохладный источник, дарующий прохладу моей жаждущей душе.

Что бывает, Господи, с сыном, находящимся на дальней чужбине, любящим отца, мать, братьев и сестер, свою родину, когда он получает письмо от своих возлюбленных родителей и сродников по плоти? Неужели, Господи, он, читая письмо, не орошает его слезами? Неужели в тот день, когда он видит в этом письме сладчайшие имена своих родителей, братьев и сестер, не горит его утроба? Неужели он, вспоминая своих сродников, не воздыхает глубоко? Неужели он не взывает из сердца с печалью, помышляя о своих друзьях и о своей родине? И если это происходит с плотским человеком, Господи, то что же тогда бывает с человеком

духовным, когда Ты, небесный Бог и Отец наш, как будто некими письмами посещаешь нашу нищую и жалкую жизнь на чужбине благодатью Своих созерцаний и видений? Потому что как только благодать этих Божественных явлений некоторым неизреченным образом запечатлется на сердце какого-либо Твоего раба, Господи, тотчас она зажигает его сердце желанием, привязанностью и эросом Твоей любви. Когда он в тот день возведет свои умные очи к Тебе, сладчайшему своему Богу и небесному Отцу, веки служащего Тебе обжигаются теплыми слезами Твоего желания.

Но, Господи, Господи, призирая, призри свыше с небес из святого жилища неизреченной Твоей славы и посмотри на лицо смиренного моего сердца, как оно, уязвившись сладкой для меня стрелой духовного и Божественного эроса Твоей золотой любви, от великого умиления растаяло, как воск от теплоты, с того часа, когда в нем явилось Твое Божественное видение, данное ему как некое небесное письмо. Как только моя мысль развернула и прочла в душе это письмо, тотчас прилепилась к Тебе смиренная моя душа. Она возжаждала Тебя жаждой, подобной жажде, которой возжаждала душа кротчайшего Давида, священного Твоего пророка. Ибо этот божественный Давид, пророк Твой, Господи, душа которого так возжаждала Тебя благодаря Божественным Твоим явлениям, видениям, созерцаниям и откровениям, которые Ты даровал ему по временам и в различных случаях, никогда не мог, пока жил в этом мире, утолить своей жажды по Тебе, доколе не пришел к Тебе и не стал пить прохладную и охлаждающую воду Твоего сладкого

причастия и наслаждения. Посему, рыкая как лев из глубины своей души, он просил явиться лицом к лицу Тебе — живому Владыке и Богу его, ибо говорил, Господи: *Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже. Возжада душа моя к Богу Крепкому Живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 2—3).

Испытывая то же самое, Господи, душа моя тает теперь от жажды по Тебе. И эта жажда, как я вижу, постепенно пожжет все мои внутренности и не покинет меня, доколе не придет ко мне тот благословенный час отшествия моего из этого мира и пока не приду я к Тебе — моему сладчайшему Владыке и Богу.

О, как желал бы я, Господи, если Ты меня любишь (в чем я убежден), чтобы произошло это со мною одним часом раньше, дабы скорее утолила в Тебе свою жажду душа моя. Аминь! Буди! Буди!

Из этих знамений, а также из знамений подобных и сродных этим, ты понимаешь, возлюбленный, и узнаешь, от Бога ли было твое видение. Если, возлюбленный, ничего такого с тобой не произошло, несмотря на твою частую об этом молитву к Богу из глубины сердца, несмотря на то, что ты излил пред Господней благостью все свое моление и все свое смирение, знай, что видение твое от демонов. Потому что в их видениях не содержится ничего того, о чем мы говорили выше. Когда видение твое от демонов, происходят противоположные вещи. Послушай же о том, что происходит.

Бог весь благ, весь человеколюбив, милостив, милосерд, долготерпелив, чист и весь чистая Любовь. Будучи таким, Он любит, когда

ты подражаешь Его качествам. То есть Бог любит, когда ты становишься добрым, человеколюбивым, милостивым, милосердным, терпеливым, чистым в самом себе и имеешь чистую любовь к ближнему. А диавол — весь злоба и лукавство. И, будучи таковым, он хочет, чтобы ему подражали в злобе и лукавстве.

Если после явившегося тебе видения ты, возлюбленный, видишь, что душа твоя все больше радуется вышеперечисленным свойствам Бога, а сердце твое в крайней тишине твоего внутреннего человека умиляется от этих качеств Божиих, знай, что видение твое от Бога. И поскольку оно от Бога, то радуется твой дух свойствам Бога и приходит к тебе небесное желание подражать по силе своему небесному Богу и Отцу в Его качествах. Ибо тогда тебе нравится делать то, чему радуется и чего желает твой небесный Бог и Отец.

Если же после явившегося тебе видения не радуется свойствам Бога твоя душа, и не умиляется от них сердце, и не приходит к тебе духовное желание подражать по силе своему небесному Богу и Отцу в Его свойствах, знай, что видение твое от демонов. И когда, если твое видение прелестное, ты с большой точностью исследуешь глубины своего душевного и телесного расположения и взвесишь их, как на весах, ты увидишь, что тайно, сокровенно, очень прикровенно твое расположение склоняется к диавольским качествам и его похотениям. И все желание демона прелести заключается в том, чтобы потихоньку привести тебя к ним незаметно для тебя самого. По пословице, человек, дающий тебе воду, поливает и солому, а ты и не замечаешь того, что солома намокает. То же са-

мое произойдет и с тобой, смиренный, если ты не будешь чрезвычайно внимательным.

Так же, возлюбленный, тщательно проверяй при помощи умилительной молитвы всякий помысел, который приходит к тебе справа будто от Бога, но о котором ты с достоверностью не знаешь, от Бога ли он или от диавола. Даже тогда, когда помысел посещает тебя справа от Бога, чем больше ты трешь его болью твоей сердечной молитвы, тем больше он сверкает в тебе, подобно жемчужине. И чем больше ты жжешь его своей продолжительнейшей и более умилительной молитвой, которую ты из глубины себя совершаешь ко Христу, чтобы стереть его в себе, тем больше он от твоей молитвы просвещается и сияет в твоём сердце. То же самое происходит и с чистым золотом. Чем больше его натирает и плавит ювелир, тем больше оно сверкает. Если же этот помысел, пришедший справа, от демонов, то, как только он опалится пламенем твоей сердечной и сокрушенной молитвы, тотчас ты увидишь, как он покинет тебя совершенно. Если же он не сразу покинет тебя, то сила его уменьшится и постепенно он сам исчезнет навсегда.

Посему и преподобные отцы, когда их обуревал помысел справа, испытывали его священной молитвой, которая, если помысел сей был от Бога, укрепляла его, а если от диавола, уничтожала его тут же. Если же, наконец, помысел этот был от могущественного демона и не стирался в тот же час, то все же постепенно уничтожался в сердце священной сердечной молитвой.

Итак, когда ты, возлюбленный, непрестанно молишься в глубинах себя этой сердечной

молитвой с умилением, ты не только не боишься демонов, ополчающихся на тебя со стороны греха тысячу раз, но не страшишься и когда эти демоны коварством нападают на твою душу со стороны добродетели десять тысяч раз, желая с большей легкостью с этой стороны увлечь тебя в свои сети. Тогда (когда ты непрестанно совершаешь умную молитву в сокровенности своего сердца) имя Христово находится в тебе и не допускает, чтобы коснулось твоего сердца или приблизилось к твоей душе какое-либо демонское лукавство. Посему говорит и пророк: *Падет от страны твоя тысяща, и тьма одесную тебе, к тебе же не приблизится* (Пс. 90, 7). Богу же нашему слава, держава, хвала и великолепие ныне и присно и во веки веков. Аминь.

*О сокрушении сердца,
которое бичует демонов сильнее любого
тягчайшего наказания, быстро пожигая,
как хворост, все их хитросплетения*

1. Сокруши, о монах, сердце свое молитвой, чтобы в нем сила сатаны была сокрушена совершенно.

2. При каждой сердечной молитве стенай и горько воздыхай из глубины себя, чтобы спастись от сетей и от ловушек дьявольских.

3. Возопий к Богу из центра своего сердца, чтобы вопль твой достиг слуха Господа Савофа.

4. Возопий ко Христу безгласным воплем своего сердца, дабы Он молнией Своего Божества осудил обижающих тебя демонов и поборол борющихся тебя дьяволов (см.: Пс. 34, 1).

5. Поскольку дьявол всегда борется с то-

бой и искушает тебя, то и ты стеной всегда ко Христу, чтобы помощь Его пришла к тебе как можно быстрее.

6. Сокрушением сердца всегда противоборствуй с силой лживому сатане, дабы сокрушилась его лукавая глава.

7. Как человек боится взяться рукой за раскаленное и искрящееся железо, так и диавол боится сокращения сердца. Ибо сокращение сердца наголову сокрушает его лукавство.

8. Как только сердце, находящееся в покое и не имеющее сокращения, заметит в себе дьявольское мечтание, оно тотчас принимает его, и мысль, заложенная в этом мечтании, оставляет в нем глубокий след. В сердце же сокращенном нет места никаким мечтаниям.

9. Где есть сокращение сердца, оттуда бежит всякое демонское лукавство, там опаляется всякое демоническое действие.

10. Сокращение сердца смиряет возношение денницы и возвышает к небесам того, кто им обладает.

11. Потому, возлюбленный, всегдашним сокращением сердца сокруши возношение денницы, чтобы душа твоя увенчалась от Господа Вседержителя.

12. Ибо, как только сокрушится твое сердце, тотчас исчезнет в тебе злоба демонов и в душе твоей воссияет луч правды Божией.

13. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы увидеть душу свою, облеченную в силу Вышнего, без всякого страха, подобно Ангелу Господню, бросающегося на диавола.

14. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы сокрушился в твоём сердце грех.

15. От сокрушенного сердца убегает не только демон, но от лица сердца, сокрушенного молитвой, быстрее молнии убегает даже сам сатана — первый среди демонов.

16. Как человек не осмеливается войти в раскаленную печь, так и диавол не осмеливается войти в сердце, раскаленное молитвой с понуждением.

17. Как невозможно сосчитать движения крыльев летящей пчелы, так невозможно сосчитать и помыслить стремительнейшего топота сатаны, убегającego от лица сокрушенного молитвой сердца.

18. Как страж на стене боится славного и мужественного воина, так и демон боится того, кто всегда молитвой сокрушает свое сердце.

19. Но если все же демон пожелает приблизиться, чтобы хоть обманом добиться своего, то прежде приготавливается к бегству, дабы быть в состоянии спасти хотя бы самого себя от пожигающей молнии сокрушенного молитвой сердца.

20. Ибо как только он увидит, что человек начал молитвой сокрушать свое сердце, не продолжает более своей прогулки и не рассматривает с любопытством сокрушения сердца, то тотчас разбивается в лепешку, убегая от лица человека.

21. Как оратор, когда его окружит огонь, в тот час уже не витийствует об огне, но старается спастись от пожара, так и демон, увидев сердце, распаленное молитвой, уже не смотрит на его состояние, но сам старается спастись от раскаленного сердца.

22. Заяц, когда его преследует собака, надеется спастись благодаря быстроте своих ног.

Но когда его преследует гончая, несмотря на то, что и он бежит так быстро, как только может, все же становится добычей гончей. Так и демон. Когда с ним борется какая-нибудь иная добродетель, он надеется избежать бича пламенного меча. Но когда его преследует пламенный меч сокрушенной молитвы, он убежден в том, что молния этой молитвы настигнет его очень быстро и расточит при аде кости его злобы.

23. Воробьи не так боятся нападения орла, как боятся демоны нападения сокрушенного молитвой сердца.

24. Когда известняк попадает в огонь, он поглощается огнем медленнее, чем вся злоба демонов поглощается и подавляется сокрушением сердца.

25. Увидел диавол сердце, уязвленное сокрушением молитвы, тотчас он вспомнил о язвах Христа, которые Тот претерпел ради человека, и потому затрепетал и устрасился.

26. Потому сокруши, возлюбленный, диавола сокрушением сердца, чтобы победителем войти в радость Господа твоего.

27. Разбей свое сердце молитвой, чтобы прельщающий тебя сатана был разбит на безчисленные обломки.

28. Сокруши свое сердце молитвой, чтобы покинул тебя тот, кто ждет удобного времени, дабы захватить тебя в сеть сладострастия.

29. Не бойся сокрушения своего сердца, дабы тебя боялись демоны. Иной раз демоны не боятся добродетельного человека так, как боятся его тогда, когда он сокрушает свое сердце молитвой.

30. Как змея больше всего боится кошачьих когтей, так и сатана более других добродетелей боится сокрушения сердца.

31. Для змеи ядовитыми являются кошачьи когти, а для души человека в семь раз ядовитее когти дьявола. Однако для самого дьявола сокрушение сердца в семьдесят семь раз ядовитее его собственных когтей.

32. Как только услышит сатана скорбные вздыхания, исходящие из глубины сердца, тотчас обращается в бегство, потому что чувствует, что недалеко находится сокрушенное молитвой сердце, а стало быть, Сам Христос.

33. Где есть сердечное сокрушение, недалеко оттуда находится и Господь. Посему пророк говорит: *Близ Господь сокрушенных сердцем.*

34. Как только услышит волк лай собак, тотчас убегает, потому что понимает, что рядом находится пастух и сторож овец.

35. Как только услышат мыши голос кота, тотчас затихают в своих дырах и норах, прекращая свое тайное воровство.

36. Как только услышат дьявольские колонны скорбные вздыхания сердца, тотчас прибирают свою злобу и затихают.

37. Как только услышат демоны чьи-либо вздыхания из середины сердца, тотчас исчезают, страшась Господней мести.

38. Когда вор слышит рядом ружейные выстрелы, тогда не пытается уже красть что-либо, но стремится, убежав или спрятавшись, спасти свою душу.

39. Когда сатана услышит, как кто-либо рыкает от стенания сердца, по пророку, проливая потоки слез в поисках своего Творца, то уже не высматривает, чего бы ему украсть из

души того человека, то есть какой бы страстью сразиться с ней, но старается спастись сам.

40. Потому сокруши, о монах, молитвой свое сердце, чтобы сокрушились престол и возношение сатаны.

41. Сокруши молитвой свое сердце, чтобы затрепетал сатана, увидев тебя совершенным и облеченным во всеоружие воином Христовым.

42. Сокрушая, сокруши свое сердце молитвой, чтобы смирить под свои ноги гордого и высокомерного сатану.

43. Как только диавол услышит голос, охрипший от сокрушения сердца, тотчас от страха упраздняется его сила и от скорби погасает пламя его злобы.

44. Как только увидел сатана потоки слез на лице человека, имеющего сокрушенное сердце, тотчас был как бы ошпарен кипятком.

45. Ты харкаешь кровью от чрезвычайного понуждения своей сердечной молитвы? Знай, что ты бросил негашеную известь в центр ада.

46. Если ты воздохнул из глубины себя, то пронзил стрелой око денницы.

47. Если ты помянул своего Творца Иисуса и от радости прослезился, то на голову денницы ты пролил кипяток.

48. Если ты призвал своего Владыку Христа, то разозлил диавола.

49. Ты узрел икону Христа и Божией Матери, и возрадовалась твоя душа? Безчисленные помыслы овладевают сатаной и окружают денницу.

50. Если ты из глубины призвал сладчайшее имя Христа и Пречистой Божией Матери, то погрузил в преисподнюю своего невидимого врага.

51. Если твое сердце заболело от молитвы, то у сатаны заболело чрево.

52. Если твоя сила умерщвлена напряженной молитвой, то обессилел и сатана.

53. Если ты, терпя, потерпел в сердечной молитве, то душа твоя узрела славу Господню как славу Божественную.

54. Если ты сокрушил свое сердце молитвой, то душа твоя насладилась Божественным эросом, а сердце почувствовало неизреченную сладость твоего Создателя Христа.

55. Если ты, сокрушив молитвой свое сердце, заснешь, то во сне узришь Божественное и утешительное видение.

56. Ты сокрушил свое сердце молитвой до боли? И вот потоки слез тут же появились в твоих глазах.

57. Сердце твое заболело от понуждения молитвы? Вот ты ощутил Божественную благодать и покров.

58. Напряженная молитва произвела в твоём сердце боль и порезы? Вот своими душевными очами ты вскоре узрел Божественное видение.

59. Если от боли сокрушенного сердца ты уже отчаялся в своей жизни, то тебе открылось одно из сокровенных Божиих таинств.

60. Если ты испытал скорбь от горькой боли сокрушенного сердца, то действительно твоя душа, благодаря Господу Вседержителю, вкусила чувство Его сладчайшего Царства.

61. Если понуждением молитвы ты погубил свое сердце, то спас свою душу, приобретя рай.

62. Если ты дал кровь своего сердца, то получил в душе своей Святой Дух.

63. Если ты, молясь сердцем, вспотел от

утеснения, то помянул пот Христов, который при Его молитве был подобен каплям крови и падал на землю.

64. Если ты сокрушил молитвой свое сердце, то вознес рог души своей, сокрушив рога денницы.

65. Если от понуждения молитвы твоей грудью овладел сухой кашель, то закашлялся и сатана, утесненный твоим утеснением.

66. Если от безмерного понуждения сердечной молитвы сорвался твой голос, то душа твоя запела небесную, непостижимую и сладчайшую песнь.

67. Если по причине сердечного сокрушения у тебя пропал голос, неожиданно ты услышал пение Ангелов, сладостно воспевающих своего Создателя Иисуса.

68. Если ты помолился Христу из глубины своего сердца, то сатана, будучи не в силах слушать тебя, заткнул свои уши.

69. Если ты воздохнул из глубины себя, то сатана от страха потерял рассудок.

70. Если ты возопил к Богу против своего врага, то приготовил ужасный гром для лъстивого сатаны.

71. Если в твоём сердце пропало сокрушение, то плоть восстала на душу. Если же ты сокрушил молитвой свое сердце, то душа противостала плоти.

72. Если ты сокрушил сердце свое молитвой, то душа твоя прогневалась на диавола, закрывшись для греха.

73. Увидев сокрушенное сердце, денница тотчас устрасилась, потому что от этого поколебалась его сила.

74. Если твое сердце сокрушилось молит-

вой, то порадовался о твоей душе Дух Господень и огорчилось воинство денницы.

75. Как только ты сокрушил молитвой свое сердце, тут же зажглась в нем теплота добродетели и, как следствие, желание Господа.

76. Сокрушая, сокруши, о смиренный, молитвой свое сердце, чтобы Духом Господним обновилась твоя утроба. *И дух прав обнови во утробе моей*, — говорит пророк.

77. Сокрушая, сокруши и смири молитвой, о возлюбленный, свое вознесшееся сердце, чтобы душа твоя была возлюблена твоим Создателем Иисусом, Который поистине кроток и смирен сердцем.

78. Сокруши молитвой, о монах, свое сердце, дабы посмеяться над диаволом — начальником злобы, сделав его стрелы стрелами младенца.

79. Потому что для того, кто молитвой сокрушает свое сердце, сатана подобен муравью, и он не боится его. Для того же, кто не сокрушает сердце, сатана подобен льву, и он всегда его боится.

80. Если ты с понуждением сокрушаешь молитвой свое сердце, то неожиданно чувствуешь покой не только в душе, но и в теле, потому что во многом сокрушении сердца всегда сияет звезда безстрастия и чистоты.

81. Потому, возлюбленный, сокруши молитвой свое сердце, чтобы душа твоя беседовала с Ангелами Божиими, что поистине дело блаженное, желанное, но, по всему, обретаемое и достигаемое с трудом.

82. Сокрушая, сокруши молитвой, о смиренный, свое сердце, чтобы стяжать чистоту тела и трезвение мысли, которые являются

двумя крыльями твоей души, при помощи которых она свободно воспаряет к небу.

83. О ничтожный монах, всегда сокрушай молитвой свое сердце, чтобы были просвещены очи ума, которыми ты узришь незримый рай так явно, как явно видишь телесными очами чувственные предметы.

84. Собери, о монах, свой ум в глубине себя, там, где находится престол твоего сердца. И когда, как некоего охранника, тыставишь его к престолу сердца, твори молитву из глубины себя, доколе от благодати этой молитвы ум не усладится сладостью неизреченной. И тогда ты увидишь, как он невещественно воспарит ввысь на небеса, к Богу, туда, где находится его истинное упокоение.

*О том, какой духовной благодати
сподобляется в душе и какую силу
на диавола и помощь получает
тот человек, который молится ко Христу
умно и непрестанно, с чистой совестью,
то есть говорит своим умом:
«Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,
помилуй мя грешного»*

Желаешь ли ты, о монах (ибо настоящая книга написана более для тебя, распятого миру, — согласно словам: *для меня мир распят, и я для мира*, — чем для мирянина), вкушать в себе благодати Господней. То есть желаешь ли ты, чтобы благодать и сладость Господни потекли в твоей душе и усладились ими душа твоя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из глубины своего сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы сердце твое вкусило нектар Господень еще в этой жизни? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из глубины своего сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, посредством Божественного откровения, как в зеркале, увидеть красоту и Божественное благородство своей души? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы просветились очи твоего ума, а лучше сказать, чтобы открылись очи твоей души, которыми ты увидишь то, чего не видело око? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, услышать то, чего не слышало ухо? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постигнуть те неизреченные, небесные и непостижимые предметы небесного Царства, которые обещал нам Христос во святом Своем Евангелии? Желаешь ли ты на деле хотя бы в малой доле постигнуть, что это такое? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы в душу твою вселился Христос и показал тебе то, чего не ведает видимый мир? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы тебя возлюбил Вседержитель Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, приять в себе

чувство будущих благ? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать возлюбленным другом своего Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы сатана при виде тебя боялся тебя и трепетал пред тобою? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, не попасть в скрытые и высокие сети диавола? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, соделать лукавство своего врага сатаны несвоевременным и бесполезным? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, всегда обманывать того, кто всегда старается обмануть тебя своим лукавством? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, возрадоваться, видя отмщение своему врагу, который некогда ранил твое сердце своими мерзкими стрелами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, каждый час пронзать того, кто каждый час пронзает тебя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, поражать стрелою своего лютого врага, который из преисподней невидимо поражает тебя стрелою? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, сильно поколебать и сотрясти сатанинскую силу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, атаковать сатанинские полчища и на вечное свое поминовение одержать преславные победы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы душа твоя побеждала и праздновала победу над боевыми порядками всех лукавых духов? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, не только по наружности казаться для диавола страшным и весьма ужасным, но и быть таким на самом деле? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демон блуда, убегая от тебя, был разрублен на куски? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходя между демонов, ослеплять их глаза так, как ослепляют глаза своих врагов красным перцем, и, таким образом, оставаться целым и невредимым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, посмеиваться хитросплетениям диавола и попирать его лукавство, словно уличную глину? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны боялись тебя так, как воробьи боятся орла, а четвероногие — льва? Умно и непрестанно

но молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, разбить наголову умопостигаемого, невидимого и лукавого Амалика, то есть дьявола, и уничтожить его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стяжать в своем сердце Христа и увидеть Его, насколько это возможно для тебя, посредством некоего Божественного исступления и созерцания? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы живущий в тебе Христос, Единородный Сын и Слово Божие, в Котором ты поучаешься непрерывно, открыл тебе Своего небесного Отца и Бога, дабы ты таинственно постиг Его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постичь, что Христос благ, кроток, терпелив и сладок для Своих друзей? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, постичь, что такое Царство Христово? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы ум твой закружился и изумилась твоя мысль тому, что они увидят по благодати Христа, истинного Бога нашего? То есть желаешь ли ты, о монах, изумляться и восхищаться тому, что откроет тебе Христос? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть то, какую умопостигаемую благодать дает Христос

Своим рабам? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, находясь в мире, в сердце сражаться с миром так, чтобы не знали люди того, как ты воюешь с ним? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, телом находиться на земле вместе с людьми, а душою вместе с Ангелами Божиими водворяться на небе, то есть, подобно Ангелам, славословить Его непрестанно? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, зреть долу, помышлять же о горнем? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходить посреди сетей диавола и не попадать в них, подобно птице, которая парит в воздухе выше силков, простираемых тобой на земле? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, одурманивать мозги и рассудок демонов, как дым одурманивает пчел? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, соделать для своего невидимого врага страшную и неожиданную засаду? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, расточить при аде (см.: Пс. 140, 7) всякое демонское действие и соделать, чтобы диаволы, невидимо бичуемые силой твоей молитвы, визжали, подобно заколаемым свиньям? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Дух Божий вселился в твоём сердце и упокоился в нём, дабы при Его помощи корабль твоей души отправился в счастливое и безопасное плавание? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, быть, согласно своему обету, истинным рабом Христовым и чтобы Христос, как истинный твой друг, утешал тебя среди искушений? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, то, что ты слышишь из Священного Писания о рае и аде, уразуметь посредством Божественного откровения? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, как человек, если сохранит то, что заповедует нам Христос, станет умопостигаемым раем, а если не сохранит — умопостигаемой мукой? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть себя там, где находится то, о чем написано в Священном Писании, и неизъяснимым образом уразуметь то, чего посредством пера, по причине недоступной для ума высоты, не могли нам передать учителя Церкви? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть, принял ли ты в свою душу Святого Духа, и узнать, записано ли твоё имя в книге жизни? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Христос распялся в твоём сердце и научил, чтобы ты

распинался для мира и мир для тебя, согласно божественному Павлу, который говорит: *Для меня миф распят, и я для мира?* Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы благодать Господня хранила тебя *от всякой вещи, во тьме преходящая*, и чтобы белые, как снег, небесные Ангелы невидимо сопровождали тебя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, услышать слухом души небесные славословия и уразуметь некоторым образом на деле, однако отчасти, то, как будешь славословить ты своего небесного Творца, когда сподобишься Его Царства? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, уразуметь, что такое небесная манна, то есть неизреченный и сладчайший вкус Христа, Господа славы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, уразуметь то, как святые сияют на небе и каковы их одеяния? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, каковы умопостигаемые селения святых Божиих и как святые насыщаются славой Господней? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, сам стать умопостигаемым раем Господним, то есть во мгновение ока неизъяснимым образом увидеть в своей душе райские блага? То есть желаешь ли ты,

о монах, стать храмом Бога Живого и уразуметь то, как ты стал им поистине? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, в откровении Божиим увидеть, какова душа человека сама по себе, и прийти в изумление, удивляясь премудрости Бога, которую Он показал в этой душе? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы из твоего сердца, как из некоего источника, истекали реки воды живой, Божественные изречения и духовные мысли? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять, что душа твоя испила от этой живой воды, которой Христос напояет тех, кто любит Его и сохраняет Его заповеди, для обручения Его Божественному Царству? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы слова Священного Писания и твоей гортани, и твоему языку показались слаще меда, согласно пророческому слову: *Коль сладка гортани моему слова Твоя: паче меда устом моим?* Непрерывно, умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, наслаждаться благодатью Господней, чтобы твоя душа вкушала благодать, которая заключена в святых Христовых заповедях? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать избранным сосудом благодати Христовой, то есть сосудом Святого Духа, и уразуметь, что ты поистине

стал таковым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, стать матерью и братом Христа, Который говорит: *Матерь Моя и братья Мои суть слушающие слово Божие и исполняющие его?* То есть желаешь ли ты, о монах, чтобы в твоём сердце вселился Христос, не телесным образом, но духовным, и чтобы ты стал как бы матерью и братом Христовым? Желаешь ли ты все же, о монах, постигнуть то, как ты стал матерью и братом Христовым? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, быть поистине монахом согласно своему имени? Люби от сердца только Христа. Мы говорим: молись всегда от сердца своему Христу.

Желаешь ли ты, о монах, войти в сокровищницу Христову, где находится то, что невыразимо для человеческого слова, и увидеть там то, от чего недоумевает всяк язык, желающий поведать о том? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Христос явил тебе таинства Своего Божественного Царства, от которых затмевается всякий ум, желающий помыслить о них? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы везде присутствующий Христос, истинный Бог наш, в Котором ты поучаешься непрестанно, неизреченно утешал тебя во всякой скорби и чтобы тихо и благожелательно посещала тебя благодать Его? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, понять на деле, что само духовное делание умной и сердечной молитвы есть венец всех добродетелей и самая мощная «сила в твоей душе и что без нее никто не сподобляется увидеть невидимые и духовные вещи? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы рассеялся у тебя, как дым, всякий лукавый помысел и движением твоего духовного делания обратились в бегство целые демонские полки? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны сражались с тобой более, нежели со всеми другими людьми, но совершенно не могли тебя одолеть и чтобы их стрелы пред твоим Божественным деланием вменились в стрелы младенца? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, разрушить сатанинские козни, подобно паутине, и посмеяться, как над рабами, над слугами сатаны, то есть демонами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обезсилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, ослабить силу тех, кто всегда усердно трудится, чтобы ослабить силу твоей души, и постыдить тех, кто старается, чтобы ты был постыжен пред всем небесным, земным и преисподним творением? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны при встрече с тобой прятались от тебя, доколе ты не пройдешь, страшась обитающей в тебе

благодати Господней? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, когдаходишь внезапно и неожиданно в середину сатанинского скопища, где собраны владыки демонов, так сильно бить их жезлом имени Господня, чтобы эти владыки демонов не могли молча терпеть сильную боль и сотворили великий плач и безмерный вопль, рыдая о своем бедствии? Желаешь ли ты, говорю, чтобы это неизбежно происходило с демонами, твоими врагами? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, проходя чрез демонскую стражу (то есть там, где демоны одерживают легкие победы и устанавливают свои многочисленные трофеи), установить там свои трофеи и символы светлых побед? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обезсилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, рассечь (понимай это духовно) на мельчайшие части своих невидимых и незаметных врагов очень острым, обоюдоострым мечом, которым является имя Божие? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, выпустить свои духовные стрелы в сердце денницы и низвергнуть страшные молнии на полки окаянного ада? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, жгучим огнем зажечь дьявольские жилища, которые от гнева Господня вспыхивают подобно хворосту? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обезсилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы демоны боялись тебя, как мужественного и именитого воина небесного Царя? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, своей молитвой исторгнуть из недр ада мучимую душу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы из твоих очей проливались ради Христа слезы, а твоя утроба горела любовью Христовой и по этой причине ты бы, по слову пророка, который говорит: *рыках от воздыхания сердца моего*, — рыкал от сердца к Самому Христу? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обезсилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы радостно-творная печаль никогда не покидала твоего сердца, а душеспасительные слезы — твоих очей? Те душеспасительные слезы, которые паче снега убеляют твою душу. Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы, где бы ты ни находился и где бы ни жил, твой помысел всегда пребывал в мире относительно душевных твоих движений, а совесть не обличала бы тебя за твою молитву? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Бог всегда помнил о тебе и охранял тебя невидимым ополчением своих святых Ангелов? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли и пока не обезсилеешь.

Желаешь ли ты, о монах, из состояния тьмы, то есть когда душа твоя далека от Божи-

его утешения, тотчас стать светом, то есть сразу же, без промедления, увидеть в себе утешение Божие? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы твоя мысль вращалась в невидимом, Божественном небесном и духовном? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы не тело твое чувственным образом, но душа в исступлении пела «Христос воскресе» в знак того, что благодатью Христа, воскресшего из мертвых, воскресла твоя душа от гроба страстей, то есть при помощи Господа твоя душа стала безстрастной?

Желаешь ли ты, о монах, увидеть это в себе? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, беседовать с невидимыми духами не только всегда мысленно и втайне, но иногда беседовать с невидимыми духами и духовно, то есть чтобы душа твоя иногда беседовала с невидимыми духами так, как сами невидимые духи беседуют между собой? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть своими умными очами благодать Божию, подобную молнии, блеснувшей в твоей душе? Увидеть ее так, как телесными очами ты видишь вещественную молнию, блистающую в облаках? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы дух твой был утешен Духом Божиим и чтобы никакая — ни чувственная, ни видимая, ни невидимая —

тварь не могла отлучить тебя от твоего Христа? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть, как прекрасен Христос, *Который красен добротою паче всех сынов человеческих?* Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, увидеть непостижимую Божественную красоту Богородицы, Матери Иисуса — Вседержителя Бога? Молись из сердца, доколе оно не сокрушится, то есть до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы Иисус взирал на тебя любящим оком, чтобы любила тебя Мать Иисусова и утешала тебя Их благодать? Сердцем сокрушенный молись ко Христу своему, то есть молись из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы неизъяснимым образом тебе явился Христос и чтобы явилась тебе Мать Божия, Владычица Ангелов, Царица Архангелов, радость всех святых, благолепие, украшение и благоухание рая? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы душа твоя была привлечена прекрасным видением Иисуса и Всенепорочной Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, Богоотроковицы и Невесты невестной? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли.

Желаешь ли ты, о монах, чтобы при взоре на святую икону Христа и Божией Матери очи твои проливали теплейшие слезы? Умно и непрестанно молись ко Христу своему из сердца до боли. Аминь.

*О том, как можно достичь высшего
и совершеннейшего образа умной молитвы
и как можно изгнать из себя демонов
страха, которые сильно устрашают
подвижника в ночное время, когда он
пожелает помолиться или когда пожелает
пойти один в полночь в какую-либо пещеру
или в какую-либо пустынь,
чтобы предстоять Богу в тишине*

Истинный деятель умной молитвы! Если ты желаешь достичь истинных и высоких степеней, послушай со вниманием то, что я скажу тебе. Иногда в ночное время ходи один в места непроходимые, в места дикие, в места страшные, в места мрачные, в такие места, которые, как ты чувствуешь, являются гнездилищем и обиталищем демонов. Но прежде, чем ты пойдешь туда, приготовься к такой дороге и к такому поступку.

Совість твоя да будет спокойной и мирной и да не осуждает тебя за какой-либо тайный проступок. Поисповедайся, причастись Владычных Тела и Крови. Короче говоря, будь во всеоружии Святого Духа. И когда ты двинешься в этот путь и один пойдешь глубокой ночью, часто-часто запечатлевай себя знаменiem Честного и Всесильного Креста, помышляя, что идешь (как и есть на самом деле) на великую войну, на такую войну, что более не узришь солнечного света, но умрешь в эту ночь, сражаясь с дикими и немилостивыми демонами страха. Ты либо победишь их непобедимой силой имени Господня, изгонишь их из их жилища и вернешься, таким образом, победителем, либо умрешь на этой умопости-

гаемой войне, чтобы не вернуться побежденным.

Возлюбленный, когда ты подготовишься так, иди на эту умопостигаемую войну с такой мыслью. Когда ты будешь находиться в пути, демоны почувствуют, что ты идешь против них, дабы сразиться с ними именем Господним, и незримо встретят тебя своим обычным лукавством. Сначала они невидимо напугают тебя и наведут на тебя такой страх, что польется с тебя холодный пот. Начнут дрожать члены твоего тела от сильнейшего ужаса, в который они ввергнут тебя, дабы обратить тебя в бегство. Если же ты, обуреваемый таким образом, вступишь ни во что их ухищрения, тогда лукавые изменят свою свирепость и устрашение на лесть и обман, чтоб хотя бы так повернуть тебя вспять. Они, коварные, предложат твоему уму как бы советы, говоря: «О человек Божий, мы видим, что ты очень прост и, не понимая своей выгоды, идешь теперь глубокой ночью в такое место, не жалея своей жизни и не страшись того, что можешь умереть в этот час и за свою неготовность попасть в геенну. Или ты не знаешь, кто мы такие, и идешь против нас? Итак, послушай нас, Божий человек, и обратись вспять побыстрее, пока мы не разгневались на тебя и пока ты не испытал на деле нашей великой силы. Безмолвствуй в своей келии, подвижайся там, чтобы благоугодить Богу, совершая добродетели. И знай, что если умрешь здесь и сейчас, сражаясь с нами, тебя сожрут дикие звери и ты не удостоишься ни погребения, ни отпевания».

Вот что они будут предлагать тебе после запугивания и устрашения, побуждая тебя яко-

бы к лучшему преуспеванию и более безопасному поведению. Но ты, возлюбленный раб Господень, совершенно не слушай ни их советов, ни их «доброжелательности», потому что написано: *Елей же грешного да не намастит главы моя*. Посему, слыша это, часто крестись, непрестанно произнося втайне: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Затворив свои уста, иди против них как глухой и немой. Потому что если ты их слушаешь с первого же раза и обратишься в бегство, знай, что подвергнешься великой опасности. Как только ты побежишь, демоны представят тебе в уме, что они преследуют тебя, как безчисленные разбойники с обнаженными мечами, или бросаются на тебя, как дикие и свирепые животные, чтобы поглотить тебя живьем и целиком. Посему это двойная опасность: и телесная и душевная. Это опасно для тела, потому что, быстро убегая, из-за страха или по действию демонов, которые устрашают и преследуют тебя, или по причине ночной тьмы и слепоты твоего испуганного сердца и разума, ты можешь споткнуться, упасть и повредить какой-нибудь телесный член. Для души же опасно это потому, что по причине твоего бегства демоны возымеют над тобой силу, ты не сможешь им противостоять: они войдут в тебя, и ты лишишься ума, вследствие чего будешь бояться даже своей тени. Поэтому, о воин Христов, выйдя на это умопостигаемое и невидимое сражение, трезвься и будь внимателен, насколько это возможно, чтобы коварные демоны не уловили тебя в свои сети никакой лукавой выдумкой.

Когда же ты пойдешь против них и тебя встретят такие прилоги, утверди сначала свое

сердце в памяти Божией, веря вседушно, что Бог будет невидимо присутствовать на этом незримом сражении, дабы видеть твой подвиг. От памяти Божией ты тотчас получишь в себе некое утешение и некую радость в сердце своем, ибо сказано: *Помянух Бога и возвеселихся*. Потом утверди свое уstraшенное тело неподвижно, преклонись немного к земле и понуждай сердце молитвой, произнеся ее из глубины сердца пять—десять раз. После этого поднимись и спокойно иди прямо к тому месту, откуда, как ты чувствуешь, к тебе, как некие приснодвигимые и нескончаемые волны, приходят разжженные демонские стрелы — прилоги трусости.

Идя же против них, запечатлей себя вновь знамением честного и животворящего Креста. И будь внимателен, не отворяй совершенно своих уст и не кричи от страха, подобно ребенку, просящему помощи. Но имей уста затворенными и непрестанно при каждом вздохе один раз произноси тайно и с большим вниманием: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Иди на своих врагов смело и без страха. Когда они увидят, что ты, настроенный таким образом, идешь к ним, то снова возмутят твой ум безчисленными прилогами разных и многообразныхмышлений. И они вступят с тобой в сражение с такой силой и напором, что ты явственно почувствуешь это, потому что демоны трусости набросятся на тебя, как свирепые быки и страшные буйволы, чтобы прободать тебя со всех сторон и затоптать.

Но ты, возлюбленный, в этот час утверди крепко свое сердце в страхе Божиим, говоря

себе: «Сейчас закончится моя жизнь, потому что либо умертвят меня демоны, либо я умру от понуждения к молитве до смерти. И если демоны победят меня и умертвят, Бог позаботится о моей душе. Если же я умру от понуждения к молитве, то Бог успокоит мою душу там, где присещает свет лица Его, потому что такую мою смерть Он вменит в мученическую кончину».

Возлюбленный, когда ты сам себя утвердишь таким образом, тогда начинай говорить из глубины сердца: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». И чем больше опасности от демонов ты видишь, тем больше понуждай себя к молитве. Понуждая же к молитве свое сердце, ты все глубже погружаешься в глубины сердечной молитвы, доколе не обретишь совершеннейший метод умной молитвы. И поистине, верно слово, сказанное одним из отцов, когда его спросили, как он научился умной молитве. Он ответил, что научился ей от демонов. Другой же отец, спрошенный о том же, ответил, что научился ей от грубых детей. Эти слова кажутся странными, но на самом деле не таковы. Ибо первый, понуждая свое сердце к молитве, дабы прогнать приближающихся к нему демонов, как сказано выше, настолько преуспел в молитве, что обрел ее в совершенстве. Демоны для него стали поводом к молитве, поэтому он и сказал, что научился ей от демонов. Другой же, видя грубых детей, боялся, как бы не осквернилось его сердце каким-либо лукавым воспоминанием и дурным сосложением, поэтому он тоже так сильно понуждал свое сердце к молитве, что обрел совершеннейший метод умного и сер-

дечного делания. Правильно ответили и тот и другой. Мы же вернемся к предмету нашего слова.

Итак, возлюбленный, обрета, таким образом, совершеннейший метод умной и сердечной молитвы, снова понуждай свое сердце, доколе она не начертается внутри твоего сердца как на некоей медной или каменной плите и доколе не будет обращено вспять все действие жестоко воюющих с тобой демонов трусости. Тогда ты увидишь с очевидностью силу молитвы, ибо не только исчезнут их дикие и страшные привидения и несуществующие образы, но и воссияет в душе твоей луч просвещения Господа нашего Иисуса Христа. Ты станешь весь радость, весь — утешение, весь — веселие, весь — безстрашие, как будто тебя окружает множество твоих возлюбленных друзей, верных хранителей и оруженосцев.

И это поистине так, потому что туда невидимо придут для твоего утешения Божественные Ангелы, чтобы охранять тебя и увенчать тебя победным венцом за то, что ты поднялся и противостал своим врагам. Посему будешь петь и ты вместе с пророком Давидом и скажешь: *Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устращуся? Внегда приблизятся на мя злобующим, еже снести плоти моя, оскорбляющий мя и врази мои, тии изнемогоша и падоша. Аще ополчится на мя полк, не убоится сердце мое: аще возстанет на мя брань, на Него аз уповаю.* И остальные стихи этого псалма ты будешь петь с безмерной радостью сердца, потому что те, кто приблизились к твоему телу со всех сторон и угрожали, что поглотят его

или умертвят, и те, кто огорчали тебя своим вмешательством, они, говорю, изнемогли и пали. Удаляясь же от своей цели, они исчезли от облистания умной молитвы, как ночная тьма исчезает от дневного и солнечного света.

С того часа, когда могущественным именем Господним ты победишь там своих врагов, ты настолько полюбишь то место, которого раньше боялся и страшился, что впоследствии, когда случится тебе вспомнить о нем или увидеть его, тут же с радостью забьется твое сердце, а душа возжелает ходить туда часто, дабы снова таким же образом молиться Богу. Об этом некто из отцов поведал следующее.

Некий брат всегда подвизался в умной молитве, дабы обрести ее в совершенстве, но не мог этого достичь, потому что невозможно найти совершенную молитву без труднейшего подвига и опаснейшего искушения. Потому он часто предпринимал различные подвиги в умной молитве. И чаще всего он делал это ночью, когда спали остальные братья. Иногда он уходил вдаль от людей и там, преклонив главу на грудь, молился умно из глубины своего сердца, единый Единому Богу.

Однажды, когда он стал молиться наедине и по ночам в пустынейших местах, демоны разгневались на него и решили его запугать, чтобы он не совершал более такой молитвы, ибо им не нравилось то, что делал брат. Как-то раз они навели на брата такой страх, что от этого внезапного испуга и чрезвычайного ужаса он чуть было не испустил дух. И чем больше проходило времени, тем более возрастал и усиливался страх, потому что демоны трусости, как представлялось уму брата, надвигались на

него в великом множестве, вооруженные до зубов, чтобы стереть его с лица земли. Находясь в такой нужде и не имея никакой помощи от людей, он собрал получше свой ум в сердце для умной молитвы.

Преклонив голову к груди, он начал произносить «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» с величайшим усердием и понуждением, из самой глубины сердечной клетки, сосредоточив, как никогда в своей жизни, все внимание в своем сердце к молитве, потому что, когда умопостигаемые, свирепые и страшные демонские волны трусости наполняли страхом его мысль, тело — дрожью, ум — ужасом и кажущимся несуществующим грохотом, тогда и он понуждал сердце к молитве силой, превосходящей естество, с крайним трезвением и вниманием к ней.

И поистине чудно было это умопостигаемое сражение и чувственный подвиг брата, потому что к сердечной молитве он понуждал себя до смерти. И когда исчерпались совершенно его силы, тогда пришла к нему сила свыше, тогда посетила его благодать Божия, которая разбила наголову и демонов, и их различные и многообразные привидения. Брата же она чудесным образом утешила и подала ему двойную радость. Во-первых, благодаря понуждению к умной молитве брат обрел совершенную умную молитву, а во-вторых, он получил такую радость, такое утешение и такое безстрашие неожиданно пришло к нему, как будто его окружил некий полк Божественных Ангелов. И это поистине так, ибо сказано: *Ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их.* Богу же нашему слава, держава, хвала и поклонение во веки веков. Аминь.

РАЗДЕЛ II

ТЕМА 1

УЧЕНИЕ ОБ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ⁵

Церковная организация и церковный организм

«Приступая к изучению святоотеческого подвижнического опыта с целью воспользоваться им в своей жизни, нужно, прежде всего знать, что же такое Церковь, в которую мы пришли и где думаем единственно получить спасение? Ведь мы понимаем, что вне Церкви нет спасения, что без нее мы не можем двинуться по пути духовного делания. Что дает Церковь входящим в нее верующим?

Учение о Церкви мы находим во всей церковной письменности, начиная от посланий апостольских, и далее у всех отцов Церкви. Особенно четко оно изложено и подчеркнуто первыми главными учителями: Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом; встречается оно и у русских отцов Церкви, в частности у Тихона Задонского и у жившего в наши дни отца Иоанна Кронштадтского.

Это учение мы забыли, оторвавшись от него, и тем лишились правильного понимания нашего спасения, что не может не отразиться на самом деле спасения.

Мы знаем, что митрополит Филарет в катехизисе определил Церковь как общество верующих, связанных одними таинствами, обрядами, иерархией и так далее. Но спрашивается, каково же оно, общество, в своем существе, каково его отличие от прочих человеческих обществ и в чем его высшая ценность?

В святоотеческих писаниях мы не находим определения Церкви как некоего человеческого общества. Сама Церковь учит по-иному. По ее учению, она есть Тело Христово» (*священномученик Сергей Мечёв*¹).

В Евангелии сказано о том, что после крещения Своего и сорокадневного искушения в пустыни, Господь Иисус Христос вступает на путь общественного служения роду человеческому. Первоначальный период Его деятельности в этом направлении охарактеризовался проповедью открытия воли Божией людям в деле их спасения от греха. Главной идеей Его проповеди, пронизывающей все Евангелие, был призыв к грешному, падшему человечеству: *Покайтесь, яко приблизилось Царствие Небесное!* (Мф. 3, 2).

Для проповеди истины народам мира Господь приступил к избранию и подготовке учеников.

В этот период и была создана Им Церковь Нового Завета, неодолимая вратами ада.

Кроме проповеди, Господь занимался еще и учительством, так что ученики и народ звали Его Учителем. Учение Его состояло в том, что

жить на земле людям нужно согласно воле Божией, соблюдая заповеди, иметь веру в Бога, веровать Ему как Мессии, о котором были пророчества во всем Священном Писании, и многое другое, о чем сказано в Евангелии.

Но наиглавнейшей Его целью была цель духовная, глубоко скрытая, неведомая никому еще на земле. Цель эта состояла в принесении Себя в жертву во искупление грехов всего человечества.

В древней Ветхозаветной Церкви первосвященниками приносились жертвы за грехи людей: тельцы, козлы, их кровь.

В Новой Церкви, основанной Им, Господь готовился принести в жертву... Себя. И Он принес эту жертву распятием Своим и мучительной смертью на Кресте.

Как мы видим, не учительство было главной задачей и целью Спасителя, но — жертва.

Каким же образом могла спасти род человеческий на земле эта безценная для него жертва — жертва спасения? На этой жертве, Плоти и Крови Его основана Им Церковь Нового Завета, главой которой является Господь Иисус Христос.

Церковь есть Тело Христово, которое Он принес человечеству для его спасения от грехов. Входя в Церковь, мы входим в Тело Христово, становимся членами этого Тела.

Из этого правильного понимания Церкви следует, что спасение человека происходит только в Церкви Христовой, которая есть Тело Христово и благодать Духа Святого, получаемая через причащение Тела и Крови Христовых.

«Церковь есть... единство Божией благода-

ти, живущей во множестве разумных творений, покоряющихся благодати» (Хомяков А. С.)

Впервые это учение было сформулировано священномучеником Мефодием Патарским.

«Причиной многочисленных недоумений в нашей церковной жизни является смешение двух понятий: Церкви-организации и Церкви-организма. Церковь-организацию составляют крещенные люди. Но не все крещенные принадлежат Церкви-организму. Причем точно мы не можем сказать о ныне живущих людях, кто из них в действительности принадлежит организму.

«Несовершеннейшие и еще начинающие спасительное учение возрастают и образуются как бы в материнском чреве от более совершенных, пока они, достигнув зрелости — возрождения, приобретут величие и красоту добродетелей, и потом по преуспеянию, сами сделавшись Церковью, будут способствовать рождению и воспитанию других детей... осуществлять волю Слова».

Конечно, есть и еретики, которые представляют собой омертвевшие, отторгнутые от Тела, чуждые ему ткани, но присоединенные чисто механически к живым. Высшая степень омертвения — это непризнание самого Тела, отрицание его существования, неподчинение его главе. Если какая-то часть организации учит, что она принадлежит не Телу Христову, а чему-то другому, что сформулировано этой частью и описано, какому именно лжеорганизму она принадлежит, то, естественно, она сама себя отторгла от Тела.

Ясно, что омертвевшие ткани могут захватывать любые части организма. Не понимая

этих простых соотношений, невозможно объяснить лжесоборы, наличие в церковной ограде лжепастырей, общего охлаждения веры среди членов Церкви. Уметь разделять процессы, происходящие в Церкви, от жизни Тела стало особенно важным в минувшем столетии. Этой теме посвящены книги князя Хилкова⁶ и Новоселова⁷. Конечно, церковная организация уязвима для мирских воздействий. Она проявляет тенденцию идти в ногу с миром сим. Она периодически охватывается болезнями, но не может умереть, так как в ней находится Церковь-организм, как огонь в раскаленном железе, по сравнению Новоселова. Возможно только отчуждение омертвевших тканей, в которые организм уже не может вдохнуть жизнь.

С течением времени и развитием мира совершенствуются и углубляются болезни и все больше становится омертвевших и больных тканей вокруг живых клеток. И не нужно пугаться этих процессов, важно помнить слова Спасителя о Церкви, что «врата ада не одолевают Ее».

Выражение и раскрытие приведенного определения Церкви мы находим уже у апостола Павла. В Послании к Колоссянам он говорит: *Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, Которое есть Церковь* (Кол. 1, 24; 1, 18), а в Послании к Коринфянам, говоря им о дарах духовных, он пишет: *Как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, — так и Христос. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные и все напоены одним Духом. Тело же не из*

одного члена, но из многих... И вы — Тело Христова, а порознь — члены (1 Кор. 12, 12; 14; 27). Ту же мысль мы видим у него в Послании к Ефесянам: Мы члены Тела Его, от плоти Его и от костей Его (Еф. 5, 30).

Итак, все мы, живущие в Церкви, составляем единое Тело, глава коего Христос, а каждый в отдельности является маленькой частью целого.

Это понятие Церкви не слова, не рассуждения только, их нужно воспринять всем своим существом, как это было у отцов Церкви. Тогда станут понятны, что они мне нравятся или что они мне близки, а потому, что они, как и я сам, являются частями Тела Христова, в них — в каждом в отдельности и во всех вместе — живет Христос. Вот мы пришли и ищем спасения в Церкви. Ну а как те, которые вне Церкви находятся (сектанты)? Мы знаем, что говорят они: во мне Христос, в тебе Христос, в нем Христос — мы собрались и образовали Церковь. Будто за какое-то достоинство наше, за нашу чистоту вселяется в нас Христос. Православное учение говорит нам не то. Оно говорит, что не Христос в нас вселяется по заслугам нашим, а мы, недостойные и грешные, по Его неизреченной милости к нам вошли в Его Тело и живем в нем.

Православную Церковь часто упрекают — вот, мол, у вас там и грешники и прелюбодеи — разве это Церковь? Но не то же ли говорили о Христе, не так же ли и Его осуждали, когда Он ел и пил с мытарями и грешниками? Как Христос пришел взыскать и спасти погибшее, так и Церковь существует для грешников, а не для праведников.

Здесь мы по великой милости Господней очищаемся Телом и Кровью Его, и если не отсеклись еще своими проступками от Тела Его, то не страшны нам упреки других, ибо ведь Христос всех звал и приходящего к Нему не изгонял вон, а прощал и очищал.

На упреки мы отвечаем, что грешники, приходящие в Церковь, каются, желают жить лучшей жизнью, понимают, что не имеют сил сами исправиться, и верят, что в Церкви Христос очистит их. Вот глубокое различие между Церковью и всяким мирским сообществом: разве в сообщество допустят вора или блудника? На раскаяние его не посмотрят, а захотят, чтобы он прежде на деле доказал, что он исправился, и тогда, может быть, его примут. Церковь же поступает не так. Здесь кающиеся тотчас же принимаются, входят в Тело Христово, очищаются и получают возможность жить в Боге. И нам не страшно, когда нам указывают на этих грешных людей. Да, они грешные, но хотят исправиться и идут к исправлению, хотя, быть может, и часто падают. Но и тогда они тотчас же могут искупляться и омываться Кровью Господа. В конце каждой литургии после приобщения священник вкладывает в потир частицы, вынутые из просфор за членов Церкви, и говорит: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною».

Одним словом, мы должны совершенно перестроить наше понятие о Церкви. Это не есть какая бы то ни было организация, вроде приходской общины или хотя бы даже всей Русской Церкви. Внешняя организация нужна для нас, но не в этом, не в общественной

жизни главное дело Христово. Основа Его дела — пречистое Его Тело и Кровь, ибо Христос не только воплотился, пострадал при Понтийском Пилате и искупил нас когда-то, но и дал нам Свое Тело, которое есть Церковь. Об этом учили отцы Церкви, а мы об этом позабыли.

Когда мы начинаем жить духовной жизнью, то не живем уже сами, как те, кто не в Церкви. В нас живет Христос, Который в нас страдает и плачет и соединяет всех нас в Себе. И это не потому, что мы какие-то особенные, достойные, а лишь потому, что мы члены одного Тела. Святые отцы чувствовали это и передали нам.

В древние времена у далеких предков наших единение верных в Церкви было полным.

«А теперь не так, но совершенно напротив: между всеми множество разного рода браней; мы — члены — не расположены друг к другу хуже диких зверей. Христос соединил с Собою тебя, настолько отделившегося от Него, а ты не хочешь даже с братом соединиться надлежащим образом, но отделяешься от него, удостоившись от Влыдыки такой любви и жизни».

«Все, что бы ты ни делал для брата, восходит к Владыке твоему, и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяние, вознаграждает тебя за это» (*святитель Иоанн Златоуст*).

Вы видите, Иоанн Златоуст сам чувствует себя частицей Церкви — Тела Христова, чувствует, как другие частицы отсекаются, отъединяются от этого Тела, и он скорбит, негодует, умоляет не порывать живой связи с Церковью и с Ее главою — Христом.

Подведем теперь итог. Церковь есть Тело Христово, а все мы — члены этого Тела; в нас живет Христос, но не потому, что мы достойны этого, а потому, что мы вошли в Его Тело и «предали» свою душу, чтобы жить во Христе. Я люблю Бога и не любить Его не могу, ибо живу Им, Его жизнью. Точно так же я люблю своих братьев, именно, как членов единого Тела. И это не слова только, а сама жизнь в том, что в лице братьев я накормил Христа, помог Христу. Это основная предпосылка истинного делания.

Чтобы спастись, чтобы жить подлинной жизнью, необходимо приобщиться Плоти Христовой. И вот от апостолов и вплоть до учителей наших дней преподается нам учение, что этой Плотью, дарованной Христом миру, является Его святая Церковь. Вступая в нее и приобщаясь Тела и Крови Христовой, мы, отсеченные, присоединяемся к Телу и начинаем жить Его жизнью. В этом отношении понятна молитва священника над кающимся: «Примири и соедини его Святей Своей Церкви», ибо совершение греха от нее отъединяет.

В Церкви мы спасаемся вовсе не потому, что пришли в некую организацию — забудем об этом понятии, оно не может быть применено в Церкви. Церковь есть Тело Христово, и если, входя в Нее, мы будем продолжать жить сами по себе или же потеряем приобретенное вначале живое единство, то станем мертвы и составим лишь одну видимость Тела Христова.

Разве Христос создавал Свою организацию? Правда, маленькая организация была —

у него было двенадцать самых близких учеников, затем еще семьдесят близких и несколько сотен последователей. Но что же дальше? Вот Христа распяли, и все Его ученики разбежались, изменили Ему, организация разрушилась. Но разве можно было видеть неуспех дела Христова? Нет, Христос пришел вовсе не для создания организации, а для того, чтобы дать Свое Тело людям, которые восприняли бы Его, сделались Его частью и через то получили спасение.

Назначение Церкви — созидать на земле жизнь в Духе Истины, то есть в духе Святом. Нужно проходить под руководством Духа Святого путь покаяния, самоотвержения, любви. Путь этот ведет в Царствие небесное. В Учении о Царствии Божиим — средоточие евангельской проповеди Христовой. И Спаситель, указывая, чего прежде всего нужно искать на земле, говорит: *Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его* (Мф. 6, 33).

Церковь есть Царство Божие на земле

На смену Завету Ветхому с обетованиями плотскими пришел Новый, законы которого писались не на скрижалях каменных, а Самим Богом — нисшедшим духом Святым — в сердцах и мыслях верующих, с обетованиями вечными, небесными (см.: Евр. 8, 10—12; 15—16).

На смену Моисею пришел воскресший Христос. Святой Григорий Богослов так говорит о Церкви как Царствии Божиим: «Бог основал Ее, а не человек», — но далее указывает и на людей: «Одни более, другие менее спо-

собствуют к совершению сего здания, сей обители Христовой, сего святого Храма, по той мере, как они сами с нею сопрягаются и соединяются Духом Святым».

Царствие Божие (Церковь) созидается Богом Божественною благодатию, но благодать созидает, когда человек со всею искренностью возжелает и взыщет это Царствие по указанию Христа и Его Церкви.

Царствие Божие, от которого отпало человечество грехопадением первых людей, вновь приблизилось пришествием Христовым через Его крестную смерть и воскрешение, через сошествие Святого Духа вновь достигло земли и сделалось доступным еще здесь, на земле. Теперь уже от нас зависит с помощью благодати найти «Путь Божий», который, по выражению святителя Филарета Московского, ведет «сперва к Царствию Божию на земле, которое внутри нас есть, потом к Царствию Божию, которое на небесах».

Через все века пронесла Православная Церковь свое убеждение, свое знание, свой опыт, что для истинно верующего Царствие Божие уже наступило, хотя «для некоторых не пришло еще во всей силе, а для некоторых и совсем не пришло». Но это уже зависит не от того, что его нет на земле, а от нерадения и слабого искания его отдельными людьми. Даже более того, грозна и печальна вечная участь того христианина, который ни в какой степени еще здесь, на земле, не узрел и не вкусил, хотя бы в некоторой степени, Царствия Божия. «Ибо, — по словам преподобного Симеона Нового Богослова, — если ты говоришь, что не здесь, но после смерти получают Царствие не-

бесное все горячо желающие его, то ты извращаешь слова Спасителя и Бога нашего».

«Внимай словам Божиим, внимай апостолам и учителям Церкви, — говорит он по поводу этого, — послушай гласа Владыки, послушай слов Слова, как изъясняет Он Царствие небесное, которое отсюда еще должны воспринять люди...» «Отсюда возжги светильник души твоей, прежде чем наступит тьма и затворены будут врата делания. Здесь Я бываю для тебя жемчужиной и покупаюсь. Здесь Я являюсь для тебя пшеницею и как бы зерном горчичным. Здесь Я бываю для тебя закваской и заквашиваю смешение твое. Здесь бываю для тебя и одеждою, и пищею, и всяким напитком, — словом, здесь Я есмь Царствие небесное, сокрытое внутри вас», — так говорит Владыка о Своем Царствии и о Себе. Но хотя Царствие Божие наступило и христиане должны еще здесь, на земле, находить Его, обитать в Нем, обретать в Нем своего Царя и Бога и соединяться с Ним, — находят Царствие Божие только ищущие, званные, желающие. «Бог, — говорит Симеон Новый Богослов, — будучи Царем всякой твари, над одними людьми хочет царствовать по воле их, как и над Ангелами царствует по воле их». Как Творец и Промыслитель, Он владеет всякой тварью, но в Свое Царство благодатное, где Он не только Владыка, но и Отец, не только грозный Судия, но и Друг, и Брат, и Глава, пострадавший до смерти за Свое Царство, за Свое Тело, Бог вводит только желающих и добровольно его принимающих. «По сей причине и Господь наш Иисус Христос и Бог, соделавшись Человеком, — говорит Симеон Новый Богослов, —

однородным с нами, и Учителем, убеждает (а не принуждает) соестественных братьев Своих: „Ищите прежде Царствия Божия и правды Его“, чтобы восцарствовать над ними по воле их».

«В этом первый предмет проповеди», — говорит он далее, и поэтому, хотя Царствие Божие основано Богом, восстановлено Кровию Христовою, но по своей свободной воле люди должны способствовать Его созиданию в себе и вокруг себя.

Что же мы узнаем о Царствии Божием из проповеди Спасителя и Его учеников? Царствие Божие (Царствие небесное) со времени явления воплощенного Бога Слова приблизилось ко всем людям — грешным и святым. Об этом говорится в Евангелии, что его нужно, прежде всего, искать на земле. Царствие Божие не только приблизилось, но и, как говорится в нескольких местах Евангелия, открыто.

Как же оно достигло до нас, а мир его не видит? На это Евангелие отвечает, что таковы его свойства, что приходит «неприметным образом». Оно подобно закваске — кто различит ее в муке?

Тайны Царствия Божия доступны не всем, а лишь достойным Его, оно внутри нас есть. Мир по своей греховной слепоте не видит Его и не понимает Его.

Как же видят и входят в Царствие Божие? Чтобы увидеть Царствие Божие и войти в Него (еще здесь, на земле), нужно очистить душу покаянием и родиться свыше — от воды и Духа (креститься). Не внешним только крещением водой, но внутренним изменением от

Духа. Не крещением только Иоанновым от воды для исповедания и покаяния во грехах, крещением Христовым — приятием Духа и силы. О Царствии небесном в Евангелии Спасителем сказано преимущественно лишь иносказательно, в притчах, ввиду грубости и невосприимчивости сердца слушателей. Что за «жемчужина»? Что за «закваска»? Как это рождаются свыше? И прочее. Словом, вся внутренняя жизнь Царствия Божия остается не объясненной в Евангелии. Апостолами она раскрывается уже в Посланиях и Деяниях, и то по мере нужды и восприимчивости слушателей. Так душевный, плотский человек в противоположность духовному не постигает области Духа, хотя бы и назывался христианином. Вот оно, достигшее земли Царствие Божие. *Ибо Царствие Божие... праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17).

Таким образом, вся проповедь евангельская и апостольская была проповедью Царствия Божия, ибо возвещала, «послушанием Истине чрез Духа очистивши души» свои (см.: 1 Пет. 1, 22), достигать благодати Господа Иисуса Христа и причастия Святого Духа, достигать Царствия Божия, достигать такого устройства жизни и души, когда вся она служит Богу, вся до малейшего своего проявления, когда она вся — любовь к Богу в мысли, в крепости, в разумении.

Царствие Божие есть, прежде всего, Царствие благодати; единение с Богом, а не с дьяволом, но середины не дано.

Начало Царствию Божию положено еще здесь, на земле, Христом Спасителем, и от-

крыт вход в него. Вход в него достигается победой над грехом, дьяволом.

Царствие Божие и есть Церковь Божия на земле. Кто очистил свои души и обрел благодать Святого Духа, тот в Церкви. Кто идет по этому пути под водительством Духа Святого, тот в Церкви.

Как же достигается Царствие Божие еще здесь, на земле?

В борьбе за Царство Божие первое место принадлежит не добродетели, а молитве. К чему стремится человек? Он ищет соединения с Богом. А если так, значит, в основу всего нужно положить молитву. Марк Подвижник⁸ говорит, что невозможно нам восстановить в себе образ Божий иначе, как только благодатию Божиею и верою, когда человек с великим смиренномудрием пребывает умом в непрестанной молитве.

Все то, чем мы живем в этом мире, — книги святых отцов, церковное богослужение, даже Священное Писание, — все это прекратится в том мире, останется только одно — молитва. Без молитвы мы не можем жить духовно. «Как тело наше по удалении души, — говорит авва Евагрий, — бывает мертво и смрадно, так и душа, в которой не действует молитва, мертва и смрадна. Что лишение молитвы должно считать горшим всякой смерти, тому явно учит нас пророк Даниил, который готов был лучше умереть, нежели лишить себя молитвы в какой-либо час. Бога надо вспоминать чаще, нежели дышать» (*преподобный Евагрий. Наставления о подвижничестве 8.3. Добротолюбие, том 1*).

Но святые отцы говорят, что молитве

нужно учиться, и в том же смысле, как вообще учатся какому-нибудь искусству или науке.

Преподобноисповедник Никон (Воробьев) учил своих духовных чад: «Ищущий Бога и правды Его — найдет Бога и новую жизнь (Царствие Божие. — *Составители*) здесь, на земле, в начатке, а после смерти — во всей полноте. Эгоист, ищущий на земле только наслаждений, найдет диавола и после смерти, как единоклубный ему, — пойдет в царство диавола, во ад, в общество законченных эгоистов и злодеев. В наших руках наша будущая судьба.

Хорошая, внимательная, от сердца исходящая молитва есть путь к Царствию Божию, которое внутри нас есть. Если нет такой молитвы, значит, мы чем-то прогневали Бога.

Молитвы во гневе Господь не принимает и предаёт такого молящегося немилосердным служителям, то есть демонам, которые от пира духовного, от молитвы изгоняют с брачного пира во тьму пустых, иногда и скверных помыслов. И это будет до тех пор, пока не смирюсь и не восплачусь перед Господом от всего сердца и пока не стяжем мира душевного, ибо сказано, что в мире (душевном) место Божие. Где немирствие — там враг и тьма, и тягота душевная и прочие начатки ада.

Смирение обладает силой собирать помыслы в памятовании о Боге, а немирствие, тщеславие, гордость рассеивают помыслы. Если помыслы сильно рассеиваются, значит, что-то неладно в душе, значит враг получил доступ к душе нашей и надо каяться, перед Бо-

гом и умолять Его о прощении и помощи. Надо поискать причины этого. Иногда бывает (если и гнева нет) от излишней суетливости, привязанности к миру, от длинных мирских разговоров, от осуждения ближних» (*преподобномученик Никон (Воробьев). Сретенский календарь, 2005 год, с. 66—67*).

Священномученик Сергей Мечев говорит: «В жизни есть два типа людей. Одни живут во грехе и лишь иногда ступают на путь жизни. Они иногда придут в церковь, иногда дома помолются. Это никак не годится. Но есть люди, идущие по пути жизни, но падающие. Если они каются, то недалеко они от Царства небесного.

Завет Божий дан для всех, но пользуется им только тот, кто устроил у себя в душе жертвенник, на котором постоянно, а не в какой-либо момент, совершает он службу покаяния. Вот каков путь христианина» (*Сретенский календарь, 2005 год, с. 77—78*).

Святой Григорий Солунский говорил, что, повинаясь заповедям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же — и монахов, и мирян, и мудрых, и простых, и мужей, и жен, и детей — и побуждать их молиться непрестанно.

Что же может помочь нам в непрестанном памятовании о Боге? Святые отцы говорят, что молитва имеет свою материю молчание. «Благоразумное молчание есть мать молитвы» (*преподобный Иоанн Лествичник. Лествица 11, 3*). Все мы зачастую чувствуем, что изнемогаем, потому что «выболтали» свою душу, истощили ее тем «многоглагола-

нием», против которого предостерегают святые отцы. Для того чтобы собрать душу и отогнать помыслы, надо стараться меньше говорить, в особенности не судить и не пересуживать, говорить же только что необходимо. Многоглаголение оказывает на молитву самое вредное действие, «помрачая ее», а «любитель молчания приближается к Богу и, тайно с Ним беседуя, просвящается от него» (там же, 11, 5).

Нам уже ясно, что тем, кто хочет бороться за Царство Христово, нужно в жизни своей следовать опыту святых отцов, учиться по тому опыту, который оставлен предшественниками. Когда мы говорим о святоотеческом опыте, то должны в первую очередь иметь в виду молитвенный опыт подвижников, ибо в молитве заключается и больше всего выявляется опыт святых отцов. Если мы действительно желаем идти за Христом в Царствие небесное, то должны подражать тому, кто прошел этот путь.

Как мы знаем, все подвижники считали, что мы являемся на эту землю для подготовки к иной жизни, и здесь мы должны приблизиться к Богу. Необходимо остановиться на этом больном для нас вопросе: как это сделать? Есть только один путь — путь опыта, путь, во-первых, непосредственного откровения Бога в душе человека, а затем путь восхождения своей души. Господь открыл нам сначала первый знак Своей любви, первую радость — радость молитвы без усилий, радость любви ко всем. Это все давалось даром и казалось легко. Об этом говорил подвижник преподобный Иоанн Лествичник.

Он утверждает, что дальше есть два пути: первый путь — борьба со страстями и похотями, жизнь в Боге и второй путь — путь разглагольствования, путь говорения о Боге, путь слушания тех или других людей, говорящих о Боге. Преподобный Иоанн также говорит, что для второго пути не нужно опыта, он ни к чему не приводит, а если и приводит, то скорее всего к гибели (*преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, 30, 23*).

Мы не знаем Бога за исключением тех молитв, когда Господь Сам нам открылся, и обычно идем путем разглагольствования.

Что же открывает нам Бога?

Бога открывает нам чистота души, как говорит слово Божие: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Только она, только эта чистота сердца дает нам приблизиться к Господу, и самое слово Божие открывается нам по мере нашего очищения.

«Совершенно соединивший чувства свои с Богом тайно научается от Него словесам Его. Но когда это соединение с Богом еще не совершилось, тогда и беседовать о Боге трудно» (*преподобный Иоанн Лествичник. Лествица, 30, 21*).

«Мы должны начать творить Царство Божие. Господь сказал: *Царствие небесное нудится* (Мф. 11, 12). Об этой борьбе и понуждении говорит нам святой подвижник Иоанн Лествичник. Он говорит, что есть только один учитель богословия — чистота. Иди к ней, если желаешь учиться. Не извне, а изнутри, через очищение себя от греха и страстей ты получишь то, что утвердит в тебе догмат о Святой Троице.

Следовательно, Царствие небесное достигается путем опытным, практическим, который показан в предыдущих темах: «Тайна спасения — учение святых отцов», «Истинный путь спасения» и других.

В заключение приведем отрывок из проповеди святителя преподобного Луки Крымского (Войно-Ясенецкого), в котором он показывает вход в Царствие небесное:

«Господь первый взял Крест, самый страшный Крест, а вслед за ним взяли на рамена свои кресты меньшие, но часто тоже страшные кресты свои огромные толпы народа, которые, тихо опустив головы, пошли с ними в дальний путь. В дальний и тернистый путь, указанный Христом, — путь к престолу Божию, путь в Царствие небесное, идут и идут уже почти две тысячи лет вслед за Христом толпы народа. На том пути стоят и кресты, на которых распяты мученики Христовы.

Кресты, кресты... И дальше, дальше, все кресты, сколько охватывает взор — все кресты, кресты... Лежат в лужах крови истерзанные тела исповедников Христовых. Идут вереницей люди, которые отвергли все блага мира, все презрели ради Господа Иисуса Христа, люди, оставившие все, что им было дорого, и посвятившие всю жизнь свою служению Ему. Идут юродивые под тяжестью вериг и железных крестов, идут бесконечной вереницей монахи и монахини, идут Божии святители с крестом и со Святой Чашей в руках.

Идут за ними, как за пастырями, толпы добрых и кротких людей, покорных пути Христову, людей, идущих вслед за своими духов-

ными вождями, за пастырями и учителями. Идут без конца...

Идут толпы простого народа, любящего Христа, на которых исполнилось слово Христово: *В мире скорбни будете*. Идут они, неся тяжелый крест скорбей своих.

Идут длинной вереницей изгнанные за правду, изгнанные за имя Христово. Все идут.

Идут чистые и непорочные жены, ведя за ручки своих маленьких детей, ибо и детям открыл Господь вход в Царствие небесное.

Что же, неужели мы не присоединимся к этой идущей толпе, к этому святому шествию по пути скорбей, по пути страданий? Неужели мы не возьмем на себя кресты свои и не пойдем за Христом?

Да не будет!» (*Сретенский календарь, 2005 год, с. 68—69*).

Отношение христиан к смерти

(Из проповеди священномученика
Сергия Мечева)

Важное значение в самосознании христианина имеет его отношение к смерти. Отношение его к смерти теснейшим образом связано с отношением его к своему телу. Одно из двух: или наша жизнь кончается со смертью тела, или смерть есть временное рассечение **Божиим хотением** естественнейшего союза души и тела. В первом случае все кончается здесь, на земле, и тогда нечего успокаивать себя каким-либо утешением. Если же, как и верит Церковь, смерть есть рассечение естественнейшего союза души и тела, то наше отношение к телу (как к противной и ненужной вещи после

смерти) совершенно меняется. Мы верим, что не только душа человека, но и тело — есть храм Святого Духа. *Не знаете ли, — говорит апостол, — что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?* (1 Кор. 6, 19). В день всеобщего воскресения мы восстанем и придем на суд Христов вместе с нашим телом, в котором жительствова­ли на земле.

А для мира, который не верит в вечность естественнейшего союза души и тела, не верит в воскрешение мертвых, смерть — это сплошной ужас. По-настоящему преодолеть его может только тот, кто знает, что смерть тела есть исполнение Господнего повеления: *земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Это закон, которому подчиняется все живое до дня всеобщего воскресения. Не избегла этого закона и Мать Божия, ведь и Она так же, как и все, умерла.

Итак, возможны только два отношения к смерти и связанные с ними два отношения к телу: или тело наше с момента смерти есть «земля», которая Божиим изволением возвращается в землю, и которое восстанет в день последнего воскресения, или это — падаль, которую нужно сейчас же выкинуть.

Господь сказал: *Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17, 21), и в каждом из нас есть если не Царствие Божие, то маленький уголок, в котором Оно таится, и этот «уголок понуждает нас что-то делать перед лицом смерти. Духовный возраст христианина измеряется его отношением к смерти. Отношение христианина к иной, будущей жизни оценивается его пониманием, что смерть является ее вратами (священномученик *Сергий Мечев. Сретенский календарь, 2005 год, с. 170—172).*

ТЕМА 2

ДУХОВНИЧЕСТВО И ПОСЛУШАНИЕ

(Наставления святителя Игнатия Брянчанинова,
избранные из его творений)

Составитель — священник Сергей Молотков

Книга, составленная священником Сергием Молотковым, о духовничестве и послушании по учению святителя Игнатия Брянчанинова в этой теме взята полностью.

В современной церковной жизни вопрос о духовном руководстве является одним из самых острых: неопытность приходящих в Церковь, неосторожность и неблагоразумие пастырей, порождающие явление «младостарчества», незнание новозаветных и святоотеческих писаний или же неразумное, разгоряченное следование им — все это иногда приводит к самым печальным последствиям.

Данная книга, составленная по творениям опытейшего духовника монашествующих и мирян, святителя Игнатия Брянчанинова, раскрывает учение святых отцов о духовничестве и послушании применительно к нашему времени и предостерегает от возможных на этом пути уклонений и ошибок.

О жительстве в послушании у старца

Послушание старцам в том виде, в каком оно было у древнего монашества, не дано нашему времени. Преподобный Кассиан Римлянин говорит, что египетские отцы, между которыми особенно процветало монашество и приносило изумительные духовные плоды,

«утверждают, что хорошо управлять и быть управляемым свойственно мудрым, и определяют, что это — величайший дар и благодать Святого Духа». Необходимое условие такого повиновения — духоносный наставник, который бы волей Духа умерщвлял падшую волю подчинившегося ему о Господе, а в этой падшей воле умерщвлял и все страсти.

Падшая и растленная воля человека включает в себе стремление ко всем страстям. Очевидно, что умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волей Духа Божия, не может совершаться падшей волей наставника, когда сам наставник еще поработен страстям.

«Если ты хочешь отречься от мира, — говорил святой Симеон Новый Богослов современным ему инокам, — и научиться евангельскому житию, то не предай (не поручи) себя неискусному или страстному учителю, чтобы не научиться, вместо евангельского жития, дьявольскому житию, потому что у благих учителей и учительство благое, а у злых — злое: от лукавых семян непременно произрастают и лукавые плоды. Всякий, невидящий и обещающийся наставлять других, есть обманщик и последующих ему ввергает в ров погибели, по слову Господа: *Слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14)».

При другом случае этот великий угодник Божий, советуя иноку действовать по указанию духовного отца, присовокупляет: «Однако да поступает так только в таком случае, когда знает, что духовный отец его — причастник Духа, что он не будет говорить ему противоположного воле Божией, но по дарованию свое-

му и по мере повинующегося возглаголет угодное Богу и полезное для души, чтобы не оказаться повинующимся *человеку, а не Богу*».

В этом смысле завещает и апостол: *не будите раби человеком* (1 Кор. 7, 23). Он повелевает самое служение слуг господам совершать духовно: не в характере *человекоугодников*, но в характере *рабов Христовых*, творя волю Божию в наружном служении человекам (Еф. 6, 6). *Ныне*, — говорит апостол, — *человеки препираю или Бога? или ищу человеком угождати? аще бых человеком еще угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10). *Не весте ли, яко ему же представляете себе рабы в послушание* — человеку плотского мудрования или Богу — *раби есте, его же послушаете: или греха и плотского мудрования в смерть, или послушания в правду Божию и во спасение* (Рим. 6, 16). Послушание образует повинующегося по образу того, кому он повинуется: *зачинаху овцы по жезлом*, — говорит Писание (Быт. 30, 39).

Те старцы, которые принимают на себя роль... употребим это неприятное слово, принадлежащее языческому миру, чтобы точнее объяснить дело, которое в сущности не что иное, как душепагубное актерство и печальнейшая комедия, — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании — суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская прелесть, которая не может не дать соответствующего себе плода в наставляемом ими. Их неправильное и недостаточное на-

строение только в течение некоторого времени может оставаться незаметным руководимому ими неопытному новонаначальному, если этот новонаначальный сколько-нибудь умен и занимается святым чтением с прямым намерением спасения. В свое время оно должно непременно раскрыться и послужить поводом к неприятнейшей разлуке, к неприятнейшим отношениям старца с учеником, к душевному расстройству того и другого.

Страшное дело — принять, по сомнению и самовольно, на себя обязанности, которые можно исполнять только по велению Святого Духа и действием Духа; страшное дело — представлять себя сосудом Святого Духа, между тем как общение с сатаной еще не расторгнуто и сосуд не перестает оскверняться действием сатаны! Ужасно такое лицемерство и лицедейство! Гибельно оно для себя и для ближнего, преступно перед Богом, богохульно.

Напрасно будут указывать нам на преподобного Захарию, который, находясь в повиновении у неискусного старца, отца своего по плоти, Кариона, достиг иноческого совершенства (Достопамятные сказания), или на преподобного Акакия, спасшегося в жительстве у жестокого старца, который согнал безчеловечными побоями ученика своего преждевременно в гроб (Лествица, слово 4). Тот и другой находились в послушании у недостаточных старцев, но руководствовались советами духовных отцов, а также назидательнейшими примерами, которые были во множестве перед очами их: единственно по этой причине они могли пребыть в наружном послушании у своих старцев. Эти случаи вне общего порядка и пра-

вила. «Образ действия промысла Божия, — сказал святой Исаак Сирский, — вполне отличается от общего человеческого порядка. Ты держись общего порядка».

Возразят: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению апостола: *Любви истины не прияша*, — говорит он о произвольно погибающих, — *во еже спастися им. И сего ради послет (попустит) им Бог действие лъсти, во еже веровати им лжи, да суд примут вси неверовавшии истине, но благоволившии в неправде* (2 Сол. 2, 10—12). *По вере вашей буди вам* (Мф. 9, 29), — сказал Господь, само-истина, двум слепцам и исцелил их от слепоты: не имеет права повторять слов само-истины ложь и лицемерство для оправдания своего преступного поведения, которым они погубляют ближних.

Бывали случаи, очень-очень редкие, что вера, по особенному смотрению Божию, действовала через грешников, совершая спасение этих грешников. В Египте старшина разбойников Флавиан, намереваясь ограбить некоторый женский монастырь, облекся в монашеское одеяние и пришел в этот монастырь. Монахини приняли его как одного из святых отцов, ввели в церковь, прося принести о них молитву Богу, что Флавиан исполнил против воли своей и к удивлению своему. Потом представлена была ему трапеза. По окончании трапезы монахини умыли его ноги. В монастыре одна из сестер была слепа и глуха. Монахини привели ее и напоили водой, которой омыты ноги странника. Больная немедленно исцелилась. Монахини прославили Бога и святое

житие инокa, провозглашая совершившееся чудо. Благодать Божия снизошла на старейшину разбойников: он принес покаяние и из старейшины разбойников притворился в знаменосного отца.

В житии святого Феодора, епископа Едесского, читаем, что блудница, будучи принуждена отчаявшейся женщиной, принесла Богу молитву о умершем ее сыне и что младенец воскрес по молитве блудницы. Блудница, приведенная в ужас совершившимся над ней, немедленно оставила греховную жизнь, вступила в монастырь и подвижнической жизнью достигла святости.

Такие события — исключения. Созерцая их, мы поступим правильно, если будем удивляться смотрению и непостижимым судьбам Божиим, укрепляться в вере и надежде; поступим очень неправильно, если будем эти события принимать в образец подражания.

В руководителя поведению нашему дан нам Самим Богом закон Божий, то есть Священное Писание и писания отеческие. Апостол Павел решительно говорит: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа, отлучатися вам от всякаго брата, безчинно ходяща, а не по преданию, еже прияша от нас* (2 Сол. 3, 6). Преданием здесь названо нравственное предание Церкви. Оно изложено в Священном Писании и в писаниях святых отцов. Преподобный Пимен Великий повелевал немедленно разлучаться со старцем, сожительство с которым оказывается душевредным, — очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви. Иное дело, когда нет душевного вреда, а только смущают помыс-

лы. Смушающие помыслы, очевидно, бесовские, не надо им повиноваться, как действующим именно там, где мы получаем душевную пользу, которую они хотят похитить у нас.

Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему соделались для нас невозможными: возможно одно благоговейное благоразумное рассматривание его, возможно усвоение духа его. Тогда мы вступим на путь правильного суждения и душеспасительного благоразумия, когда, читая опыты и правила делания древних отцов — послушания их, равно дивного и в руководителях и в руководимых, — увидим в современности общий упадок христианства, сознаемся, что мы не способны наследовать делание отцов в полноте его и во всем обилии его. И то — великая милость Божия к нам, великое счастье для нас, что предоставлено нам питаться крупичами, падающими с духовной трапезы отцов. Эти крупичи не составляют собой удовлетворительнейшей пищи, но могут, хотя и не без ощущения нужды и голода, предохранить от душевной смерти.

О жительстве по совету

Крупичами названо в предшествовавшей главе духовное жительство, предоставленное промыслом Божиим нашему времени. Оно основывается на руководстве в деле спасения Священным Писанием и писаниями святых отцов, при совете и назидании, заимствуемых от современных отцов и братий. В собствен-

ном смысле, это — послушание древних иноков, но в ином виде, приспособленном к нашей немощи, преимущественно душевной.

Древним послушникам их духоносные наставники возвещали немедленно и прямо волю Божию. Ныне иноки должны сами отыскивать волю Божию в Писании и потому подвергаться частым и продолжительным недоумениям и погрешностям. Тогда преуспевание было быстрым, по свойству делания, ныне оно косно, (медленно) опять же по свойству делания. Таково благоволение о нас Бога нашего. Мы обязаны покорствоваться Ему и с благодарением благоговеть перед Ним.

Наше современное иноческое жителство, по Писанию и совету отцов и братий, освящено примером главы монашества — преподобного Антония Великого. Он не был в послушании у старца, но в новоначалии своем жил отдельно и заимствовал наставления из Писания и от разных отцов и братий: у одного научался он воздержанию, у другого — кротости, терпению, смирению, у иного — строгой бдительности над собой, безмолвию, стараясь усвоить себе добродетель каждого добродетельного инока, всем оказывая по возможности послушание, смиряясь перед всеми и молясь Богу непрестанно. Поступай и ты, новоначальный, таким образом! Оказывай настоятелю и прочему монастырскому начальству не лицемерное и не человекоугодливое послушание, а послушание, чуждое лести и ласкательства, послушание ради Бога. Оказывай послушание всем отцам и братиям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря и распоряжению монастырского началь-

ства. Но никак не будь послушен на зло, если бы и случилось тебе потерпеть за твои нечеловекоугодие и твердость некоторую скорбь. Советуйся с добродетельными и разумными отцами и братьями, но усваивай себе советы их с крайней осторожностью и осмотрительностью. Не увлекайся советом по первоначальному действию его на тебя! По страстности и слепоте твоей иной страстный и зловредный старец может понравиться тебе единственно по неведению и неопытности твоим или потому, что он угождает какой-либо сокровенной, неведомой тобою, живущей в тебе страсти. С плачем и сердечными воздыханиями умоляй Бога, чтобы Он не попустил тебе уклониться от Его всесвятой воли к последованию падшей человеческой воле, твоей или ближнего твоего, твоего советника. Как о своих помыслах, так и о помыслах ближнего, о его советах, советуйся с Евангелием.

Тщеславие и самомнение любят учить и наставлять. Они не заботятся о достоинстве своего совета! Они не помышляют, что могут нанести ближнему неисцельную язву нелепым советом, который принимается неопытным новоначальным с безотчетливой доверенностью, с плотским и кровавым разгорячением! Им нужен успех, какого бы ни был качества этот успех, какое бы ни было его начало! Им нужно произвести впечатление на новоначального и нравственно подчинить его себе! Им нужна похвала человеческая! Им нужно прослыть святыми, разумными, прозорливыми старцами, учителями! Им нужно напитать свое ненасытное тщеславие, свою гордыню. Была справедлива молитва пророка всегда, в особен-

ности она справедлива ныне: *Спаси мя, Господи, яко оскуде преподобный, яко умалишася истины от сынов человеческих. Суетная глагола кийждо ко искреннему своему: устне льстивыя в сердце, и в сердце глаголаша злая* (Пс. 11, 2. 3). Слово ложное и лицемерное не может не быть словом злым и зловредным. Против такого настроя необходимо принять меры осторожности.

«Изучай Божественное Писание, — говорит Симеон Новый Богослов, — и писания святых отцов, особливо деятельные, чтобы, с учением их сличив учение и поведение твоего учителя и старца, ты мог их видеть (это учение и поведение) как в зеркале и понимать: согласное с Писанием усваивать себе и содержать в мысли; ложное и худое познавать и отвергать, чтобы не быть обманутым. Знай, что в наши дни появилось много обманщиков и лжеучителей». Преподобный Симеон жил в X столетии по Рождестве Христовом, за девять веков до нашего времени. Вот уже когда раздался голос праведника в святой Христовой Церкви о недостатке истинных духоносных руководителей, о множестве лжеучителей. С течением времени более и более оскудевали удовлетворительные наставники монашества, тогда святые отцы начали более и более предлагать руководство Священным Писанием и писаниями отеческими.

Преподобный Нил Сорский, ссылаясь на отцов, писавших прежде его, говорит: «Немалый подвиг, — сказали они, — найти непрелестного учителя сему чудному деланию (истинной иноческой сердечной и умной молитве). Они наименовали непрелестным того, кто имеет

свидетельствованное Божественным Писанием делание и мудрование и стяжал духовное рассуждение. И то сказали святые отцы, что и тогда едва можно было найти непрелестного учителя таким предметам; ныне же, когда они оскудели до крайности, должно искать со всей тщательностью. Если же не найдется, то святые отцы повелели научиться из Божественного Писания, слыша Самого Господа, говорящего: *Испытайте Писания, и в них найдете живот вечный* (Ин. 5, 39). *Елика бо преднаписана быша в Святых Писаниях, в наше наказание* (наставление) *преднаписашася* (Рим. 15, 4). Преподобный Нил жил в XV столетии; он основал скит неподалеку от Бела-озера, где и занимался молитвой в глубоком уединении.

Полезно прислушаться к старцам новейших времен, с каким смирением и самоотвержением отзывается преподобный Нил о наставлениях, которые он преподавал братии: «Никто не должен утаивать слова Божия по своему нерадению, но исповедовать свою немощь и вместе не скрывать истины Божией, чтобы не сделаться нам виновными в преступлении заповеди Божией. Не будем утаивать слова Божия, но будем возвещать его. Божественные Писания и слова святых отцов многочисленны, как песок морской: неленостно исследывая их, да преподаем их приходящим к нами нуждающимся в них (требующим, вопрошающим). Правильнее же: преподаем не мы, потому что мы недостойны этого, но преподают блаженные святые отцы из Божественного Писания».

Вот превосходный образец для современного наставления! Он вполне душеполезен для

наставника и наставляемого; он — правильное выражение умеренного преуспеяния; он соединен с отвержением самомнения, безумной наглости и дерзости, в которые впадают подражающие по наружности Великому Варсонофию и другим знаменосным отцам, не имея благодати отцов. Что было в тех выражении обильного присутствия в них Святого Духа, то в безрассудных, лицемерных подражателях служит выражением обильного невежества, самообольщения, гордости, дерзости.

Возлюбленные отцы! Будем произносить слово Божие братьям нашим со всевозможным смирением и благоговением, сознавая себя недостаточными для сего служения и охраняя самих себя от тщеславия, которое сильно стужает людям страстным, когда они поучают братию. Подумайте, что мы должны воздать ответ за каждое праздное слово (см.: Мф. 12, 36), тем тягостнее ответ за слово «Божие, произнесенное с тщеславием и по побуждению тщеславия. *Потребит Господь вся устны льстивыя, язык велеречивый, рекшия: язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам Господь есть* (Пс. 11, 4. 5). Потребит Господь ищущих славы своей, а не Божией. Устрашимся прещения Господня! Будем произносить слово назидания по требованию существенной необходимости, не как наставники, а как нуждающиеся в наставлении и тщющиеся соделаться причастниками наставления, преподаваемого Богом в Его всесвятом Слове. *Кийждо якоже прият дарование, — говорит святой апостол Петр, — между себе сим служаще, яко добрии строителие различныя благодати Божия. Аще кто глаголет, — яко словеса Божия, со страхом Божиим и бла-*

гоговением к словам Божиим, а не как свои собственные слова; *аще кто служит, — яко от крепости, юже подает Бог*, а не как бы из своей собственной: *да о всем славится Бог, Иисусом Христом* (1 Пет. 4, 10. 11). Действующий из себя действует для тщеславия, приносит и себя, и слушающих его в жертву сатане; действующий из Господа действует в славу Господа, совершает свое спасение и спасение ближних Господом, единым Спасителем человеков.

Будем страшиться преподания новонаначальному какого-либо необдуманного наставления, не основанного на слове Божиим и на духовном разумении слова Божия. Лучше сознаться в неведении, нежели выказать ведение душевредное. Охранимся от великого бедствия — превратить легковверного новонаначально из раба Божия в раба человеческого (см.: 1 Кор. 7, 23), привлеки его к творению падшей воли человеческой вместо всесвятой воли Божией. (Здесь говорится не о наружном послушании монастырском, не о трудах и занятиях монастырских, назначаемых монастырским начальством, но о послушании нравственном, сокровенном, совершаемом в душе.)

Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, нежели старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. Совет не заключает в себе условия непременно исполнять его: он может быть исполнен и не исполнен. На советнике не лежит никакой ответственности за совет его, если он подал его со страхом Божиим и смиренномудрием, не самопроизвольно, а будучи спрошен и понужден. Также и получивший совет не связывается им: на воле и рассуждении его остается

исполнить или не исполнить полученный совет. Очевидно, как путь совета и последования Священному Писанию сообразен с нашим слабым временем.

Советы из писем к пастырям и ученикам

Истинное послушание — послушание Богу, Единому Богу. Тот, кто не может один, сам собой, подчиниться этому послушанию, берет себе в помощники человека, которому послушание Богу более знакомо, а не могут — люди с сильными порывами, потому что порывы уносят их. Святой Иоанн Лествичник сказал: «Отцы определили, что псалмопение — оружие, молитва — стена, непорочная слеза — умывальница, а блаженное послушание — исповедничество, без которого никто из страстных не узрит Господа». Если же руководитель начнет искать послушание себе, а не Богу, — недостоин он быть руководителем ближнего! Он не слуга Божий! — слуга дьявола, его оружие, его сеть! *Не будьте рабы человеком* (1 Кор. 7, 23), — завещает апостол.

В Добротолюбии, в книге иноков Каллиста и Игнатия, приводятся следующие слова Великого Варсонофия: «Еже не вменится в человецех — сотворит тя вселиться во граде, а еже умрети от всякаго человека — сотворит тя наследовати град и сокровища». Не убойтесь этой смерти: от нее рождается новая жизнь. Когда оживете новой жизнью, то увидите, что жизнь, умерщвления которой требует от нас Бог, — есть смерть. Это та смерть, которой умер Адам немедленно по вкушении от запре-

щенного древа, ожив в смешанные познания и ощущения добра и зла. Скажите Богу о всех родственниках Ваших, живых и почивших, скажите о братиях обители Вашей, о всех любимых Вами: «Господи! Это все Твое, а я кто?» Точно, все это — Божие; Божие не будем похищать себе. И мнимолюбимым нами вернее быть Божиими, нежели нашими. Не правда ли? Если правда, то примем правду во спасение. Умрем для естественной любви к ближнему и оживем новой любовью к нему, любовью в Боге. Тогда умрем естественной, смешанной любовью к ближнему, когда «не вменим себя, — по совету Великого Варсонофия, — в человецех», когда оплюем себя, как некую мерзость.

Послужим ближнему в служении нашем, не как отцы чадам, но как рабы Господам, как непотребные слуги святым Ангелам. Этого и Павел хотел, и он так мыслил! *Не себе проповедуем*, — говорил он коринфянам, — *но Христа Иисуса Господа, себе же самех рабов вам Иисуса Господа ради*. Божие отдадим Богу. Не будем мнением присваивать себе Божие: от нашего мнения Божие не сделается нашим, а только мы будем обманываться пустым, достойным смеха и вместе плача самообольщением. Когда же смиримся, то Бог Свое может нам дать: тогда оно точно сделается нашим по благодати. Таким образом, святые, соделавшись сосудами Святого Духа, соделались и отцами в Духе, имели чад в Духе. Заповедь Христова: *Не нарицайте себе отца на земли, ни учителя на земли* — оставалась нерушимой.

Многие из святых называли чадами тех, которым они сообщали жизнь Духа. И то было истинно, потому что словам сопутствовало са-

мое дело. Но мы, не имеющие в себе явного обитания Духа, можем ли сами присваивать себе то, что дает только Бог. Не страшное ли это святотатство! Не самообольщение ли это, достойное — по производимому им ложному состоянию — горького плача?

Те из святых, которых обилие благодати не преливалось так, как в апостолах и других величайших угодниках Божиих, не дерзали называть себя учителями и отцами. Из них преподобный Нил Сорский в предисловии к своему Скитскому Уставу говорит: «Не называю вас учениками моими: один у нас Учитель Христос» и прочее. И это по завещанию апостола, который говорит: *«Аще кто глаголет, — яко словеса Божия аще кто служит, — яко от крепости, юже подает Бог: да о всем, славится Бог Иисусом Христом»*. Повсюду — умерщвленное «я»! Повсюду — Христос, живой и подающий жизнь.

Смирение убивает естественную любовь. А если она умирает от смирения, то жизнь ее составляется гордостью. Принадлежа к свойствам ветхого Адама, она требует умерщвления и воссоздания Духом. В ней живет идол «я», поставленный на престоле татебно вкравшегося самомнения и завешивающийся завесой будто бы добродетели.

Апостол Павел не любил этой любви в учениках своих к себе. За нее называл он их плотскими. Вооружаясь против нее, он писал против себя, желал во мнении учеников низложить, уронить, уничтожить себя. *«Еда Павел распялся за вас? — говорил он им. — Кто убо есть Павел? Аз насадих, Аполлос напои, Бог же возрасти: темже ни насаждали есть что, ни напаяя, но возвращаяй Бог»*. Видите, как ревностно ищет

великий апостол, чтобы верующие во Христа были мертвы для человеков! Оживление для человеков есть умерщвление по отношению ко Христу, а следовательно, и ко всему Божественному и духовному, потому что Христос есть единый ходатай между Богом и человеками.

Возревновали некогда ученики Иоанна Предтечи, узнав, что все идут во след Иисуса, и отвечал им великий Предтеча: *Имей невесту жених есть: а друг женихов, стоя и послушая его, радостью радуется за глас женихов: сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися.* Великие слова! Святые слова! Точно, — тогда исполняют обязанность свою наставники, когда они ищут, чтобы в душах, приводимых ими ко Христу, возвеличивался и возрастал один Христос. Они желают умалиться во мнении своих водимых, лишь бы возвеличился для них Христос, — тогда эти наставники ощущают полноту радости, как достигшие конца своих желаний. Напротив того, те, которые приводят вверенные их руководству души к себе, а не ко Христу, скажу безошибочно, прелюбодействуют.

В преподавание советов не надо бы Вам очень пускаться, а со смирением от них отказываться. Когда же принудят, то сказать нечто слегка, предоставляя дело Богу. Очень Вы святы: как раз человека и на распятие! Да и распинать-то не умеете: только мучите напрасно! Все Вы хотите разумом да собою взять, а надо — верою да Богом».

Мы не сходимся с тобой в понятиях при некоторых употребляемых нами выражениях: под одним и тем же словом ты разумеешь од-

но, я — другое. Например, под словом «духовный, духовность» ты разумеешь то, что все ныне приняли разуметь, — таким разумением удаляешься от смысла, соединенного с этим словом в Священном Писании и писаниях святых отцов. Ныне книга лишь о религиозном предмете — уже носит имя «духовной». Ныне кто в рясе, — тот неоспоримо «духовный», кто ведет себя воздержно и благоговейно — тот «духовный» в высшей степени! Не так научает нас Священное Писание, не так научают нас святые отцы. Они говорят, что человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном, или чреъестественном, и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, безстрастное. Нижеестественный, плотский, страстный — есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный — есть живущий для вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, не видящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышестоящий, духовный, безстрастный — есть тот, кого осенил Дух Святой, кто, будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие — точно: свет миру и соль земли, — видят себя, видят и ближних, а их увидеть может только подобный им духовный. *Духовный же востязует убо вся, а сам той ни от единого востязуется* (1 Кор. 2, 15), — говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастье встре-

тить одного, — и доньне странствующего на земле, — старца, лет около семидесяти, из крестьян, малограмотного, он жил во многих местах России, в Афонской горе, — говорил мне, что и он встретил только одного.

Держись, как в этом случае, так и в других, терминологии святых отцов, которая будет соответствовать твоей жизни практической, которая часто не согласна с терминологией новейших теоретиков. Прости, что назову теоретиков — мертвыми! Пусть эти мертвые возьмется со своими мертвецами, то есть с теми, которые хотят слышать слово Божие с целью насладиться красноречием, кровавыми порывами, игрой ума, но не с тем, чтобы «творить Слово». Последним нужно сказать: «С какой приятностью мы слушали, — провели время», а первым нужно, чтобы о них сказал мир: «Ах! Как они умно, прекрасно говорят!»

Не прельстись ни умом естественным, ни красноречием! Это все — прах. Этому красноречию и этому уму сказано: «Земля еси!» Впрочем, я понимаю, что ты, вкусивши жизни, не можешь удовлетвориться мертвым! Прекрасно сказал святой Симеон Новый Богослов: «Притворяющихся добродетельными и кожею овчею по наружности являющих одно, другое же сущих по внутреннему человеку, всякой исполненных неправды, полных зависти и рвения и сластей злосмрадия, весьма многие яко безстрастных и святых чтут, имея неочищенное душевное око, не могуще познати их от плодов их; во благоговении же и добродетели и простоте сердца пребывающих и святых сущих воистину, яко прочих от человек пренебрегают и, презирающе их, за

ничтоже вменяют. Глаголивого и тщеславного, учительным паче и духовным таковые быти вменяют. Духом Святым вещающего, высокоумдренные и гордостью недугующие диаволию, яко высокоумдра и горда отвращаются, от словес его ужасающесе паче нежели умиляющесе. От чрева же и учений тонкословствующего и противу спасения своего лгущего, вельми похваляют и приемлют».

Равным образом только те книги в точном смысле могут быть названы «духовными», которые написаны под влиянием Святого Духа. Не увлекайся общим потоком, но следуй по узкой стези вслед за святыми отцами.

Не утомляй себя напрасно исканием наставников: наше время, богатое лжеучителями, крайне скудно в наставниках духовных. Их заменяют для подвижника писания отеческие. Образуй себя чтением их и молитвой в сокрушении духа. Постарайся найти хорошего, добросовестного духовника. Если найдешь его, — и тем будь доволен: ныне добросовестные духовники — великая редкость. Многие возлагают «тяжкие» бремена на рамена ближних, но мало таких, которые бы научили и помогли носить бремена.

Общество, беседа с людьми благочестивыми приносят существенную пользу. Но для совета, для руководства недостаточно быть благочестивым: надо иметь духовную опытность, а более всего — духовное помазание. Таково об этом предмете мнение Писания и отцов. Советник благочестивый, но неопытный, скорее может смутить, нежели принести пользу. Не только из среды мирян, — из среды монаше-

ствующих крайне трудно найти советника, который бы, так сказать, измерил и взвесил душу, с ним советуемую, и из нее, из ее достоинства, преподал бы ей совет. Ныне советники и руководители больше преподают совет из себя и из книги. А первого совет, тот-то особенно полезен и действителен: он близок к душе, ищущей приютиться под сенью совета, — своего ей: это она чувствует. Святой Исаак сказал: «Ничего нет каждому полезнее, как совет свой». А совет чуждый, хотя по-видимому состоящий из благих и разумных слов, приносит душе лишь мучение, расстройство. Она чувствует его несообразность, чувствует, что он чужд ей. *Суть, — говорит Писание, — иже глаголюще уязвляют, аки мечи: языцы же премудрых исцеляют* (Притч. 12, 18).

Прибегайте больше к чтению святых отцов; пусть они руководствуют Вас, напоминают Вам о добродетели, наставляют на путь Божий. Этот образ жительства принадлежит нашим временам: он заповедан, предан нам святыми отцами позднейших веков. Жалуюсь на крайний недостаток в богопросвещенных наставниках и советниках, они повелевают ревнителю благочестия руководствоваться в своей жизни отеческими писаниями. *Совет святых — разум* (Притч. 9, 10).

Что значит иноческая добродетель — послушание? Она — признание разума человеческого падшим и потому — отвержение его буйством веры. От веры — послушание, от послушания — смирение, от смирения — духовный разум, который — извещенная вера. Иноческое послушание процветало при обилии духов-

ных наставников. С оскудением наставников оскудел и великий подвиг послушания, скоро приводивший подвижников к святости. Вера, составлявшая сущность этого подвига, требует, чтобы предмет ее был истинный и духовный, тогда она приводит к Богу. Вера в человека приводит к исступленному фанатизму. Руководство писаниями святых отцов ведет гораздо медленнее, слабее; на пути этом гораздо больше преткновений: книга, начертанная на бумаге, не может заменить живой книги человека. Чудная книга — ум и сердце, исписанные Святым Духом! Так и пышет из нее жизнь! Так и сообщается эта жизнь слушающим с верой. Но руководство писаниями отеческими сделалось уже единственным руководством ко спасению по конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным, кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того должно признать погибшим.

Сердце Ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему. Без этого условия принадлежать человеку страшно. *Не бывайте раби человеком*, — сказал апостол.

Всегда трогали меня до глубины сердца слова святого Иоанна Предтечи, произнесенные им относительно Господа и себя, сохраненные нам в Евангелии от Иоанна: *Имеяй невесту*, — говорит святой Предтеча, — *женех есть: а друг женихов, стоя и послушая его, радостью радуется за глас женихов: сия убо радость моя исполнися. Оному подобает расти, мне же малитися* (Ин. 3, 29—30).

Всякий духовный наставник должен быть

только слугой Жениха небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе, должен возвещать им о безконечной, неизреченной красоте Христа, о безмерной благодати Его и силе, пусть они полюбят Христа точно достойного любви. А наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению перед учениками, умалению, которое служит признаком их духовного преуспевания. Доколе плотское чувство преобладает в учениках, — велик перед ними наставник их, но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, — они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие.

Сохранитесь от пристрастия к наставнику. Многие не остерегались и впали вместе с наставниками своими в сеть диаволу. Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием. Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог. И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела, как благовонное курение, разносимое сильным вихрем или заглушаемое воней смрадной. Не давайте в сердце Вашем места никакому кумиру.

И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собой Бога. Последуй примеру святого Предтечи: единственно ищи того, чтобы возвеличился Христос в учениках твоих. Когда Он возвеличится, — ты умалишься, увидев себя умалившимся по причине возросшего Христа, исполнись радостью. От такого пове-

дения чудный мир будет навеваться на сердце твое, в себе увидишь исполнение слов Христовых: *смиряющий себя, вознесется*.

ТЕМА 3

О НЕПРЕСТАННОМ ПРИЧАСТИИ СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН

Эта книга является плодом сотрудничества двух замечательных святых, живших в Греции во второй половине XVIII — начале XIX века, — афонского монаха Никодима и Коринфского митрополита Макария. Преподобный Никодим Святогорец хорошо известен у нас как автор пользующейся любовью книги «Невидимая брань». О святителе Макарии у нас пока знают мало. Только великим смирением этих святых можно объяснить тот факт, что одна из самых известных во всем православном мире книг о духовной жизни не поделилась своей славой с теми, благодаря кому она появилась на свет. Речь идет о «Добротолюбии»: собирателями материала для этого сборника, его составителями и издателями были святые Никодим и Макарий. Ими был издан и не менее, чем «Добротолюбие», популярный в Греции, особенно среди монашества, сборник святоотеческих творений «Евергетинос».

Выход в свет их «Книги о непрестанном причащении» также стал большим событием в жизни Греческой Церкви. Чтобы понять, почему так случилось, мы скажем два слова об историческом контексте, в котором этой книге невольно пришлось сыграть одну из главных ролей.

*О том, что православным христианам
необходимо часто причащаться
Божественного Тела и Крови
нашего Господа*

Повелевается всем православным христианам причащаться часто, во-первых, Владычными заповедями Господа нашего Иисуса Христа, во-вторых, Деяниями и Правилами святых апостолов и священных Соборов, а также свидетельствами Божественных отцов, в-третьих, самими словами, чином и священнодействием святой литургии, а в-четвертых, наконец, собственно самим святым причащением.

1. Господь наш Иисус Христос, прежде чем преподать таинство причащения, сказал: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира. То есть пища, которую Я хочу вам дать, — это Плоть Моя, которую Я хочу отдать для оживотворения всего мира». Это значит, что Божественное причащение для верующих — это необходимая составная часть духовной и по Христу жизни. Но поскольку эта духовная и по Христу жизнь не должна угашаться и прерываться (как говорит апостол, духа не угашайте), а должна быть постоянной и непрерывной, дабы живые не для себя жили, но для Умершего за них и Воскресшего (по тому же апостолу), то есть чтобы живущие верные жили более жизнью не собственной и плотской, но жизнью Христа, Который за них умер и воскрес — с необходимостью, таким образом, требуется, чтобы было постоянным и то, что ее составляет, то есть Божественное причащение.

И в другом месте Господь говорит повелительно: «Истинно, истинно говорю вам: если

не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». Из этих слов становится ясно, что Божественное причащение для христиан настолько необходимо, насколько необходимо и святое крещение, поскольку то же самое двойное повеление, которое Он сказал о крещении. Он сказал и о Божественном причащении. О святом крещении Он сказал: «Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие». И о Божественном причащении подобным же образом: «Истинно, истинно говорю вам, если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни». Итак, как без крещения никому невозможно жить духовной жизнью и спастись, так невозможно никому жить и без Божественного причащения. Однако поскольку эти два таинства имеют то различие, что крещение происходит один раз, а Божественное причащение совершается постоянно и ежедневно, отсюда делается вывод, что в Божественном причащении есть две необходимые вещи: во-первых, оно должно совершаться, а во-вторых, совершаться постоянно.

К тому же, когда Господь передавал это таинство Своим ученикам, Он не сказал им в форме совета: «Кто хочет, пусть ест Мое Тело, и кто хочет, пусть пьет Мою Кровь». Он сказал: «Если кто хочет идти за Мною» и «Если хочешь быть совершенным». Но на Тайной вечери: *Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал (повелительно): примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из*

нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов (Мф. 26, 26—27). То есть непременно вы должны есть Мое Тело и обязательно должны пить Мою Кровь. И вновь говорит: «Сие творите в Мое воспоминание». То есть это таинство Я вам предаю, чтобы оно совершалось не один, или два, или три раза, но ежедневно (как то объясняет божественный Златоуст) в воспоминание Моих страданий, Моей смерти и всего Моего домостроительства спасения.

Эти слова Господа ясно представляют два необходимых момента в причащении: один состоит в обязательном повелении, которое они содержат, а другой — в длительности, на которую указывает слово «творите», что, понятно, означает то, что нам повелевается не просто причащаться, но причащаться непрестанно. Итак, каждый теперь видит, что не позволено православному нарушать это повеление, какого чина бы он ни был, но ему вменяется в долг и обязанность хранить это непременно, принимать это как Владычние заповеди и установления.

2. Божественные апостолы, следуя этой настоятельной заповеди нашего Господа, вначале проповеди Евангелия, при первом удобном случае, собирались со всеми верными в тайном месте из-за опасения от иудеев, учили христиан, молились и, совершая таинство, причащались и сами, и все собравшиеся, как об этом свидетельствует святой Лука в «Деяниях апостолов», где говорит, что три тысячи, которые уверовали во Христа в день Пятидесятницы и крестились, были с апостолами, чтобы слышать их учение, чтобы приобретать от них пользу, молиться с ними и причащаться Пречистых

Таин, дабы освящаться и лучше утверждаться в вере Христовой. «Они постоянно пребывали, — говорит он — в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». И чтобы это необходимое предание Господа сохранялось последующими христианами и со временем не забылось то, что апостолы тогда делали, то и написали в 8-м и 9-м своих Правилах, повелевая со строгим испытанием и с наказанием отлучения, чтобы не остался никто без причастия Божественных Таин, когда совершается святая литургия. «Аще епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из священного списка при совершении приношения не причастится: да представит причину, и аще есть благословна, да будет извинен. Аще же не представит: да будет отлучен от общения церковного, яко соделавшийся виною вреда народу, и на совершавшего приношение наведший подозрение, аки бы неправильно совершает». То есть если кто-нибудь не причастится, когда совершается святая литургия, пусть скажет причину, почему не причастился, и, если она уважительна, пусть его простят, если же он этого не говорит, тогда должен быть отлучен.

А в 9-м правиле они говорят: «Всех верных, входящих в церковь и писания слушающих, но не пребывающих на молитве и святом причащении до конца, яко безчиние в церкви производящих, отлучати подобает от общения церковного». То есть все те верующие, которые приходят в церковь и слушают Писания, но не остаются на молитве и святого причастия не приобщаются, должны отлучаться от Церкви, потому что производят безчинство в церкви.

Объясняя это правило, Вальсамон говорит: «Определение этого правила очень суровое, ибо оно отлучает приходящих в церковь и не остающихся до конца и не причащающихся». И другие каноны подобным образом повелевают, чтобы все были готовы и достойны причащения.

Антиохийский собор, следуя святым апостолам, во-первых, подтверждает их вышеприведенное правило, а затем добавляет: «Все входящие в церковь и слушающие священные писания, но по некоему уклонению от порядка не участвующие в молитве с народом или отвращающиеся от причащения святой Евхаристии, да будут отлучены от Церкви дотоле, как исповедаются, окажут плоды покаяния и будут просить прощения и таким образом смогут получить оное». То есть все те, которые входят в церковь и слушают священные писания, но не молятся вместе с остальным народом или отказываются от Божественного причащения, должны отлучаться до тех пор, пока не исповедаются, и не покажут плодов покаяния, и не будут просить прощения, после чего могут быть прощены.

Итак, видите, братья мои, что все христиане подлежат непременно отлучению и должны причащаться часто и что они обязаны делать это на каждой литургии, чтобы не быть отлученными и святыми апостолами, и святым собором.

3. Если мы внимательно присмотримся к Божественной и святой литургии, то увидим, что с начала до конца вся она имеет целью и указывает на причащение собравшихся верующих христиан, ибо это обнаруживают и молит-

вы, которые читает священник тайно, и возгласы, и все слова и священнодействия, и чин, которые происходят на ней.

В молитве, которая называется молитвой верных, написано: «Дажь им (то есть верным), всегда со страхом и любовью служащим Тебе, неповинно и неосужденно причастится святых Твоих Таин». В молитве, которая следует за совершением Таин, написано: «Яко же быти причащающимся во трезвение души, во оставление грехов». То есть чтобы послужили эти святые Дары причащающимся верным для очищения души и прощения грехов. В молитве, которая находится перед причащением, говорится: «И сподоби державною Твоею рукою преподать нам пречистое Тело Твое и честную Кровь, и нам и всем людям». То есть удостой нас. Господи, дать нам Своей крепкой рукой Твое Святое Тело и честную Кровь и посредством нас передай всему Твоему народу.

Это мы видим также и в возгласах, когда священник взывает как бы от Лица Господа к народу: «Примите, ядите, сие есть Тело Мое» и «пиите от нея вси, сия есть Кровь Моя». И когда, держа в своих руках святую Чашу с животворящим Телом и Кровью, выходит из врат и показывает ее народу, тогда приглашает его к Божественному причащению и громко взывает: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите». То есть подходите со страхом Божиим, верою и любовью причащаться Божественных Таин.

После причащения священник и народ благодарят Бога за эту великую благодать, которой они удостоились. Народ благодарит: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего Госпо-

ди, яко сподобил еси нас причаститися святым Твоим, Божественным, безсмертным и животворящим Таинам», что значит: «О Господи, пусть уста наши наполнятся славословием Тебе, ибо Ты нас удостоил причаститься святым и безсмертным Твоим Таинам». А священник говорит: «Прости приемше Божественных, Святых, Пречистых и животворящих Таин, достойно благодарим Господа», что значит: «Братья, поскольку с чистой совестью мы все причастились святых и животворящих Таин, давайте вместе благодарить Господа».

Но и Херувимская песнь, которую поет народ, если кто-нибудь задумается, является подготовкой к причащению, потому что она говорит: «Все мы, таинственно изображающие многоочитых Херувимов и поющие трисвятую песнь Животворящей Троице, давайте очистим наш ум от всякой заботы и хлопот этого мира, ибо предстоит принять нам в нашу душу и причаститься Царя всего сущего, Которого окружают невидимо чины небесных Ангелов». То же самое означает и молитва Господня, возглашаемая после преложения таинств, ибо в ней христиане просят Бога и Отца дать им насущный хлеб, которым является, главным образом, святое причащение.

Да и сами названия литургии — «общение» и «собрание», как она по преимуществу называется, побуждают в некотором смысле с необходимостью к частому причащению. Ведь «общение» и «собрание» значат, что посредством причащения Тела и Крови Христовых все верные собираются, общаются и соединяются со Христом и делаются с Ним одно тело и один дух.

Итак, на основании всего этого священно-го чина Божественной литургии я прошу вас, братья мои, скажите мне со страхом Божиим и прислушиваясь к совести в вашей душе, не очевидно ли, что те христиане, которые приходят на литургию, обязаны причащаться часто? Не имеют ли они долга делать это и чтобы была явлена литургия как общение, собрание и трапеза, и чтобы не оказались они преступниками того, во что веруют и что исповедуют? А если они не причащаются, как сами признаются, то, боюсь, не оказываются ли они преступниками? И поэтому я не знаю, имеют ли истинный чин, и уместно ли то, что их приглашает священник, и другие слова и священнодействия и устав, который бывает на литургии? Все, как один, отступают, и не находится ни один христианин, который исполнил бы их и послушался бы приглашения священника, или, чтобы сказать лучше, Бога, но каждый уходит от святыни ни с чем, не приняв ее и не подойдя, чтобы причаститься.

И божественный Златоуст, следуя священным правилам святых апостолов и святых соборов, о которых мы сказали прежде, особенно же размышляя о всех этих священнодействиях Божественной литургии и видя, что они имеют целью причащение верных, выносит суждение, что те, которые приходят на литургию и не причащаются, недостойны и самого входа в храм. Он говорит: «Я вижу, что многие причащаются Тела и Крови Христовых просто так и как случится, движимые скорее обычаем и законническим отношением, а не разумным рассуждением. Ибо, когда придет время святой Четыредесятницы, каждый, каким бы он

ни был, то есть достойным или недостойным, причащается Таин. Так же каждый делает и когда придет день Богоявления, даже если ему не время причащаться.

Но ни Богоявление, ни Четырдесятница не делают людей достойными причащения, а делают их достойными искренность и чистота души. С этой чистотой души ты можешь причащаться всякий раз, когда присутствуешь на литургии, а без нее не причащайся никогда, ибо, говорит Павел, всякий раз, когда вы это совершаете, возвещаете смерть Господа, то есть совершаете воспоминание вашего собственного спасения и благодеяния, которое вам сделано.

Подумай, сколько тщательности употребляли те, которые ели от жертвоприношений ветхого закона. Ибо чего они только не делали! Чего не употребляли! Они постоянно очищались. Ты же, имея намерение причаститься той Жертвы, перед которой трепещут Ангелы, очищение ограничиваешь промежутками времени. И как ты предстанешь на суд Христов, если дерзаешь причащаться со скверными руками и устами?

Вижу, что происходит большой беспорядок в этом деле. В иное время вы не причащаетесь, хотя бываете зачастую и чистыми, а когда приходит Пасха, даже если сделали какое-либо зло, дерзаете и причащаетесь. О дурной обычай! О злой предрассудок! Напрасно совершается ежедневно литургия, напрасно мы стоим в алтаре — никто не подходит причаститься. Говорю это не для того, чтобы вы причащались просто так и как случится, но чтобы вы делали себя достойными.

О человек! Ты недостойн причастия? Тогда ты недостойн и слышать молитвы литургии. Ты слышишь диакона, который стоит и взывает: «Те, которые пребываете в покаянии, все просите Бога, дабы вас простил». Те, которые не причащаются, находятся все еще в чине кающихся. Итак, что ты стоишь? Если ты в чине кающихся, тогда ты не можешь причаститься, ведь тот, кто не причащается, среди кающихся находится. Для чего взывает диакон: «Изыдите те, которые не можете молиться Богу», а ты стоишь нагло? Если же ты не из кающихся, но из тех, кто имеет возможность причащаться, как же ты не заботишься, чтобы причаститься? Или ты не считаешь причастие великим даром и пренебрегаешь им?

Задумайся, прошу тебя! Здесь царская трапеза, Ангелы служат на этой трапезе. Сам Царь здесь присутствует, а ты стоишь, как зевака. Одежды твоей души не чисты, и это тебя не трогает? Но, может быть, они чисты? Тогда садись и ешь от нее. Христос на каждой литургии приходит увидеть тех, которые сидят на трапезе, со всеми разговаривает и теперь говорит каждому в его совести: «Друзья, как вы стоите здесь, в церкви, не имея брачной одежды?» Разве Он не спросил: «Почему ты сел за трапезу?» Но даже прежде, чем тот сел, говорит ему, что он недостойн даже войти сюда. Ведь Он сказал не «почему ты возлег?», а «как ты вошел?».

То же самое и теперь возглашает Христос всем нам, стоящим нагло и с безстыдством, ведь всякий не причащающийся Таин стоит безстыдно и нагло. По этой причине диаконы

удаляют первыми тех, которые пребывают во грехах.

Ибо, когда Господин должен войти на трапезу, там не должны находиться те рабы, которые провинились, но они должны убегать от его лица. Так, безусловно, происходит и здесь, когда совершается литургия и Агнец, Ягненок Владычный, приносится в жертву.

Когда ты услышишь: «Помолимся все сообща», когда ты увидишь, что открываются врата алтаря, тогда считай, что открывается небо и снисходят ангелы. И как не должен быть здесь ни один некрещеный, так не должен быть и ни один, хотя и крещеный, но нечистый и скверный.

Скажи мне, пожалуйста, если бы кто-нибудь был приглашен на трапезу, пошел туда, помыл свои руки, сел и приготовился к трапезе, а затем не стал бы есть, разве он не оскорбил бы того, кто его пригласил? Не лучше ли было бы, если бы он не приходил вообще? Так и ты: пришел на трапезу, пел с остальными песнопения, исповедовал, что ты достоин, поскольку не удалился вместе с недостойными, как ты можешь после всего этого оставаться на литургии и не причащаться от этой трапезы?

Но ты говоришь: «Я недостойн». Тогда ты недостойн участвовать и в молитвах, потому что Святой Дух нисходит не только на предлагающие Святые Дары, но и на эти песнопения. Разве ты не видел, как рабы господ своих сначала моют трапезную, убирают дом и затем уже предлагают блюда? Это делается у нас посредством молитв, посредством возгласа диакона: мы моем, как губкой, церковь, чтобы Таины

были предложены в чистой церкви и не нашлось в ней никакого пятна, никакого порока. Нечистые глаза недостойны видеть этого зрелища, оскверненные уши недостойны слышать эти песнопения. Так повелевает закон: если даже животное хотело приблизиться к Синайской горе, то должно было быть побито камнями. Так они были недостойны находиться даже у подножия горы, хотя впоследствии и приблизились, и видели место, где был Бог. Следовало приближаться и видеть после. А когда присутствовал Бог, надо было удалиться».

Так и ты, христианин, если недостойн в конце литургии приблизиться и увидеть Бога, убегай вместе с оглашенными, ибо, продолжает Златоуст, «ничего большего, чем они, не имеешь». Ведь это не одно и то же: никогда не причащаться, будучи некрещеным, и после крещения, сподобившись причастия, оказаться согрешившим и не достойным причащения.

Хотел бы сказать вам еще больше и страшнее, но, чтобы не перегружать ваш ум, достаточно и этого. Ибо те, которые не вразумляются этим, не смогут вразумиться и большим. Итак, дабы наши слова не послужили к еще большему осуждению вас, просим вас не о том, чтобы вы не приходили, а о том, чтобы вы соделали себя достойными и присутствия на литургии, и причащения.

Скажи мне, пожалуйста, если бы некий царь повелел: «Тот, кто совершит такое-то зло, пусть не приближается к моей трапезе», то ради этой чести разве вы не захотели бы приложить все возможные силы ваши, чтобы предохранить себя от зла? Когда же священник приглашает нас подойти причаститься, тогда Господь нас

призывает взойти на небеса, на трапезу великого и чудного Царя, а мы отказываемся, и медлим, и не спешим, и не стремимся к этому. И какая тогда надежда на спасение нам остается? Мы не можем сказать, что нам препятствует болезнь или естество, но недостойными делает нас только наше нерадение».

Слышишь, брат мой, что говорит этот великий учитель Церкви? Что недостойны приходить на литургию те, которые, не имея препятствия, не готовы причаститься.

Но что ты отвечаешь? Что, поскольку дела обстоят так, не буду ходить вообще на литургию.

Нет, брат мой, нет. И это тебе не разрешается делать, потому что тогда ты подлежишь отлучению, как определяет святой и вселенский Пятошестой собор, говоря: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоящей нужды или препятствия, которым бы надолго устранен был от своего церкви, но, пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц не приидет в церковное собрание: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения». То есть тот, кто находится в городе и не ходит в церковь три воскресных дня подряд, если он священнослужитель, то должен быть лишен сана, а если мирянин, то должен быть отлучен. То же самое определяет и Сардикийский святой поместный собор в своем 11-м правиле.

Итак, ты подлежишь наказанию отлучения, возлюбленный, если не делаешь и то и другое, то есть не ходишь на литургию и не

готовишься, сколько можешь, причаститься, если нет у тебя препятствий. Ни одно ты не можешь нарушить, ни другое.

Если ты всего этого не нарушаешь, то сохраняешь в целостности все священнодействия Божественной литургии, как мы прежде сказали, и не преступаешь чина, который получила Церковь от Самого Господа нашего, от апостолов, от соборов, а также и от святых. А чин таков: святой Хлеб должен разделяться на каждой литургии, и те верные, у которых нет препятствия, должны приходить причащаться.

Как говорит Симеон Солунский, «Божественная литургия — это служба, цель которой — священнодействие Самого Пресвятого Тела Христова и Крови и чтобы даны они были в причащение всем верным. И, как таковая, цель ее состоит только в причащении».

Святой Николай Кавасила, епископ Диррахийский, пишет: «Дело святой службы Священных Таин — это предложение Божественных Даров в Божественные Тело и Кровь. Цель же ее — чтобы верные были ими освящены».

Мудрый Иов, о котором свидетельствует святой Фотий в своей «Библиотеке», в книге «О таинствах» так говорит: «Вся священная служба понимается в причащении Святынь, поскольку цель ее, и назначение, и дело — причащение животворящих и страшных Таин и Святынь».

Гавриил Филадельфийский в книге «О таинствах» говорит, что Божественная литургия совершается ради трех причин. Во-первых, во славу и похвалу Бога и Спасителя нашего и в воспоминание смерти и воскресения Его, как

Сам Он сказал: «Сие творите в Мое воспоминание». Во-вторых, ради упокоения и освящения душ усопших благочестивых православных христиан. И в-третьих, ради живых. Так что, когда совершается Божественная литургия во славу, и в похвалу, и в воспоминание смерти и воскресения Господа нашего, в вере усопшие наши братья получают от Бога упокоение и освящение, насколько это возможно.

Живые же верные, не причащающиеся Божественных Таин на литургии, недоумеваю, как могут освятиться, святой Кавасила говорит, что они не освящаются. И послушай опять его: «Если души подготовлены и готовы причаститься, а освящающий и все совершающий Господь всегда желает освящать и любит Себя отдавать каждому, тогда что может воспрепятствовать причащению? Конечно, ничто. Но кто-нибудь спросит: «Если кто из живых, имея в душе блага, о которых говорилось, не приступит к Тайнам, не получит ли он тем не менее освящение от совершающейся литургии?» На такой вопрос мы отвечаем, что это может получить не всякий, но только тот, кто не может прийти телесно, как это бывает и с душами умерших. Если же кто-нибудь может, но не приступает к трапезе, чтобы сподобиться освящения от нее, для такого получить освящение совершенно невозможно — не только потому, что он не приступил, но потому, что не приступил, будучи в состоянии это сделать». То есть, будучи в состоянии пойти, пренебрег и вознерадел, и поэтому не пошел.

Согласно этому, не только то, что мы до сих пор говорили, обязывает каждого христианина, не имеющего препятствия, непрестан-

но причащаться, но и Божественное причащение и приобщение само по себе, если мы задумаемся, привлекает каждого наслаждаться им постоянно, ибо является просто-напросто составной частью жизни души. Посмотрим теперь, что это значит.

Составной частью схоластические богословы называют тот предмет, без которого невозможно быть тому, что бывает. Так, например, в жизни человека составной частью является дыхание, ибо без него невозможно выжить человеку. Так же необходимо питание для телесного состава. И как частое дыхание необходимо для жизни, а питание необходимо, чтобы составлять телесное естество, так и частое причащение необходимо для жизни души и для состава ее сущности. Или, чтобы сказать лучше, гораздо и несравненно более необходимо.

И призовем теперь в свидетели Василия Великого — основание праведных догматов Церкви, чтобы он нам сказал: «Необходимо для жизни вечной приобщение Тела и Крови Христовых». И также: «Должно возрожденному крещением питаться впоследствии причащением Божественных Таин. Ибо необходимо нам в дальнейшем питаться пищей жизни вечной, которую нам предал Сын Бога Живого». И, будучи спрошен некоей женщиной по имени Кесария Патриция, он отвечает в одном из своих писем: «Приобщаться каждый день и причащаться Святого Тела и Крови Христовых хорошо и полезно, так как Сам Господь ясно говорит: «Тот, кто ест Мою Плоть и пьет Мою Кровь, имеет жизнь вечную». Кто же сомневается, что причащаться непрестанно жизни есть не что иное, как жить многообразно?» То есть

жить всеми душевными и телесными силами и чувствами.

Монах Иов Исповедник говорит: «Если говорить о святыне причащения, то праведному и порядочному христианину хорошо, и справедливо, и естественно часто освящаться и прибегать к этой святыне, и жаждать ее более, чем мы желаем дышать. Поэтому каждый имеет разрешение причащаться постоянно, так что, если возможно, достойные не имеют препятствия причащаться даже каждый день».

Геннадий, патриарх Константинопольский, очень мудро излагает, насколько необходимо для христианина святое причастие, говоря: «И ныне таинство соделывает своим причастникам преуспеяние жизни по Христу. То, что совершает телесно видимая часть таинства, то есть хлеб и вино для тела, то же самое оно таинственно и невидимо совершает в душе. Тело Христово питает и составляет нашу душу, подобно тому как хлеб делает это для тела. Как мы возрождаемся, когда принимаем крещение и благодатное бытие получаем вместо бытия греховного, так и, когда питаемся таинством причащения, мы получаем пребывание в благодати и преуспеваем. Подобно тому, как естественный жар тела удаляет из него присущую ему влагу, если тело не получает помощь от пищи, и поэтому пищей и питьем хорошо сохраняется состав тела и восполняется та влага, которую тело потеряло от жара, и иным образом человеческая жизнь не может сохраниться даже на малое время, так и жар злобы, поедая душу изнутри, иссушает благоговение и истребил бы его совершенно, если бы душа не воспринимала эту духовную

пищу, которая сопротивляется тлетворной силе злобы и обновляет и возвращает в нас духовные дары Божии.

Тело же Христово, с одной стороны, питая нас, согласно своей телесной природе, с другой стороны, согласно своей чистоте, очищая и освящая, будучи соединено с Божественной природой, в достатке подает нам духовное питание, и мы, таким образом, питаясь хорошо этой пищей, вновь приобретаем духовное здоровье и чистоту, которых нас лишило тогда в раю вкушение запрещенного древа.

Необходимо было нам, потерявшим вкушением телесной пищи те первые чистоту и здоровье, вновь их приобрести телесной пищей. И следовало подобное исцелить подобным, а противоположное — противоположным. Ведь обе эти пищи телесные — и испортившая нас вначале, и сохраняющая здоровье и духовную жизнь теперь. Однако ту пищу Бог нам запрещал, эту же ныне разрешает и подает. Ту нам подал лукавый бес, этой же пищи Сын Божий делается не только советником, но и служителем. Та пища была добыта воровством, а к этой мы явно приглашаемся. В той был сокрыт яд преступления, а эта скрывает в себе сокровище безчисленных благ».

Итак, братья мои, раз уж необходимо для не имеющих препятствий христиан частое причащение, как было доказано на основании свидетельств, которые мы привели до сих пор, то и для нас является большой необходимостью причащаться часто, чтобы иметь нам жизнь в себе, которая есть Иисус Христос, и дабы нам не умереть душевной смертью. Ведь те, которые не питаются часто от этой духов-

ной пищи, конечно, умирают, хотя и кажется, что живут телесно. Однако душевно они мертвы, ибо удалились от духовной и истинной жизни, которую доставляет святое причастие.

И как младенец, когда рождается, плачет и просит с большой охотой пищу и молоко, а когда не ест, не имеет аппетита, то это признак, что он болен и находится в опасности умереть, так и мы должны иметь охоту есть святое причастие, духовную пищу, дабы нам оживотворяться. А в противном случае мы находимся в опасности душевно умереть.

Божественный Златоуст говорит: «Итак, не будем нерадеть, удостоившись такой любви и чести. Не видите ли вы детей, с какой охотой они стремятся к материнской груди, с каким рвением их губы хватают грудь? С таким же рвением да приходим и мы к этой Трапезе, к этой духовной груди, пожалуй, даже с большей охотой. Ухватимся, как дети за материнскую рубашку, за благодать Духа. И пусть у нас будет только одна скорбь — не причащаться этой Пищи».

*О том, что полезно и спасительно частое
причащение святых Таин*

И прежде чем причащается христианин, и когда причащается, и после того, как причастится, великую пользу получает от Божественных Таин и для души, и для тела. Прежде чем причастится кто-либо, ему необходимо совершить должную подготовку, то есть он исповедуется духовному отцу, сокрушается, исправляется, умиляется, приобретает внимание к

своей духовной жизни, предохраняется от страстных помыслов, насколько это возможно, и от всякого другого зла.

Таким же образом он воздерживается, молится, бодрствует, делается более благоговейным и всякое иное благодеяние совершает, размышляя, какого страшного Царя ему предстоит принять в самого себя, и особенно когда он задумается о том, какую он совершит подготовку, такая же дана ему будет благодать от святого причащения. Очевидно, что чем чаще совершает кто-либо такую подготовку, тем большую получает пользу.

Когда же христианин причащается, кто может постигнуть, какие дары и дарования подаются ему от Божественного причащения? Как немощный язык наш может по порядку это передать? Приведем вновь Божественных и священных учителей Церкви, чтобы они нам сказали все по порядку своими красноречивыми и богодухновенными устами.

Григорий Богослов говорит: «Священнейшее Тело Христово, когда хорошо приемлется, для воюющих является оружием, для удаляющихся от Бога — возвращением, немощных укрепляет, здоровых веселит, болезни лечит, здоровье сохраняет, благодаря ему мы легче исправляемся, в трудах и скорбях делаемся более терпеливыми, в любви — более горячими, в знании — более утонченными, в послушании — более готовыми, к действиям благодати — более восприимчивыми. А для тех, которые причащаются нехорошо, последствия противоположные, потому что они не запечатаны честной Кровью нашего Господа. Как говорит сам Григорий Богослов: «С тех пор Агнец закаляется;

и запечатлеваются честной Кровью дело и слово, то есть навык и действие — столпы наших врат, подразумеваю под вратами движения и мысли ума, которые легко отворяются и затворяются от созерцания». Иными словами, легко открываются для созерцания и вновь закрываются от созерцания высших и непостижимых смыслов.

Преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Будем прилежать, братья, безмолвию, посту, молитве, слезам, церковным собраниям, рукоделию, общению со святыми отцами, послушанию истине, слушанию Божественных Писаний, чтобы не иссох наш разум, а более же всего постараемся сделать себя достойными причащения Божественных и пречистых Таин, чтобы наша душа очистилась от рождающихся помыслов неверия и нечистоты и дабы поселившийся в нас Господь избавил нас от лукавого».

Божественный Кирилл Александрийский говорит, что благодаря Божественному причащению мысленные воры — бесы — не находят позволения входить посредством чувств в нашу душу: «Под дверью совершенного дома души подразумевай наши чувства, через которые входят в сердца всех людей образы всех вещей и изливается в них безмерное множество желаний. А пророк Иоиль называет их чувства окнами: «Входят в окна, как воры», ибо они не были помазаны Кровью Христовой. И вновь говорит Писание, что после заклания агнца «пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей в домах», указывая, что честной Кровью Христа мы сохраняем эту земную нашу храмину, то есть наше тело, и изгоняем древнее омертвление

преслушания тем, что наслаждаемся причастием жизни, удаляя к тому же от нас и губителя помазанием Крови Христовой».

Божественный Кирилл и в другом месте говорит, что благодаря причащению мы очищаемся от всякой душевной нечистоты и получаем готовность и ревность к добру: «Честная Кровь Христа не только от тления нас избавляет, но и от всякой нечистоты, сокрытой внутри, и не оставляет нас охлаждаться в нерадении, но делает нас более горячими в Духе». Святой Феодор Студит чудесно описывает пользу, которую каждый получает от частого причащения: «Великую силу имеют слезы, умиление, но прежде всего и более всего — причащение святынь, по отношению к которым видя вас, не знаю почему, расположенными нерадиво, я очень удивляюсь. Если будет воскресенье, вы еще приступаете к таинству, если же литургическое собрание случится в другой день — никто не причащается, хотя в монастыре желающему можно было бы причащаться каждый день. Теперь же литургия совершается реже, но вы и при этом не причащаетесь.

Говоря же это, я не имею в виду, чтобы вы захотели причащаться просто так и как случится, ибо написано: «Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе», — не различая, где Тело и Кровь Господа. Не для того я говорю, да не будет! Но для того, чтобы с желанием приобщения насколько возможно мы очищали себя и делали себя достойными этого дара, ибо причастием жизни является предлежащий Хлеб, сшедший с небес. Если

кто будет есть от этого Хлеба, будет жить во-век: «Хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира». И снова: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем».

Видишь непостижимый дар? Он не только умер за нас, но и Самого Себя предложил нам в пищу. Что может быть большим знамением крепкой любви? Что может быть спасительнее для души? К тому же обычную пищу и питье никто не отказывается есть каждый день, а если и не поест — чрезвычайно огорчается. Что же касается не обыкновенного хлеба, но Хлеба жизни, и не обычного питья, но Чаши бессмертия, то мы относимся к ним как к вещи неважной и не абсолютно необходимой. Что может быть более безумным и безрассудным? Впрочем, как бы дела ни обстояли до сих пор, на будущее, прошу вас, будем оберегаться, зная силу дара, и, насколько возможно очищенные, да причащаемся святынь. И если случится, что мы заняты какой-нибудь работой, как только зазвучит колокол, да оставляем дело и идем причащаться Даров с великой охотой. И это, как я думаю или, вернее, как истинно на самом деле, будет нам очень помогать, так как подготовка ко причащению будет хранить нас в чистоте. Если же мы будем равнодушны к приобщению, то как избежим того, чтобы работать страстям? Да будет же нам причащение проводником в жизнь вечную.

Итак, братья мои, если будем делать так, как нам повелевают Божественные отцы, и причащаться часто, то не только Божественную благодать мы будем иметь помощником и сотрудином в этой маловременной жизни, но

будут нам помогать и Ангелы Божии, и Сам Владыка Ангелов, а кроме того, далеко отбросим от себя противников-бесов, как говорит божественный Златоуст: «Как львы, дышащие огнем, так мы отходим от этой Святой Трапезы, став страшными для диавола, имея в себе и нашего Главу Христа, и любовь, которую Он нам оказал. Эта Кровь делает сияющим царский образ нашей души, рождает невыразимую красоту, не дает увянуть благородству в душе, орошая ее непрестанно и питая. Эта Кровь, достойно принимаемая, прочь гонит от нас бесов, Ангелов же привлекает вместе с Владыкой Ангелов. Бесы убегают, когда видят Владычную Кровь, а Ангелы собираются. Она — спасение наших душ. Ею радуется душа. Ею украшается. Ею согревается. Она делает наш ум светлее огня. Она делает нашу душу чище золота. Причащающиеся этой Крови стоят вместе с Ангелами и вышними силами, будучи одеты в ту же, что и у них, царскую одежду, и оружие имея духовное. Но я не сказал еще о самом великом: причащающиеся одеты в Самого Царя».

Видишь, возлюбленный мой брат, сколько чудесных даров ты получаешь, если причащаешься часто, видишь, как при частом причащении просвещается ум, светлеет разум, очищаются все силы души? А если ты хочешь умертвить и плотские страсти, причащайся часто и насладишься этим. В этом нас удостоверяет Кирилл Александрийский: «Верующий в благословенное причащение не только от смерти, но и от болезней, находящихся в нас, избавляется. Ибо приходящий в нас Христос усыпляет в наших членах неистовствующий закон

плоти и оживляет благоговение к Богу, а страсти умерщвляет».

Таким образом, без частого причащения мы не можем освободиться от страстей и взойти на высоту безстрастия. Так и израильтяне: если бы они не захотели есть пасху в Египте, не смогли бы из него освободиться.

Египет же означает жизнь страстную. И если мы не причащаемся непрестанно честному Телу и Крови нашего Господа, если было бы возможно, то и каждый день, мы не в состоянии освободиться от мысленных фараонитов. божественный Кирилл Александрийский именно так и говорит: «То, что израильтяне, будучи рабами и трудясь под начатом египтян, совершили, то есть закололи агнца и съели пасху, это означает, что душа человека не может иначе прийти к свободе и избежать тирании диавола, кроме как причащением Христу. Ибо Он Сам сказал: «Итак, если Сын освободит вас, то истинно свободны будете». И вновь говорит этот святой: «Принесшие в жертву ягненка сделали это, прообразуя Христа, ибо иным образом освободиться не могли», потому что свобода только силой Христа приобретается.

Итак, если и мы хотим убежать из Египта, то есть от мрачного и преследующего нас греха, и от фараона, то есть мысленного тирана, как говорит Григорий Богослов, и хотим унаследовать землю сердца и обетования, тогда должны и мы, подобно израильтянам, имевшим вождя Иисуса Навина, иметь Господа нашего Иисуса Христа посредством частого причащения, чтобы победить хананеев и иноплеменников, безчисленные страсти плоти, и гаваонитян обманчивые помыслы, чтобы

нам водвориться в городе Иерусалиме, который означает священный мир в отличие от мирского мира. По слову нашего Господа: «Мир Мой даю вам не так, как мир дает, Я даю вам». То есть: «Ученики Мои, Я вам даю Мой мир священный и святой, не такой, каков мир мирской, часто имеющий целью зло». Пребывая в этом священном мире, мы удостоимся получить в нашем сердце обручение Духа, как и апостолы, оставаясь в Иерусалиме по повелению Господнему, получили совершенство и благодать Духа в день Пятидесятницы. Ведь мир — это дар, который включает в себя все остальные Божественные дарования, и в мире живет Господь, ибо, как говорит пророк Илия, не в большом и сильном ветре был Бог, не в землетрясении, не в огне, а в веянии тихого и мирного ветра — там был Господь.

Однако никто не может приобрести мир, не имея других добродетелей, добродетель же не приобретается без исполнения заповедей, а заповедь, в свою очередь, не может исполняться в совершенстве без любви, любовь же не возобновляется без Божественного причащения. Итак, без Божественного причащения мы напрасно трудимся.

Ведь многие часто изыскивают сами в себе разные добродетели, надеясь спастись благодаря им и без частого причащения. Но это почти невозможно, ибо они не хотят подчиниться воле Божией, состоящей в том, чтобы причащаться часто согласно чину Церкви, то есть за каждой совершаемой литургией, когда они собираются в храм.

К таким людям Бог говорит через пророка Иеремию: «Меня, источник воды живой, оста-

вили и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды». Иными словами, оставили источник добродетели и дарований Святого Духа и выкопали в самих себе водоемы, продырявленные снизу, которые не могут держать воды.

И вновь говорит Бог через пророка Исаию: «Они каждый день ищут Меня и хотят знать пути Мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий законов Бога своего; они вопрошают Меня о судах правды, желают приближения к Богу: «Почему мы постимся, а Ты не видишь? смиряем души свои, а Ты не знаешь?» — Вот, в день поста вашего вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот, вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других; вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли тот пост, который Я избрал, день, в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник, и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем, угодным Господу?» Иными словами, они Меня ищут каждый день и хотят узнать премудрость Моего промысла, как будто бы это был народ праведный, сохранивший повеления Божии, и говорят: «Почему Ты не видишь, Господи, что мы постились? Почему Ты не хочешь знать, что мы столь страдали?» И отвечает Бог: «Я не слышу вас, потому что, когда вы поститесь, тогда вновь исполняете ваши злые пожелания. Такого поста и такого страдания Я не хочу. Но даже, если ты постелишь вместо ложа мешковину и золу, и такого поста Я не принимаю».

Но тогда труды принимаются и добродетели приносят пользу, когда совершаются по воле Божией. Воля же Божия состоит в том, чтобы мы делали так, как нам повелевает наш Господь, Который нам говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную». Это не просто заповедь, но всех заповедей глава, ибо является совершительной силой и неотъемлемой составной частью остальных заповедей.

Итак, возлюбленный мой, если ты хочешь зажечь в своем сердце Божественное рачение и приобрести любовь ко Христу, а с нею приобрести и все остальные добродетели, часто приступай ко святому приобщению — и тогда насладишься тем, чего желаешь. Ведь невозможно кому-либо не возлюбить Христа и не быть возлюбленным от Христа, если он непрестанно причащается Его святого Тела и Крови. Это происходит естественным образом. И послушай, как это бывает.

Некоторые недоумевают, почему родители любят своих чад. Подобным образом, почему и дети также любят своих родителей. Отвечаем: никто никогда не возненавидел самого себя и свое тело. Поскольку дети имеют свое тело от тел своих родителей и особенно потому, что питаются материнской кровью как во чреве матери, так и после рождения (ведь молоко, естественным образом, есть не что иное, как ставшая белой кровь), то я и говорю, что для них, детей, естественный закон — любить своих родителей, как и для родителей — любить своих детей. Ведь и зачаты дети из собственных тел родителей. Таким образом, те, которые часто причащаются Тела и Крови нашего

Господа, естественным образом зажгут в себе стремление и любовь к Нему, с одной стороны, потому что эти животочные и животворящие Тело и Кровь столь согревают в любви причащающихся, даже наиболее негодных и жестокосердых, сколь непрестаннее они причащаются, а с другой стороны, потому что ведение любви к Богу — это не что-то чуждое для нас, но естественно всеяно внутрь нашего сердца, как только мы рождаемся по плоти и возрождаемся по духу в святом крещении.

При малейшем удобном случае эти естественные искры мгновенно возгораются в пламя, как говорит премудрый в божественном Василии: «Одновременно с появлением животного, то есть человека, внедряется в нас некий семенной логос, который естественным образом рождает в нас способность любить Бога. Эту силу, то есть логос, возделывает тщательное исполнение заповедей Божиих, питает познание Бога и приводит к совершенству благодать Божия. Следует знать, что подвиг любви один, но он исполняет и включает в себя все остальные заповеди».

Итак, эту естественную силу — любить Бога — укрепляет, возвращает и совершенствует частое приобщение Телу и Крови нашего Господа. Святой Киприан пишет, что мученики, когда шли на страдания, прежде всего причащались пречистых Таин и, укрепившись от святого приобщения, так загорались любовью Божией, что бежали на поприще, как овцы на заклание, и вместо Тела и Крови Христовых, которых они причащались, проливали свою собственную кровь и предавали свое тело на различные муки.

Чего еще доброго хотел бы ты, христианин, получить и не получил бы от святого причащения? Хочешь праздновать каждый день? Хочешь праздновать Светлую Пасху когда пожелаешь и радоваться радостью неизреченной в этой прискорбной жизни? Непрестанно прибегай к таинству и причащайся с должной подготовкой, и тогда ты насладишься тем, чего желаешь. Ведь истинная Пасха и истинный праздник души — это Христос, Который приносится в жертву в таинстве, как говорит апостол, а вслед за ним и божественный Златоуст: «Четырдесятница один раз в год бывает. Пасха же — трижды в неделю, а иногда и четыре, точнее же — столько раз, сколько мы захотим, ибо Пасха — это не пост, но Приношение и Жертва, бываемая на каждом собрании. А то, что это истинно, услышь от Павла, говорящего: «Пасха наша, Христос, заклан за нас». Так что всякий раз, когда ты приступаешь с чистой совестью к таинству, ты совершаешь Пасху. Не тогда, когда ты постишься, а когда этой Жертвы причащаешься.

Ведь оглашенный никогда не совершает Пасху, хотя и постится каждый год, потому что Приношения он не приобщается». То есть не причащается. И напротив: «Непостящийся, когда приобщается причастия, если с чистой совестью приступит к таинству, тогда и совершает Пасху, будь то сегодня, будь то завтра, будь то в любой день. Ибо подготовка оценивается не наблюдением времен, а чистой совестью». То есть наилучшая подготовка к причащению состоит не в том, чтобы отсчитывать восемь, или пятнадцать, или сорок дней и тогда причащаться, а в том, чтобы очищать совесть.

Итак, те, которые, хотя и постятся перед Пасхой, но на Пасху не причащаются, такие люди Пасху не празднуют, как говорит этот Божественный отец. Те, которые не подготовлены в каждый праздник причащаться Тела и Крови Господних, не могут по-настоящему праздновать и воскресные дни, и другие праздники в году, потому что эти люди не имеют в себе причины и повода праздника, которыми является сладчайший Иисус Христос, и не имеют той духовной радости, которая рождается от Божественного приобщения.

Прельщаются те, которые считают, что Пасха и праздники состоят в богатых трапезах, во многих свечах, благоуханном фимиаме, серебряных и золотых украшениях, которыми они убирают церковь. Ибо этого Бог от нас не требует, поскольку это не первостепенное и не главное, как Он это говорит и чрез пророка Моисея: «Чего требует от тебя Господь, Бог твой? Того только, чтобы ты боялся Господа, Бога твоего, ходил всеми путями Его, и любил Его, и служил Господу, Богу твоему, от всего сердца твоего и от всей души твоей, чтобы соблюдал заповеди Господа Бога твоего и постановления Его».

Конечно, слово наше сейчас не о том, чтобы судить, хороши или нет те дары, которые мы приносим в церковь из благоговения. Они хороши, однако с ними мы должны прежде всего приносить и послушание святым заповедям нашего Господа и предпочитать это послушание всем другим приношениям, как и говорит пророк и царь Давид: «Жертва Богу — дух сокрушенный: сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже».

Апостол же Павел в Послании к Евреям иным образом говорит то же самое: «Жертвы и приношения Ты не восхотел, но тело уготовал Мне», что значит: «Господи! Ты не хочешь, чтобы я приносил тебе все иные жертвы и приношения. Ты хочешь только, чтобы я приступал к Божественным Тайнам и причащался Всесвятого Тела Твоего Сына, которое Ты уготовал на святом престоле, ибо такова Твоя воля». Поэтому, желая, чтобы ты показал, что готов к послушанию, апостол говорит: «Вот, иду исполнить волю Твою, Боже мой, и закон Твой у меня в сердце». То есть я иду совершить волю Твою со всей готовностью и исполнить закон Твой от всего моего сердца.

Поэтому если мы хотим спастись, то должны исполнять с радостью и любовью, как сыны, волю Божию и заповеди Его, а не со страхом, как рабы. Ведь страх хранит исполнение ветхих заповедей, а любовь — евангельских. Иными словами, находящиеся под законом исполняли заповеди и постановления закона из страха, чтобы не быть наказанными и подвергнутыми мукам. Мы же, христиане, поскольку более не находимся под законом, должны исполнять заповеди Евангелия не из страха, а по любви, как сыны должны совершать волю Божию.

Воля же Бога и Отца, по Его благоволению, с самого начала состояла в том, чтобы составить Тело для Единородного Своего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, как сказал апостол, то есть чтобы Его Сын воплотился и пролил Кровь Свою для спасения мира. И дабы мы все, христиане, непрестанно причащались Тела Его и Крови Его, чтобы посред-

ством частого приобщения и в этой жизни были сохранены от ловушек и уловок диавола, и когда совершится исход нашей души и она взлетит, как голубь, в свободе и радости на небеса, ей совершенно не воспрепятствовали воздушные духи.

И это подтверждает божественный Златоуст, говоря: «И другой мне рассказывал о некоем видении, которого он удостоился сам, а не узнал от кого-то. Если те, кому предстоит быть взятыми отсюда, окажутся причащенными таинств с чистой совестью, то, когда они умирают, их дориносят и возводят отсюда на небо Ангелы, благодаря причащению».

Поэтому и ты, брат мой, поскольку не знаешь, когда приходит смерть, — или сегодня, или завтра, или в этот час, — постольку должен всегда быть приобщенным пречистых Таин и быть готовым. И если воля Божия будет, чтобы ты еще жил в этой жизни, то будешь с благодатью святого причащения проводить жизнь, полную радости, полную мира, полную любви и сопровождаемую всеми остальными добродетелями. А если воля Божия будет тебе умереть, то, благодаря святому причащению, ты свободно минуешь бесовские мытарства, которые находятся в воздухе, и с неизреченною радостью поселишься в вечных обителях. Ведь поскольку ты всегда соединен со сладчайшим Иисусом Христом, всесильным Царем, то и здесь будешь жить блаженной жизнью, и, когда умрешь, бесы убегут от тебя, как молния, а Ангелы откроют тебе небесный вход и будут торжественно сопровождать тебя до самого престола блаженной Троицы.

О величие, которым наслаждаются христиане от частого приобщения и в этой жизни, и в будущей!

Хочешь ли ты, христианин, очиститься и от тех мельчайших прегрешений, которые ты, как человек, допускаешь или глазами, или ушами своими? Тогда приступай к таинству со страхом и сокрушенным сердцем — и очистишься, и будешь прощен. В этом удостоверяет святой Анастасий Антиохийский: «Если мы совершаем некие малые, человеческие и прощаемые провинности, будучи скрадываемы или языком, или слухом, или глазами, или тщеславием, или печатью, или гневом, или чем-нибудь подобным, то, укоряя себя и исповедуясь Богу, да причащаемся таким образом святых Таин, веруя, что причащение совершается во очищение всего этого», однако не от тяжелых или злых и нечистых грехов, которые мы совершили.

Об этом свидетельствуют и многие другие святые. Священный Климент говорит: «Причащаясь честного Тела и честной Крови Христа, возблагодарим Удостоившего нас причаститься святых Его таинств и да попросим, чтобы были они нам не в суд, а во спасение и во оставление грехов».

Василий Великий говорит: «И сподоби неосужденно причаститься пречистых сих и животворящих Твоих Таин во оставление грехов.

А божественный Златоуст говорит: «Якоже быти причащающимся во трезвение души, во оставление грехов». То есть чтобы послужили эти Таины причащающимся для очищения души и прощения грехов.

Хотя и исповедь, и исполнение епитимий

могут подавать прощение грехов, однако для освобождения от грехов необходимо Божественное причащение. При лечении зловонной раны сначала удаляют червей, потом отсекают сгнившие части и затем накладывают мазь для исцеления, потому что, если оставить рану без нее, она придет в прежнее состояние. Так бывает и с грехом: исповедь удаляет червей, исполнение епитимий отсекает сгнившее, а затем Божественное причащение бывает как бы мазью и исцеляет от греха. Ибо если не будет принято Божественное причащение, несчастный грешник возвращается в прежнее состояние, и бывает для человека того последнее хуже первого.

Слышишь, христианин мой, сколько даров ты получаешь от частого приобщения? И мельчайшие извинительные грехи твои прощаются, и раны твои исцеляются, и ты весь делаешься здоровым. Что иное может быть блаженнее, чем всегда готовиться и причащаться, и, благодаря подготовке и помощи Божественного причащения, находиться всегда свободным от грехов, чем быть тебе, земному, чистым на земле, как чисты Ангелы на небе? И какое иное счастье может быть больше, чем это?

И однако, я скажу тебе о еще большем. Если, брат мой, ты приступаешь к Тайнам часто, и достойно причащаешься этого нетленного, этого препрославленного Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, и становишься сотелесником и сокровником Христу, животворящая сила и действие этого пресвятого Тела и Крови в воскресении праведных оживотворят и твое собственное тело, и оно воскреснет нетленным, как пишет в Послании к Филиппийцам Божественный апостол, про-

славленным с Телом Христа, «Который униженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его».

Всю эту славу и дары, эти великие и вышеестественные блага, о которых мы до сих пор говорили, получает каждый христианин, когда с чистой совестью причащается Божественных Таин сладчайшего нашего Иисуса Христа, — и иные, еще большие, которые мы, ради краткости, оставляем.

Наконец, когда христианин причастится, тогда, размышляя, каких он страшных и небесных Таин приобщился, он внимает себе, чтобы не обесчестить благодать, боится своих помыслов, собирает и хранит их, полагает начало более строгой и добродетельной жизни и удаляется, насколько возможно, от всякого зла. Когда же опять задумается, что предстоит ему через несколько дней причаститься, удваивает внимание, прилагает готовность к готовности, воздержание к воздержанию, бдение к бдению, труды к трудам и подвизается, насколько это возможно. Ведь он оказывается словно стесненным с двух сторон: во-первых, тем, что он только что причастился, а во-вторых, тем, что скоро опять будет причащаться.

*О том, что если кто медлит
причащаться, то доставляет
себе этим большой вред*

Все противоположное прежде сказанному доставляет христианам редкое причащение, ибо тот, кто откладывает причащение, тот не делает никакой подготовки, не бывает внимателен, не имеет тщательного предохранения от

злых помыслов. Промедление в причащении становится причиной того, что он впадает в нерадение и тепло благоговения и Божественной любви охлаждается. Протяженность времени позволяет ему идти по жизни безопасно и небрежно, не иметь страха в своей душе, сдержанности в чувствах и осторожности в своих движениях, а также разрешает ему полную вольность и в еде, и в словах, и в неподобающих зрелищах и слушаниях, так что он делается подобным коню, который, не имея узды, соскальзывает во всякую пропасть греха. И это истина, что все это случается у откладывающих причащение, как то в ежедневном опыте и практике мы испытываем сами.

У меня вызывают удивление те христиане, которые бывают, насколько это возможно, достойными, однако причащаться не спешат. Как смогут они получить освящение и радость от Божественных Таин, как сказал Кавасила, слова которого мы приводили вначале? Как смогут они угасить огонь страстей, если не причащаются пречистых Таин, которые изгоняют всякую немощь, усмиряют дикую войну плоти и умерщвляют страсти, согласно священному Кириллу?

Как могут они очистить свой ум, просветить свой разум, удобрить все силы души, не причащаясь Тела и Крови нашего Господа, которые есть истинное очищение, истинная красота, истинное просвещение и благородство души, как прежде сказал нам божественный Златоуст?

Как возможно убежать им от мысленного фараона и из Египта, горького и преследующего их греха, когда они не запечатаны и не

знаменованы Честной Кровью Христовой, как говорил Григорий Богослов? Или каким образом они зажгут в своем сердце Божественную любовь, духовную радость, Божественный мир и остальные плоды и дарования Святого Духа, не причащаясь Тела и Крови возлюбленного Сына Отчего и единосущного Святому Духу, Который есть наша подлинная радость и мир, согласно апостолу, и источник всех благ?

Я недоумеваю и удивляюсь, как христиане нынешних времен могут праздновать или воскресенья, или другие праздники в течение года и духовно радоваться истинной радостью, если не причащаются постоянно Божественного приобщения, которое есть причина и повод всякого праздника и торжества.

Итак, безусловно, те, кто не причащается постоянно, те лишаются (о горе!) всех этих небесных и Божественных благ, а ко всему этому являются еще и преступниками заповедей и владычных повелений Господа, как мы сказали, и апостольских правил, и соборных канонов, и наставлений всех святых, свидетельства которых мы приводили. И они подпадают под наказание отлучения, которое налагают Божественные апостолы и Антиохийский собор, как мы прежде подробно изложили.

Таковые к тому же дают позволение и место диаволу своей задержкой причащения подвергать их в различные грехи и иные многие искушения, как говорит божественный Кирилл Александрийский: «Удаляющие себя от Церкви и причащения делаются врагами Бога и друзьями бесов».

И божественный Златоуст говорит: «Да не на мнозе удаляйся общения Твоего, от мыслен-

наго волка звероуловлен буду». То есть потому, Господи, я приступаю часто к таинству и причащаюсь, что боюсь, если буду отдаляться на долгое время от святого Твоего приобщения, то, оказавшись непокрытым благодатью, буду уловлен мысленным волком, дьяволом, и он меня умертвит.

Преподобный Палладий рассказывает об авве Макарии Египетском, что, после того как он исцелил ту женщину, которая по дьявольскому содействию казалась людям лошадью, он дал ей такой совет и сказал: «Женщина, никогда не отсутствуй на приобщении Таин Христовых, но причащайся часто, ибо это дьявольское действие случилось с тобой потому, что ты не причащалась пять недель, и от этого дьявол нашел место и досадил тебе».

Подобным образом и божественный Златоуст в тот день, когда был рукоположен, исцелив одного бесноватого, наставлял его часто ходить в церковь и приступать к Божественным Таинам с постом и молитвами, дабы бес не искушал его впредь. Так об этом пишет в житии святого Симеон Метафраст: «Некий безумный муж, будучи одержим нечистым бесом, вбежал внутрь церкви, испуская изо рта пену, с высунутым наружу языком, так что все видели это отвратительное зрелище. И тогда все стали молить святую эту душу — божественного Златоуста, дабы он помолился об исцелении страждущего. Он сказал этому человеку приблизиться, с любовью посмотрел на него и, знаменовав его своей рукой и призвав имя Святой Троицы, повелел лукавому бесу выйти. И сразу, когда это говорилось, слово стало делом, и человек мгновенно освободился от

ужасной бесовской болезни. После этого святой, подняв его, посоветовал ему быть прилежным в посещении церкви и приобщении Божественных святынь, быть внимательным к посту и молитвам. „Ибо, если так ты будешь поступать, — сказал он, — враг никогда тебе больше не досадит, и не будешь ты уловлен в его сети“.

Слышите, братья мои, какие беды претерпевают те, которые не причащаются часто, но удаляют себя от Таин? Слышите, что они и бесноватыми становятся, и видом своим в неразумных животных превращаются, как в древнее время преобразился в быка царь Навуходоносор? И справедливо они это претерпевают, ибо могут стать из людей богами по благодати благодаря непрестанному Божественному причащению, и не хотят, но, удаляясь от Божественного причащения, теряют и человеческий облик, который имеют, и превращаются в неразумных животных, и предаются во власть сатаны, как говорит псалмопевец: «Се удаляющие себе от Тебе погибнут». То есть, Господи, вот как совершенно погибают те, которые удаляют себя от Твоей благодати.

Не говорю уже о том, что с теми, которые не спешат причащаться, случается внезапная смерть и застает их неподготовленными, ибо они остаются без Божественного причащения. Что будет с ними, несчастными? Смогут ли они свободно миновать бесов-мытарей в воздухе? Какой страх и ужас испытает их душа, тогда как могла бы при частом приобщении освободиться от всего этого, как сказал выше божественный Златоуст. Смилуйся, Боже, над ними!

Итак, братья мои, поскольку редкое причащение причиняет нам столь великие и неизъяснимые беды, а частое приобщение дарует нам столь высокие, столь большие, столь небесные и вышеестественные блага и в этой жизни, и в будущей, почему мы так медлим причащаться? Почему не готовимся с должной подготовкой приобщаться Божественных Таин, если не каждый день, то хотя бы каждую субботу или воскресенье и каждый праздник? Следовало бы нам с великой радостью часто прибегать ко священной трапезе и приобщаться нашего сладчайшего Иисуса Христа, Который есть вся наша жизнь, дыхание, бытие наше, и вся надежда, и спасение наше, дабы быть нам всегда с Ним соединенными и неразлучными и в этой жизни, и в иной. Мы же, однако, соглашаемся и сильно радуемся тому, чтобы медлить и удалять себя от Него.

Если нас кто-нибудь лишит хотя бы на один день трапезы, состоящей из телесной пищи, то мы печалимся и тревожимся, и нам это кажется большим злом; если же мы лишаемся на день, и на два, и на целые месяцы духовной и небесной Трапезы Божественных Таин, то злом это не считаем. О великое безрассудство, совершаемое нынешними христианами, не видящими различия между телесным и духовным! Ибо они первое со всей любовью принимают, а второго совершенно не желают.

Многие боголюбивые христиане вкладывают большие деньги, претерпевают великие труды, переносят многие опасности и в море, и на суше, чтобы пойти поклониться в Иерусалим живоносному Гробу Господню и иным святым местам. И затем радуются, когда их на-

зывают паломниками этих святынь. Многие, слыша, что в некоем далеком месте находятся святые мощи какого-нибудь святого, бегут с большой готовностью, чтобы поклониться им и получить благодать и освящение.

Но чтобы причаститься пречистых Таин и удостоиться получить не животворный Гроб, не святые места, не мощи святых, но Царя всего и Святого святых, они или малое желание имеют, или их это совершенно не волнует. Чтобы пойти во святые места, и деньги тратят, и длинные дороги проходят пешком, и многие опасности переносят, тогда как, чтобы причаститься, не требуются ни трата денег, ни длинные пешеходные путешествия, ни перенесение опасностей. Достаточно только сделать сокрушенную исповедь, исполнить по-настоящему епитимию и подготовку, как сразу можно это получить и стать сотелесниками и сокровниками Христу. И, несмотря на всю эту простоту, опять же все нерадят по отношению к этому, все сразу отступают.

Ах, братья мои, если бы мы хотя бы один раз видели мысленными очами нашей души, каких высоких и каких великих благ мы лишаемся, не причащаясь непрестанно, тогда, конечно, мы приложили бы все свои силы, чтобы подготавливаться и причащаться, если бы была возможность, каждый день.

Итак, если до сих пор мы проявляли большое нерадение по отношению ко святому приобщению, отныне и впредь, прошу вас из глубины по-братски любящего сердца, да проснемся от тяжкого сна лености, приложим готовность и старательность. И если кто-нибудь из имеющих духовную власть попытает-

ся нам воспрепятствовать в этом богоугодном деле, да не охлаждаем сразу теплоту нашей решимости и да не унываем, нет, но да падем на колени и будем целовать, как блудница, его ноги, и будем настоятельно стучать в дверь и просить позволения. И конечно, я не верю, чтобы нашелся кто-нибудь настолько жестокосердый, что, видя нашу горячую готовность приступить ко святому приобщению, воспрепятствовал бы нам. Более того, я уверен, что каким бы он ни был суровым, как бы он ни боялся нарушить вредный обычай, который установился в этом деле, сердце его приклонится, чтобы дать нам позволение совершить то, чего мы желаем.

Возражение 1

Существуют некоторые благоговейные люди, которые, не ведая писаний, когда увидят какого-нибудь христианина причащающимся часто, препятствуют ему и упрекают, говоря, что так делать можно только священникам. И если ты хочешь причащаться часто, говорят, тогда станись и ты священником.

Таким людям мы отвечаем не нашими собственными словами, но словами святых писаний, священных соборов и святых и учителей Церкви. Мы говорим, что служение священников состоит в том, чтобы они приносили Божественные Дары и чтобы посредством их, как органов Святого Духа, Его наитием, совершалось освящение этих Даров. А также чтобы они предстательствовали к Богу за народ и исполняли другие священнодействия, которые

не может исполнять не посвященный в сан. Когда же наступает время приобщения и они собираются причаститься, тогда у священников нет никакого отличия от мирян или монахов, кроме того единственного, что священники преподают Таины, а миряне принимают, а также что священники причащаются в алтаре и непосредственно, без священной лжицы, миряне же и монахи — вне алтаря и посредством священной лжицы.

В том, что это истинно и что в причащении священники не имеют ни единого отличия от мирян, да будет свидетелем божественный Златоуст, говорящий: «Один Отец нас родил. Все мы одни и те же выстрадали роды». То есть все от одной матери родились — святой купели. «Одно и то же питание всем дается». То есть Кровь Господня дана всем: и священникам и мирянам. «И даже не просто одно и то же питание, но и из одной чаши. Ведь Отец, желая возвести нас к нежной любви, придумал то, чтобы мы все пили из одной чаши, которая является символом чрезвычайной любви». И в другом месте говорит: «В некоторых вещах священник ничем не отличается от мирянина. Когда, например, следует причащаться страшных Таин, все мы удостоиваемся одинаково того же самого не так, как в Ветхом Завете: одно ел священник, а другое — непосвященный. Закон ведь не позволял народу есть то, что ел священник. Ныне же не так, но всем одно Тело предлагается и чаша одна». Иными словами, теперь под благодатью Евангелия для всех обретается готовым на святом престоле одно и то же Тело Господа и одна и та же чаша.

Симеон Солунский пишет: «Причащаться

следует всем верным. Это не является служением только архиерея, но его служение в том, чтобы священнодействовать это всесвятое Тело Христово и Кровь и всем верным давать их в причащение, ибо единственно для этого они и предназначены».

Иов Амартол пишет в книге «О таинствах»: «Все совершенство, и цель, и дело литургии состоит в причащении животворящих и страшных Таин и святынь. Поэтому сначала они преподаются в алтаре священникам, а затем — находящемуся вне алтаря подготовленному народу».

Из этого с необходимостью следует, что первыми должны причащаться приношения служащие священники, а затем весь народ, согласно священномученику Клименту, который говорит: «Да причащается епископ, затем — пресвитеры, и диаконы, и иподиаконы, и чтецы, и певцы, и подвижники, а из женщин — диаконисы, девы, вдовицы, затем — дети и тогда уже — весь народ по чину, с благоговейным страхом и без шума».

Прежде упомянутый Иов говорит еще, что достойным каждый день позволительно причащаться равным образом, без отличия, как священникам, так и мирянам, мужчинам и женщинам, младенцам и старцам — проще сказать, всем христианам любого возраста и чина.

Те же священники, которые не причащают христиан, приступающих к Божественному приобщению с благоговением и верой, осуждаются Богом как убийцы, согласно написанному у пророка Осии: «Скрыша жрецы путь Господень, убиша Сикиму, яко беззаконие сотвориша». Иными словами, священники со-

крыли путь, и волю, и заповедь Божию и не объявили о ней, убили Сихема и сотворили беззаконие в народе Моем.

Только я удивляюсь и недоумеваю, если находятся такие священники, которые прогоняют приступающих к Таинам. Они даже не задумываются, по крайней мере, о том, что слова, которые они сами говорят, оказываются ложью. Ведь они сами в конце литургии громко возглашают и призывают всех верных, говоря: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите». То есть подходите к Таинам и причащайтесь, а затем опять же сами отрекаются от своих слов и прогоняют приступающих. Я не знаю, как можно было бы назвать это безчиние.

Возражение 2

Некоторые возражают, говоря, что нужно причащаться раз в сорок дней и не чаще.

Те, которые выдвигают это возражение, приводят для собственного оправдания свидетельство божественного Златоуста, говорящего: «По какой причине мы постимся эти сорок дней? В прошлом многие приступали к Таинам просто так и как случится. И было это, по преимуществу, в то время, когда Христос предал нам это таинство. Святые отцы, осознав вред, бываемый от нерадивого причащения, собравшись, определили сорок дней поста, молитв, слушания писаний и посещения церкви, дабы в эти дни все мы, очистившись благодаря тщательности, и молитвам, и милостыни, и посту, и всенощным бдениям, и слезам, и

исповеди, и всем другим добродетелям, насколько это в наших силах, таким образом с чистой совестью приступали к таинству».

На это возражение мы отвечаем, что желающие обосновать свое мнение имеют обычай приводить в помощь себе или изречения Священного Писания, или кого-нибудь из святых, дабы крючок за приманкой не был всеми увиден. «Ибо, — говорит божественный Златоуст, — ложь, когда желает, чтобы в нее поверили, если не положит в свое основание мнимую, но не подлинную истину, не может быть принята на веру». Так делают и эти благословенные.

Однако не следует отрезать и вырывать изречения Божественного Писания в отдельности от остальных его частей и насильно применять их для собственных целей, потому что вновь говорит тот же Златоуст: «Мы не должны исследовать только это изречение само по себе, но должны рассмотреть и все, что за ним следует, и о чем это сказано, и кем, и кому, и почему, и когда, и как. Недостаточно сказать, что так написано в Писании, так же как и вырывать изречения, рассекая члены тела богодухновенных Писаний, отдельно и обнаженно от свойственного им окружения, беря на себя власть и позволяя себе повреждать их. Ибо так многие извращенные догматы вошли в нашу жизнь при содействии диавола, убеждающего нерадивых говорить тексты священных писаний в отрыве друг от друга, или прибавляя к ним, или отнимая от них, и таким образом помрачать истину.

Поэтому не следует им говорить только то, что говорит Златоуст об определении Боже-

ственными отцами сорока дней, в которые мы, постясь, причащаемся, но следует рассмотреть и то, что предшествует этим словам, и то, что следует за ними, и что приводит в том же самом слове этот Божественный отец, и по какому поводу и к кому обращена его беседа. Возражающие нам утверждают и доказывают, что божественный Златоуст только днем Пасхи ограничил употребление Божественного причащения. Если эти защитники сорокадневия хотят это обосновать, то должны, в согласии с их мнением, или причащаться только раз в году, то есть на праздник Пасхи, и уподобиться тем, к которым тогда говорил Златоуст, или должны совершать десять Великих постов в году — столько, сколько раз у них принято причащаться.

Если же им первое не нравится, а второго они выполнить не могут, пусть замолчат, и пусть не обвиняют других и божественного Златоуста и не представляют его в этом вопросе противником не только апостолов, и вселенских и поместных соборов, и многих других богоносных отцов, высказывающихся о непрестанном причащении, но и противником самого себя, поскольку сам он пишет больше других о постоянном приобщении и во многих других своих беседах, и в этой же самой, говоря: «Не это мне предлагай, а докажи мне то, что так повелел творить Христос, ибо я тебе указываю, что Он повелел делать противоположное, что Он не только не повелел нам соблюдать дни, но и освободил нас от этой необходимости».

Послушай, что говорит Павел. Когда же я упоминаю Павла, то говорю о Самом Христе, ведь Христос был тем, Кто двигал Павловой

душой. Итак, что он говорит? «Наблюдаете дни, месяцы, времена и годы. Боюсь за вас, не напрасно ли я трудился у вас и проповедовал вам Евангелие».

И вновь говорит: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете». Сказав же «всякий раз», сделал господином того, кто хочет причаститься, освободив его от всякого наблюдения за днями. Не одно и то же — Пасха и Четырнадцатница, но Пасха — это одно, а Четырнадцатница — другое. Ведь Четырнадцатница один раз в год бывает. Пасха же — трижды в неделю, а иногда и четыре, точнее же — столько раз, сколько мы захотим, ибо Пасха — это не пост, но приношение и жертва, бываемая на каждом собрании», то есть священная литургия и Божественное приобщение, которое совершается за ней. «А то, что это истинно, услышь от Павла, говорящего: „Пасха наша, Христос, заклан за нас“». Так что всякий раз, когда ты приступаешь с чистой совестью к таинству, совершаешь Пасху. Не тогда, когда ты постишься, а когда этой жертвы причащаешься.

Ведь оглашенный никогда не совершает Пасху, хотя и постится каждый год, потому что приношения он не приобщается. А непостящийся, когда приобщается причастия, если с чистой совестью приступит к таинству, тогда и совершает Пасху — будь то сегодня, будь то завтра, будь то в любой день. Ибо подготовка оценивается не наблюдением времен, а чистой совестью.

Мы же поступаем наоборот: разум не очищаем, а когда собираемся праздновать Пасху — приступаем в этот день к таинству, даже если

наполнены тысячами грехов. Но так быть не должно, нет! Ведь если ты и в Великую субботу приступишь к таинству с совестью лукавой, то отпадешь ты от приобщения, уйдешь, не совершив Пасху. Если же сегодня, омывшись от грехов, приобщаешься, то самую что ни есть Пасху совершаешь.

Следовало бы эту вашу тщательность и прилежность употреблять не в наблюдении времен, а в отношении к таинству. И как вы сейчас предпочитаете все претерпевать, только бы наменять обычай, так следовало бы вам обычаем пренебречь и предпочесть все выносить и делать, чтобы приступать к таинству без грехов. Ибо стыдно не становиться лучше, но пребывать в неуместном словопрении. Это и иудеев погубило, которые, желая оставаться при ветхом обычае, уклонились в нечестие».

И вновь он говорит: «Знаю, что многие из вас по привычке, ради праздника, приступят к этой священной трапезе. Следовало бы, однако, как я раньше много раз говорил, не праздники наблюдать, когда вы собираетесь причащаться, но очищать вашу совесть и после этого прикасаться ко священной трапезе. Ибо скверный и нечистый, если и в праздник причащается этой святой и страшной Плоти, не будет достойным. А чистый и, благодаря тщательному покаянию, омывший свои прегрешения и в праздник, и всегда достоин причащаться Божественных Таин и наслаждаться Божиими Дарами. Но поскольку это, не знаю почему, некоторыми пренебрегается, многие, даже будучи полны тысячами зол, когда видят, что совершается праздник, словно самим днем побуждаемые, касаются священных Таин,

которых они по закону недостойны даже видеть».

Итак, вот как божественный Златоуст не только открыто удостоверяет в своем намерении и мнении тех, которые любят слышать истину, но и пророчески опровергает этот многими замеченный обычай сорокадневия.

Что же касается сорока дней, о которых он говорит как об установленных святыми отцами, то объяснение этому будет простым, если кто захочет об этом поговорить. Мы, однако, сейчас приведем кое-какие данные для тех, кто еще сомневается.

Асийские христиане в то время праздновали Пасху вместе с иудеями под тем предлогом, что так они, якобы, приняли от Иоанна Богослова и апостола Филиппа и некоторых других. И хотя Божественные отцы, собираясь на поместные соборы, писали против этого много раз, они все не оставляли свои обычаи до тех пор, пока не был созван Первый святой и вселенский собор, который, кроме прочего, установил, чтобы Пасха впредь не праздновалась вместе с иудеями, а праздновалась после весеннего равноденствия в день воскресный и чтобы она не совпадала с иудейской пасхой. Несмотря на это, некоторые продолжали держаться этого злого обычая. К ним и обращает эту свою беседу божественный Златоуст, обличая их в том, что они пренебрегают столькими Божественными отцами только из-за одного плохого обычая.

По этой причине он столь восхваляет достоинство Божественных отцов Первого собора и приписывает им правило о Четырдесятнице и говорит, что они установили ее,

желая таким образом убедить этих асийских христиан и привлечь их к послушанию. Ведь кто не знает, что пост святой Четыредесятницы установлен святыми апостолами, которые говорят в 69-м Правиле: «Аще кто епископ, или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец не постится во святую Четыредесятницу пред Пасхою, или в среду, или в пяток, кроме препятствия от немощи телесныя: да будет извержен. Аще же мирянин: да будет отлучен».

Или, возможно, он говорит, что ее установили отцы Первого собора, потому что прибавили к ней Великую Страстную седмицу, как он сам говорит об этом в другом месте: «Потому отцы продолжили поприще поста, чтобы дать нам еще срок покаяния, дабы мы приступали к таинству очищенные и омытые».

А самая истинная причина, по которой говорит Златоуст, что Первый собор установил Четыредесятницу, кажется, такова. Поскольку тогдашние христиане не радели и не постились всю эту святую Четыредесятницу, так что иные постились только три недели, другие — шесть, а другие — еще как-нибудь иначе, каждый согласно местному обычаю, как о том свидетельствует Сократ в «Церковной истории», отцы Первого собора вновь провозгласили Правило святых апостолов и установили, чтобы во всю Четыредесятницу постились непременно. И божественный Златоуст говорит, что те отцы установили Четыредесятницу, имея в виду это обновление Правила, которое они тогда сделали.

Поскольку же некоторые приводят в качестве защитника сорокадневия божественного

Златоуста, а он сам разрывает, как паутину, их доводы, мы умолкаем и переходим к другим возражениям.

Возражение 3

Некоторые возражающие говорят, что цель, с которой святые отцы учат о непрестанном причащении, состоит в том, чтобы мы совершенно не удалились от приобщения Божественных Таин. Если же некоторые по большому страху и благоговению приобщаются редко и с большим благоговением приступают к таинству, то они причащаются достойно.

Мы хотели бы попросить говорящих это, чтобы они нам показали, откуда и на основании каких свидетельств они узнали намерение Христа и святых? Может быть, они взошли на небо, как Павел, и там это услышали? Но Павел слышал неизреченные глаголы, которые человек не может сказать. А как они могли это сказать? Если же это что-то иное, то почему не находится это написанным в книгах наших Божественных отцов? А если это написано, но мы этого не нашли, то просим, чтобы они нам это указали.

Только страх, с которым они приступают к таинству, не по Богу, как говорит пророк: «Тамо убояшася страха, идеже не бе страх». Ибо там должен быть страх, где случается преступление заповедей, но не там, где есть покорность и послушание. И благоговение таких не истинное, но искусственное и лицемерное, ибо истинное благоговение почитает слова и заповеди Господа и не пренебрегает

ими. То, что говорят эти возражающие, имеет целью не сделать христиан более внимательными и благоговейными по отношению к приобщению, а лишить их отваги и совершенно отсечь от него и, следовательно, привести их к душевной гибели.

Поэтому и божественный Кирилл Александрийский отвечает этим якобы благоговейным: «Если мы вождедем вечной жизни, то да молимся, чтобы был в нас Податель бессмертия, да не будем удаляться от благословения, то есть от приобщения, как делают некоторые нерадивые. И да не устраивает нам искусный в коварстве диавол ловушку и сети в виде вредного благоговения по отношению к Божественному таинству. Но что ты мне говоришь: «Вот, Павел пишет, что кто ест Хлеб и пьет Чашу Господню недостойно, в осуждение себе ест и пьет. Итак, я, испытав себя, вижу себя недостойным причаститься». На это я тебе отвечаю: «Когда же ты будешь достоин? Когда ты себя поставишь пред Христом? Если ты будешь бояться всегда своих мельчайших прегрешений, то знай, что, будучи человеком, ты никогда не перестанешь их делать («грехопадения кто понимает?»), согласно святому псалмопевцу) и так и останешься навек совершенно непричастным спасительной святости».

Поэтому более разумно и благочестиво — жить согласно с законом Божиим, веря, что благословенным причащением ты избавляешься не только от смерти, но и от болезней» — душевных и телесных, находящихся в нас, «ибо приходящий в нас Христос усыпляет в наших членах неистовствующий закон плоти и оживляет благоговение к Богу, а страсти умерщ-

вляет, не вменяя нам прегрешения, в которых мы пребываем, но, скорее, исцеляет нас как болящих, освобождает от уз сокрушенного, восставляет падшего, как Пастырь добрый и душу свою положивший за овец».

И опять он говорит: «Святое Тело Христо-во животворит тех, в которых окажется, и со-держит в нетлении, когда соединится с наши-ми телами. Тело же подразумевается не какое-либо иное, но самой по естеству Жизни», то есть Бога. Оно имеет в себе всю Божественную силу соединенного с ним Слова и оказывается исполненным Божественной Его энергии, по-средством которой все животворится и сохра-няется в бытии. И поскольку дела обстоят именно так, то пусть знают те крещенные хри-стиане, которые не радят ходить в церковь причащаться и на многое время отлучаются от приобщения, что предлогом они выставляют благоговение искусственное и вредное. Пусть знают, что, не причащаясь, они лишаются веч-ной жизни, отказываясь от того, чтобы ожи-вотвориться. Это превращается в ловушку и соблазн, хотя и мнится этот отказ от причас-тия плодом благоговения. Они должны ста-раться изо всех своих сил и со всей готовно-стью очищаться от греха, и прилежать более к жизни боголюбивой, и стремиться с отвагой и любовью ко причащению Жизни. Ибо так мы победим дьявольский обман, и станем прича-стниками Божеского естества, и взойдем к жизни и нетлению».

А Иоанн Зонара в объяснении 2-го Прави-ла Антиохийского собора говорит: «Отвраще-нием здесь отцы назвали не то, чтобы ненави-деть Божественное причащение и поэтому не

хотеть причащаться, а уклонение от него якобы по благоговению или по смирению. Ибо если бы некие отказывались от него как ненавидящие и гнушающиеся святым причащением, то были бы осуждены не к отлучению, а к совершенному выдворению и анафеме».

Достаточно божественный Кирилл и Иоанн Зонара обличили мнимое благоговение нерадивых, которое не приносит плод пользы и спасения, но рождает душевную смерть и совершенное лишение вечной жизни, которая приобретается частым приобщением Божественных Таин. Ведь те, кто воистину благоговееен, не только не пренебрегают словами Господа и столькими священными правилами — апостольскими, соборными и святоотеческими — но и в мыслях своих этого не принимают, боясь суда и осуждения за преслушание. Об этих истинно благоговейных говорит Дух Святой через пророка Исаию: «А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим».

Возражение 4

Некоторые говорят, что преподобная Мария и многие другие пустынники и подвижники только один раз во всю свою жизнь причастились и это им не воспрепятствовало освятиться.

Им мы отвечаем, что пустынники не управляют Церковью и Церковь не для пустынников определяла правила. Как говорит апостол: «Закон положен не для праведника». А божественный Златоуст прибавляет: «Все, кто возревно-

вал любомудрия Нового Завета, сделали это не по страху наказания и не из-за угроз, но по Божественной любви и горячему к Богу рачению. Ибо они не имели нужды ни в повелениях, ни в заповедях или законах, чтобы возлюбить добродетель и устраняться от зла, но как благородные и свободные сыны, познав собственную ценность, то есть благородство своего естества, они без всякого страха наказания устремились к добродетели».

Но и эти пустыnnики, если бы имели возможность и не причащались, то осуждались бы как нарушители священных правил и презрители Божественных таинств. А если такой возможности у них не было — они неповинны. Так, святой Кавасила говорит: «Если души подготовлены и готовы причаститься, а освящающий и все совершающий Господь всегда желает освящать и любит Себя отдавать каждому, тогда что может воспрепятствовать причащению? Конечно, ничто. Но кто-нибудь спросит: «Если кто из живых, имея в душе блага, о которых говорилось, не приступит к Таинам, не получит ли он, тем не менее, освящение от совершающейся литургии?» На такой вопрос мы отвечаем, что это может получить не всякий, но только тот, кто не может прийти телесно, как это бывает и с душами умерших, и по пустыням скитающихся и горам, по пещерам и ущельям земли, которым невозможно было видеть жертвенника и священника», потому что не было у них поблизости церкви. «Таковых Сам Христос освящал невидимо Своим освящением. Если же кто-нибудь имеет возможность, но не приступает к трапезе, чтобы сподобиться освя-

щения от нее, для такого получить освящение совершенно невозможно — не только потому, что он не приступил, но потому, что не приступил, будучи в состоянии это сделать. И поэтому очевидно, что у такого человека душа пуста от добродетелей, которые требуются для причащения, ибо как может иметь любовь и стремление к приобщению тот, кто имеет возможность пойти приобщиться, но не хочет? Или как может иметь веру в Бога тот, кто совершенно не боится содержащуюся в словах Господних угрозу пренебрегающим этой трапезой? И как ему поверить, что он любит то, что может получить, но по собственному произволению не получает?»

Возражение 5

Некоторые возражают, говоря, что святое причащение — дело страшное, и поэтому от тех, кто причащается, требуется жизнь святая, совершенная и ангельская.

В том, что таинство Божественного приобщения велико и страшно и что требуется жизнь святая и чистая, не сомневается никто. Только слово «святой» имеет много значений.

Святым является только Бог, ибо обладает природной святостью, а не приобретенной. Люди же, удостоившиеся святого крещения, получают святость по причастности святому Богу. И святыми они называются потому, что получили освящение благодатью Святого Духа от возрождения свыше. Ко всему этому они получают всегда освящение от Божественных Таин, потому что причащаются святого Тела и

Крови Христовых непрестанно. Однако Божественные отцы, как явствует, не требуют от причащающихся совершенства, но требуют исправления жизни через покаяние. Ведь как в этом видимом мире не все люди одного и того же возраста, так и в духовном мире Церкви, состояния людей различны, согласно Притче о семени. И если совершенный отдает Богу сторицей, то средний — шестьдесят, а начинающий — тридцать, то есть каждый по своей силе. И никто не бывает отвержен Богом за то, что не отдает сторицей.

Только мы, если хорошо поразмыслим, поймем, что невозможно кому-либо прийти к совершенству без непрестанного приобщения святых Таин. Ибо без него нельзя приобрести любовь, а без любви — послушание Владычним заповедям, а без послушания нельзя достигнуть совершенства. Как говорит премудрый Соломон: «Начало премудрости есть искреннейшее желание учения, а забота об учении — любовь, любовь же — хранение законов ее, а наблюдение законов — залог бессмертия, а бессмертие приближает к Богу; поэтому желание премудрости возводит к Царству». Царству небесному.

Поэтому и святой авва Аполлос, зная, что Божественное приобщение является силой, производящей Божественную любовь, причисляет его к заповеди любви и говорит: «На этих двух заповедях, то есть на частом причащении и на любви к ближнему, весь закон и пророки утверждаются».

Но есть ли нужда много говорить? Возражающие нам причащаются раз в сорок дней как совершенные или как грешники и несо-

вершенные? Если как совершенные, то должны причащаться чаще, согласно своим же словам, а если как несовершенные — должны причащаться чаще, чтобы стать совершенными, как мы сказали выше.

Ведь если младенец не может вырасти во взрослого человека без телесной пищи, то тем более не может душа прийти к совершенству без духовной пищи. Внешние мудрецы говорят, что три вещи наблюдаются в младенце: во-первых, сам питающийся, во-вторых, то, чем он питается, и в-третьих, то, что его питает. И то, что его питает, — это питательная сущность, то, что питается, — это одушевленное тело, а то, чем оно питается, — это пища. Так, говорит Гавриил Филадельфийский, бывает и в духовном возрождении: «Питающийся — это крещеный, возрожденный человек, то, чем он питается, — это пречистые Таины; а питающий — это Божественная благодать, претворяющая эти Таины в Тело и Кровь нашего Спасителя». Василий Великий говорит, что тот, кто возродился крещением, должен питаться впредь приобщением Божественных Таин.

Если же они причащаются как грешники, то не должны причащаться ни раз в сорок дней, ни один раз в год, как говорит златоглавый Иоанн: «Как имеющий совесть чистую должен причащаться каждый день, так пребывающему во грехах и при этом не кающемуся даже в праздник причащаться небезопасно. Но если и раз в год причащаемся, это не избавляет нас от грехов наших, если мы недостойно приступаем. Напротив, это как раз еще больше нас осуждает, ибо, только раз при-

ступая, мы и тогда приступаем нечисто. Поэтому прошу всех вас: не прикасайтесь Божественных Таин только лишь по причине праздника».

И в другом месте он пишет: «Поскольку священники не могут знать всех грешников и тех, кто недостойно причащается таинств, Бог часто их обнаруживает и предает их сатане». По этой причине с ними случаются когда болезни, когда козни, когда беды и несчастья, когда иное что-либо подобное. И это Павел показывает, говоря: «Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает».

«Как же, — говорите вы мне, — бывает это, если мы причащаемся только раз в году?» Беда в том, что мы определяем достоинство причащения не чистотой помышлений, а промежуток времени, и в том, что ты считаешь благочестием нечасто приступать к таинству, не ведая, что недостойно приступить даже раз — это причинить себе вред, а если достойно, даже если и часто, — приобрести спасение.

Дерзость состоит не в том, что приступают часто, но в том, что недостойно, — даже если кто раз в году причастится. Мы же столь безумны и окаянны, что, совершая на протяжении всего года тысячи грехов, не прилагаем никакой заботы, чтобы их исповедать. И при этом мы считаем, что нам достаточно не дерзать причащаться непрерывно и тем самым не относиться оскорбительно к Телу Христову.

Так рассуждая, мы не понимаем, что и распявшие Христа распяли Его один раз. Но неужели, потому что один раз, грех от этого меньше? И Иуда один раз предал. Что из этого? Разве это его спасло? Почему мы это дело

измеряем временем? Временем причащения да будет нам чистая совесть».

И вновь: «Кого нам похвалить? Тех, которые причащаются раз? Тех, которые часто? Тех, которые редко? Ни тех, которые раз, ни тех, которые часто, ни тех, которые редко. Но тех, которые приступают с чистой совестью, с чистым сердцем, с безупречной жизнью. Таковые да приступают всегда, а не таковые — никогда. Ибо суд себе приобретают, и осуждение, и муку, и наказание».

Но эти благословенные, не знаю почему, не слышат этого, требуя от причащающихся ангельской жизни и состояния. То, что всякий, кто крестился и возродился в святом крещении, дает обещание жить ангельской жизнью, — это ясно, потому что он понуждает себя, сколько может, исполнять Владычние заповеди, к чему он и призван. Это и есть свойство ангельских чинов — исполнять и совершать всегда Божественные повеления.

Так что поэтому крещенные и хранящие Божественные заповеди недалеко от ангельского жительствова. И еще потому, что они стараются сохранять в теле чистоту безплотных ангелов, согласно апостолу, который возглашает и говорит: «Наше же жительство — на небесах». То есть наша христианская жизнь — небесная и ангельская.

Но и божественный Златоуст говорит: «Привлечем к себе непобедимую помощь Святого Духа, сохраняя заповеди. И тогда мы ни в чем не будем меньше Ангелов». И вновь: «Спасающийся получает двойную благодать: он и душу свою оживотворяет, и птицей делается, небесные своды обретая».

Некоторые приводят по отношению к Божественному причащению изречение притчи: «Нашел ты мед — ешь сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изблевать его».

На этот софизм нам и отвечать стыдно. Ведь под вкушением меда не могут подразумеваться Божественные Тайны, поскольку под этим, согласно Григорию Синаиту и другим отцам, подразумевается умное созерцание. Если же они воспринимают это изречение как говорящее о Божественных Дарах, то я предпочитаю слушать самого Приточника, говорящего мне: «Яждь мед, сыне, благ бо есть сот, да насладится гортань твой: сице уразумевши премудрость душею твоею. Аще бо обрящеши, будет добра кончина твоя, и упование не оставит тебе».

Однако эти люди должны были бы нам сказать, как они понимают слова «сколько тебе потребно». Ведь у нас нет иной меры, кроме священных Правил апостолов и всей Церкви Христовой, говорящих, чтобы мы причащались, если возможно, ежедневно или четыре раза в неделю, как мыслят Василий и божественный Златоуст, или, по крайней мере, каждую субботу и воскресенье и в остальные праздничные дни. Так, апостол повелевает мужу и жене воздерживаться друг от друга в эти дни, чтобы они причащались Божественных Таин, говоря: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве».

А божественный Тимофей Александрийский говорит: «Необходимо должно воздержи-

ваться в день субботный и воскресный, потому что в сии дни духовная жертва приносится Богу» (Ответ 13).

Иными словами, муж и жена пусть предохраняют себя от супружеской связи в субботу и воскресенье, потому что в эти дни возносится духовная жертва, то есть совершается Божественная литургия, и они должны причаститься.

И божественный Григорий Солунский говорит о праздниках: «Первый день недели, называемый днем Господним, так как он посвящен Господу, в этот день воскресшему из мертвых, и предвозвестившему нам общее воскресение, и удостоверившему нас в нем, в воскресении, когда упразднится всякое земное дело, — этот день недели освящай и всякое житейское дело в этот день не твори, кроме самого необходимого. И своим подчиненным и своей семье предоставляй отдых, дабы все вместе вы прославляли Искупившего нас от смерти и Своскресившего с Собою наше естество: дабы вспоминал ты жизнь будущего века и изучал все заповеди и оправдания Господни. И чтобы ты испытывал себя, не преступил или не упустил ли ты что-либо из них, и если да, то чтобы ты исправлял себя во всем. И дабы ты пребывал в этот день в храме Божию, участвовал в совершаемом в нем богослужебном собрании и причащении с искренней верой и неосужденной совестью святого Тела и Крови Христовых. И чтобы положил ты начало более строгой жизни, и обновлял себя, и подготавливал себя к принятию будущих вечных благ. И таким образом ты будешь святить субботу, субботаствуя неделанием зла. А к воскресенью

ты присоедини и установленные великие праздники, делая в эти дни то же самое и воздерживаясь от того же самого».

Возражение 7

Некоторые, опасаясь атеизма, называют ересью то, когда кто-нибудь постоянно причащается. Они говорят, что как те, кто принимает крещение вне предания Церкви, являются еретиками, так являются еретиками и те, кто постоянно причащается.

Мы, по правде сказать, недоумеваем, что и ответить на эти дерзкие слова. Разве только то, что, согласно этому мнению, являются еретиками не только все те святые, которые побуждали верных приступать к Божественному причащению, но и те, кто принимает их слова. А также — о хула! — и все священники, ежедневно служащие и причащающиеся. Более же всего — святой Аполлос, который был широко известен своей святостью и имел у себя в послушании пять тысяч учеников. О нем пишет божественный Иероним, сам пришедший и видевший его: «После того как мы совершили молитву, они, умыв нам ноги и поставив трапезу, облобызали нас душевно и телесно — то есть мы вместе с ними причастились Божественных Таин, что они делают каждый день.

Затем, после трапезы, мы отдыхали, а они, удалившись в пустыню, молились коленопреклоненно до утра, пока не пришло время церковного собрания. И после девятого часа и вечерни они причащались, а после причащения некоторые садились поесть, некоторые

же, более ревностные, удалялись в безмолвие, живя только силой священного причастия. Приснопоминаемый старец сделал нам много душеполезных наставлений, особенно о том. чтобы мы каждый день причащались Божественных Таин и принимали странников как Ангелов Божиих, подобно Аврааму, Лоту и другим таким же, ибо на этих двух заповедях весь закон и пророки утверждаются».

Итак, поскольку весь лик Божественных отцов, по всеобщему признанию, составляют святые и подлинные рабы Христовы, то отсюда следует, что выставяющие такое возражение, противное вышесказанному, противопоставляют себя и апостолам, и вселенским и поместным святым соборам, а также и святым отцам. И не только им, но и самому Господу, Который говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную», и также: «Сие творите в Мое воспоминание», то есть каждый день и всегда, как то истолковывает божественный Златоуст, о чем мы говорили раньше.

Святой Тимофей Александрийский даже бесноватым позволяет причащаться каждое воскресенье, если они не хулят Божественные Дары. Он говорит: «Верный бесноватый еще не нарушает Тайны, ниже хулит иным каким-либо образом, то да причащается, но не каждый день: довольно для него токмо по воскресеньям». И тогда как Божественные отцы не только здоровых, но и бесноватых принимают непрестанно в причастие Божественных Таин, эти благословенные даже тех, кто находится в здравом уме, не принимают, но требуют, чтобы они казались законнее закона.

Некоторые возражают и говорят: «Неужели те, кто причащается часто, не испытывают, как все люди, воздействия страстей чревоугодия, тщеславия, смеха, празднословия и многих других подобных? Как же они, несмотря на это, хотя бы причащаются часто?»

Этим людям отвечает святой Анастасий Антиохийский: «Бывает, что некоторые, даже редко причащающиеся, предают себя греху. Иные же, причащающиеся чаще, предохраняют себя, как правило, от многих зол, боясь суда причастия. Итак, если мы впадаем, как все люди, в какие-нибудь человеческие и простительные прегрешения, будучи скрадываемы или языком, или слухом, или глазами, или тщеславием, или печалью, или гневом, или чем-либо подобным, то, укоряя себя и исповедуясь Богу, да причащаемся таким образом святых Таин, веря, что причастие Божественных Таин будет нам во очищение от этих грехов. Если же мы совершаем какие-либо тяжелые, лукавые, и плотские, и нечистые грехи и имеем злопамятство по отношению к ближнему, то до тех пор, пока мы не покаемся достойным образом, к Божественным Таинам не должны прикасаться совершенно.

Поскольку же мы, будучи людьми плотскими и немощными, впадаем во многие грехи. Бог дал нам во оставление грехов различные жертвы, которые, когда мы их приносим, очищают нас для того, чтобы мы приступали к причащению. Так, и милостыня является жертвой, очищающей грехи. Есть еще и другая спа-

сительная жертва во оставление грехов, как говорит пророк Давид: «Жертва Богу — дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит».

Если мы приносим Богу эти жертвы, то даже когда имеем какие-либо человеческие недостатки, все же можем приступать ко святым Тайнам — со страхом, и трепетом, и умилением, и исповедью, как сделала, плача и трепеща, та кровоточивая женщина. Ибо есть грех к смерти, и есть грех к покаянию, и есть грех, требующий приложения пластыря. Подлинное же покаяние все может исцелить. Приступающий ко святым Тайнам со страхом, и трепетом, и исповедью, и умилением получает прощение, а приступающий без страха и с пренебрежением приобретает наказание. Таким не только не дается прощение грехов, но к ним, вдобавок, еще больший доступ получает диавол. А те, кто со страхом приходит к Божественным Тайнам, не только освящаются и получают оставление грехов, но и диавола от себя прогоняют».

Однако, несмотря на все эти бесспорные свидетельства святых учителей Церкви, некоторые все равно не успокаиваются и предлагают иное возражение, говоря:

Возражение 9

В то время причащалось большинство народа, а не причащалось меньшинство. Поэтому Божественные отцы и наказывают меньшинство, чтобы не было соблазна для большинства. Однако теперь, когда не причащается большинство, кроме некоторых немногих, должны не

причащаться и эти немногие, чтобы не творить безчиния в Церкви и не соблазнять многих.

Следовало бы говорящим это знать, что значат «соблазн» и «бесчиние», и тогда выдвигать свое возражение. Ведь соблазном является и называется то, что удаляет человека от Бога и приближает его к диаволу. Так, великий Василий говорит: «Делание греха отчуждает человека от Бога и усваивает его диаволу». Также он говорит: «Все противостоящее воле Господа есть соблазн». И чтобы сказать яснее, соблазн — это всякое препятствие, положенное на дороге для того, чтобы о него споткнулся путник. Так пророк просит Бога избавить его от этого, говоря: «Сохрани мя, Господи, из руки грешничи, от человек неправедных изми мя: иже помыслиша запыти стопы моя. Скрыта гордии сеть мне, и ужы препяша сеть ногама моя: при стези соблазны положиша ми». То есть сохрани меня, Господи, от рук грешников, избавь меня от несправедливых людей, которые замыслили положить под ноги мои что-нибудь, чтобы повергнуть меня: гордые люди или бесы поставили ловушку, чтобы поймать меня, и веревками, и сетями связали ноги мои, и близ моего пути положили соблазны и препятствия, чтобы низвергнуть.

Итак, поскольку тогда соблазняли таким образом немногие многих, ибо увлекали их в нерадение и преступление заповеди Божией, а теперь многие соблазняют немногих, увлекая их к отказу от заповеди, — как быть? Как тогда немногие отсекали свою волю и следовали за многими в исполнении воли Божией, так и теперь многие должны отсечь свою волю

и последовать за немногими в исполнении воли Божией. Но не так, чтобы немногие оставили без исполнения повеление Бога только лишь потому, что их меньшинство, и ради большинства пошли вслед за ним на преступление заповеди. Ибо, если бы так обстояли дела, тогда и пророк Илия, и апостолы, и столь многие отцы, которые подвизались за истину, должны были бы истину сокрыть и последовать за большинством, поскольку их самих было мало.

Поэтому великий Василий говорит: «Те, которые исполняют волю Господню, должны проявлять непреклонное дерзновение, даже если некоторые и соблазняются».

Хотя некоторые и говорят, что те, у кого недостает сил видеть их причащающимися, соблазняются, пусть все же они сами поймут, что это бывает у тех людей вследствие или зависти, или ненависти к брату.

Итак, мы не должны пренебрегать заповедями Божиими ради того, чтобы не соблазнялись люди, как говорит Златоуст: «Мы должны настолько заботиться о том, чтобы не соблазнять людей, насколько это необходимо, чтобы не давать им повод нас обвинять. Если же мы им повода не даем, а они все равно нас осуждают — просто так и ни за что, — то нам остается смеяться и плакать о их неразумии. Ты старайся вести себя хорошо пред Богом и людьми. Если же ты поступаешь хорошо, а кто-то тебя осуждает, нисколько об этом не переживай. Так, Христос о соблазняющихся говорил: «Оставьте их: они — слепые вожди слепых». Ибо если причина соблазна — мы сами, то горе нам. А если не мы, то греха на

нас нет. Также говорится: «Горе вам, ради вас имя Божие хулится». Как же быть? Если ты делаешь то, что должен делать, а кто-то хулит, то ты греха не имеешь, грех на нем, ибо имя Божие хулится им.

Мы не должны обращать внимания, когда некоему богоугодному делу препятствует то, что оно становится для кого-нибудь соблазном. Мы должны тогда по-настоящему беспокоиться, когда другие не заставляют нас противиться воле Божией.

Ведь скажи мне, пожалуйста, если сейчас, когда мы разговариваем, я захотел бы обличить пьяниц и кто-то из них соблазнился бы, неужели я должен перестать о них говорить? Нет. Во всем надо знать меру. Когда одна красивая девушка не пожелала выходить замуж, предпочла девство и сделалась монахиней, многие богохульствовали и бранили тех, которые ее к этому привели. Что же? Из-за этого надо было тем людям отказаться ее постригать? Безусловно, нет. Ибо ничего противного Богу они не сделали. Напротив, они совершили дело очень богоугодное.

Итак, во всяком деле мы должны, следуя законам Божиим, стараться не давать никакого повода для соблазна, чтобы быть нам неповинными и получить от Бога дар человеколюбия».

Вот что мы можем сказать о соблазне. Что же касается безчиния, то им является такое дело, которое совершается вне своего чина. Поскольку же чин и закон Церкви состоит в том, чтобы христиане, находящиеся на Божественной литургии и не состоящие под епитимией, причащались, как мы сказали прежде,

то очевидно, что безчиние совершают те, кто не причащается, преступая тем самым законы Церкви. Поэтому и пророк Аввакум говорит: «Воздвижися солнце, и луна ста в чине своем» (Песнь 4). Иными словами, Солнце правды — Христос Бог наш — вознесся в высоту на Кресте, а луна — Церковь — установилась в своем чине, то есть в воле и повелении Божиим, от которых она прежде отпала».

Итак, те, кто выходит за пределы заповеди Божией, те и производят соблазны и безчиния, а не те, кто подвизается по мере сил хранить Владычние заповеди.

Возражение 10

Иные выставляют Томос Единения и говорят, что существует правило, записанное в Часослове и определяющее, чтобы христиане причащались три раза в год.

Скажите мне, пожалуйста, если даже выставляемое этими благословенными правило и является подлинным, хотя на самом деле оно искажено, справедливо ли было бы, чтобы оно оказалось сильнее столь многих труб Святого Духа, свидетельства которых мы приводили? Царские законы пишут, что если какой-либо из них, то есть также являющийся царским, закон оказывается противоречащим священным канонам Божественных отцов, то да будет он недействительным.

Божественный Златоуст говорит, что обычай, противящийся Божественным законам, должен искореняться. Также он говорит: «Обычай кажется вещью, которую неудобно обойти и

от которой трудно сохраниться. Итак, насколько силен, как ты знаешь, обычай, столько силы и прилагай, чтобы избавиться от дурного обычая и чтобы приобрести себе обычай добрый».

Тогда зачем же эти люди хотят установить этот душевредный обычай? Но так как они желают скрыть истину с помощью этого правила, мы покажем вкратце, о чем на самом деле говорит это правило, чтобы была явлена чистая истина и никто больше не обманывался.

Это правило было принято по следующей причине. Лев Мудрый, так как заключил четвертый брак, был отлучен от Церкви патриархом Николаем, а царь за это низложил Николая с патриаршего престола, поскольку тот не хотел ему простить четверобрачие. Вместо Николая он возвел в патриархи Евфимия, который и разрешил царя от отлучения. Итак, по этой причине разделились на два лагеря как архиереи, так и весь остальной народ: одни были за патриарха Николая, а другие — за Евфимия.

Когда царь Лев умер, после него воцарился его брат Александр, который низвел с престола Евфимия и возвел на него вновь Николая. А когда умер и Александр, воцарился его племянник, то есть сын Льва, Константин Багрянородный, у тестя же его, Романа, был титул «Отец-Царь».

Те, которые собрали собор в 992 году от Рождества Христова, запретили не только четверобрачие, но и против троебрачия установили это правило, говорящее: «Если кто, достигнув сорока лет и при этом ни возраста не стыдясь, ни о должной христианской благопристойной жизни не заботясь, только лишь по

действию страстного вожделения впадает в третий брак, тот да будет со всей тщательностью и наблюдением в течение пяти лет не причащающимся святыни причастия, и этот срок никак не может быть сокращен. Но и после того, как он удостоится пречистого причастия, да не будет ему позволено причащаться в иное время, кроме как на спасительное Христа Бога нашего Воскресение, ради очищения, насколько возможно, бываемого от предшествующего воздержания Великого поста. Если же кто, будучи тридцатилетним и имея детей от предыдущих браков, сочетается с третьей женой, тот неопустительно в течение четырех лет да не причащается святынь. И после того, как сможет причаститься таинств, то да удостоивается ими наслаждаться только три раза в год: первый раз — на спасительное Христа Бога нашего Воскресение, второй — на Успение Пречистой Владычицы нашей Богородицы и третий раз — в день Рождества Христа Бога нашего, ради предшествующего этим дням поста и бываемой от него пользы».

Это деяние собора было названо Томосом Единения, потому что на нем вновь объединились архиереи и весь народ, который был до этого разделен четверобрачием Льва.

Однако я не знаю, какой благословенный — или по необразованности, или же намереваясь положить для христиан препятствие к вечной жизни — укоротил это правило и в таком усеченном виде поместил его в Часослов. А наши благословенные духовники, обнаружив его, раструбили это правило по всей вселенной, возлагая епитимию и правило о троебрачных на всех христиан: второбрачных,

первобрачных, девственников, да и вообще на всякий возраст.

Но я не столько удивляюсь духовникам, сколько удивляюсь, что добрые архиереи и пастыри не возгласили сразу в богодухновенные трубы истины, чтобы заклеить позором злого сеятеля этих плевел и выкорчевать это гнилое растение из Церкви. Ведь они имеют власть от благодати Святого Духа поддерживать всякое добро и исправлять то, что нуждается в исправлении.

Наверное, архиереи приводят то оправдание, что поскольку они находятся под игом турок и связаны многими заботами, то доверяют решать такие вопросы учителям и проповедникам. Но тем самым эти благословенные — один не желая потерять свой покой, другой приводя другие оправдания — все вместе, устранив и перекладывая тяжесть друг на друга, скрывают, как в гробу, слово Божие и истину и молчаливо дают понять, что они согласны с тем, что происходит, как говорит божественный Мелетий Исповедник:

Когда кто, веденья достигнув
и верно истину познав, пытается ее сокрыть,
изобретая некие приемы,
и смело не провозглашает,
открыто, громко говоря:
кто, о честных заботы не имея
и о Божественных Канонах,
не защищает Правил, данных
святыми славными отцами,
тот наказанью подлежит не меньшему,
чем те, кто их нарушил.
«Тот, кто молчит об истине,
воскресшего Христа в гробу скрывает», —

так говорит один отец,
и с ним согласна речь другого:
«Воистину, весьма опасно
о благочестии молчать:
и ров погибельный, и мука
на веки вечные веков».

Неправедно, непозволительно,
нехорошо благочестивым
молчать тогда, когда Господни
законы дерзко нарушают,
когда стараются обман обосновать
и прелесть злую.

Как было сказано одним великим:
«Когда благочестивый видит
опасность с Богом разлученья
и оскорбление против Бога,
тогда он разве промолчит?
Вполне ли будет он спокоен?
Ведь промолчать тогда есть то же,
что согласиться и одобрить».

Пример дает нам
святой предтеча Спасов Иоанн,
а вместе с ним —
святые братья Маккавеи.

Ведь и за малые уставы
закона Божьего они,
презрев смертельную опасность,
стояли твердо, до конца,
малейшей йоты не предав
священного закона.

Похвальной часто признается
и справедливою война.
и битва — несравненно лучшей,
чем душевредный, мутный мир.

Ведь лучше стать на бой с такими,
кто мудрствует недобро, зло,
чем им последовать и вольно
в неправде с ними согласиться,
навечно с Богом разлучившись,
а с этими соединиться.

А божественный Златоуст говорит: «Если небезопасно человеку молчать, когда его обижают, то разве не будет достоин всяческого наказания тот, кто молчит и не взирает на то, когда наносится ущерб Божественным законам?»

Возражение 11

Многие возражающие говорят, что практика причащения не является догматом веры, который следовало бы хранить обязательно.

Хотя частое причащение и не является догматом веры — это все же Владычня заповедь, которая содержится во многих изречениях нашего Господа, особенно же в следующем: «Сие творите в Мое воспоминание», то есть непрестанно и каждый день, пока стоит этот мир. Поэтому, как заповедь Владычня, она должна храниться непременно, о чем мы говорили в первой части сборника.

Однако те, кто высказывает такие возражения, обнаруживают тем самым, что хотят обнажить догматы и оставить их опустошенными от всякого церковного определения и установления. Но мы их спросим: эти догматы на чем смогут быть основаны? Разве не сказал нам божественный Златоуст, что человеческая жизнь нуждается в правильных догматах, а догматы нуждаются в жизни чистой: чистая же жизнь рождается и достигается благодаря Божественным заповедям, священным законам Церкви и честным преданиям и определениям Божественных отцов? Итак, если мы откажемся от священных правил, Владычных заповедей и остального, то исчезнет и чистая жизнь.

А когда исчезнет чистая жизнь, тогда мы и догматы правильные потеряем, и останемся опустошенными и во мраке.

Мне неостанет времени, чтобы перечислить тысячи примеров святых, которые претерпели муки и умерли за церковные установления и правила. И однако, находятся некоторые столь безстыдные, что не только не страдают за истину, но и сопротивляются ей и дерзко отвергают Владычние повеления, полагая перед теми, кто приступает причаститься, препятствие к Божественному причащению без всякой со стороны тех вины или повода. Это очень дерзкое поведение, если вспомнить, что Господь даже самого Иуду не отверг от приобщения, хотя и знал, что это скверный сосуд зла.

Каждый день Христос принимает всех причащающихся и тех, кто достоин, очищает, просвещает, посвящает, а недостойных сначала предаёт угрызениям совести и затем, если они исправятся, с милосердием их принимает. А если они останутся неисправившимися, то предаёт их различным болезням, как говорит апостол: «Оттого, что причащаются недостойно, многие из вас немощны и больны и немало умирает».

Эти же благословенные, и не зная состояния причащающихся, только для того, чтобы сохранить дурной обычай, который душевредно установился, полагают препятствия православным христианам к Божественному приобщению.

Однако спросим великого Василия, чтобы он нам сказал истину: «Следует ли, о Божественная и священная глава, или не опасно ли отказаться от какого-либо повеления Божия?

Позволительно ли воспрепятствовать тому, кому дано такое повеление, его исполнить или послушаться препятствующих, особенно если препятствующий является подлинным чадом Божиим? Или же этот помысел только кажется приемлемым, а на деле противен Божественному повелению?» На это святой отвечает: «Так как Господь сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем», очевидно, что и всему другому лучше всего учиться у Него. Так и в данном случае вспомним Самого Господа нашего Иисуса Христа, Единородного Сына Бога Живого. Когда Иоанн Креститель сказал Ему: «Мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?» — Он ответил: «Оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду», то есть необходимо, чтобы Я исполнил всякое дело, которое оправдает человека. И как Он с негодованием ответил Петру, когда тот попытался отговорить Господа от страданий, о которых Он пророчески возвестил Своим ученикам по пути в Иерусалим: «Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн! Потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». И опять, когда тот же Петр, отдавая честь Владыке Христу, отказывался, чтобы Тот умыл ему ноги, Господь вновь сказал: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною».

Если же нужно больше помочь душе примерами нам родственных людей, то вспомним апостола, говорящего: «Что плачете и сокрушаете сердце мое? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса». Кто же может быть славнее Иоанна? Или кто может быть искреннее Пет-

ра? Или какие иные могут быть найдены помыслы более благоговейные, чем у них? Ведь оба они были движимы чувством благоговения и почтения, так что один не хотел крестить Господа, а другой не хотел, чтобы Господь умыл ему ноги. Однако, несмотря на это, они не смогли уговорить Христа.

Я же знаю, что ни святой Моисей, ни пророк Иона не избежали упрека от Бога за то, что отказались от послушания Ему, предпочтя последовать своим рассуждениям. Всеми этими святыми мы научаемся, что не должны ни противоречить воле Божией, ни препятствовать другим исполнять заповедь Божию, ни слушаться тех, кто препятствует ее исполнять.

Если из этих примеров Слово Божие научило нас, чего мы не должны допускать, то тем более во всем остальном нам необходимо подражать святым, некогда сказавшим: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам», и в другой раз: «Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали».

И вновь говорит Василий: «Не следует препятствовать тому, кто исполняет волю Божию, делает ли он это по заповеди Божией или с целью, согласной с заповедью Божией. Также не следует исполняющему заповедь слушаться препятствующих ему, даже если они настоящие друзья Божии, но следует оставаться при своем решении».

Также: «Если кто исполняет заповедь Божию не по здравому расположению, то есть не с правильной целью и без верного рассужде-

ния, однако, по всей видимости, следует в точности учению Господню, то такому человеку препятствовать не следует. Ибо, так поступая, этот человек не причинит себе вреда. Иногда даже бывает, что люди от этого получают пользу. Однако хорошо такого человека наставить, чтобы и рассуждение его соответствовало достоинству подвига», чтобы он исполнял заповедь с богоугодной целью. И еще: «Не должно следовать преданиям человеческим, когда нарушается заповедь Божия». И еще: «Не должно предпочитать свою волю воле Господней, но во всяком деле следует искать и творить волю Божию».

А божественный Златоуст говорит: «Следует мужественно стоять против всего, что препятствует нашему доброму побуждению. Послушай, что говорит Христос: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня». Итак, когда мы совершаем некое угодное Богу дело, всякий препятствующий нам в нем да будет для нас врагом и противником, даже если это отец, или мать, или кто угодно другой».

Богоносец же Игнатий говорит: «Всякий говорящий тебе нечто вопреки тому, что повелел Бог, даже если он достоин доверия, даже если постится, даже если знамения творит, даже если пророчествует, да будет в твоих глазах волком в овечьей шкуре, губящим овец».

А исповедник божественный Мелетий говорит:

Не нужно слушаться монахов.
Да и пресвитеров не стоит.
Когда их речи — незаконны.
Когда советы их — во зло.

И что я говорю — «пресвитеров», «монахов»!
Самим епископам не уступайте.
Коль неполезное душе они
творить, и говорить, и думать
вдруг убеждать коварно станут.

Возражение 12

Некоторые соблазняются оттого, что не могут нас убедить своими словами (в том, имеется в виду, что на непрестанное причащение существует запрет), и в свою защиту выдвигают три довода: во-первых, говорят, каноны и заповеди находятся в распоряжении архиереев; во-вторых, мы не должны испытывать то, что нам говорят архиереи, учителя и духовники, а должны только в простоте слушаться их; и в-третьих, выставляют апостольское изречение: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны».

На эти три части возражения мы ничего от себя говорить не будем, чтобы не вызвать у кого-нибудь замешательства и смущения. Но и совершенно промолчать здесь мы считаем душевредным. Чтобы никто не стал жаловаться, давайте посмотрим, что говорят в связи с этим святые.

На первое замечание отвечает великий Василий, говоря: «Если сам Господь, в Котором благоволил Отец, в Котором все сокровища премудрости и тайники ведения, Который всякую власть, всякий суд получил от Отца, — если сам Он говорит: «Он дал Мне заповедь, что сказать и что говорить» и также: «Что Я говорю, говорю, как сказал Мне Отец», если и Дух Святой от Себя не говорит, но только то

говорит, что услышит от Него, — сколь более для нас благочестиво и безопасно так мыслить и поступать!» Иными словами, не должны мы преступать Божественные заповеди, но должны их покорно слушаться.

А божественный Златоуст на примере самой архиерейской хиротонии показывает, что архиереи подвластны Божественным канонам и заповедям. Он говорит: «Так как архиерей — первосвященник в Ветхом Завете — был главой народа, необходимо было главе всех иметь на своей голове знак власти, которой он подчинялся, ибо если власть ничем не ограничена, то она невыносима, а когда она имеет символ иной власти над собой, то показывает этим, что она подчиняется закону, поэтому закон повелевает, чтобы голова архиерея не была обнажена, но чтобы была покрыта, дабы знал глава народа, что имеет другого Главу. Поэтому и в Церкви на хиротониях иереев — здесь святитель имеет в виду архиереев, говоря о священстве вообще, ибо только архиереи носят на голове богопреданные символы, согласно Дионисию Ареопагиту — на голову возлагается Евангелие Христово, дабы познал рукополагающийся, что получает истинную евангельскую тиару, и дабы познал, что хотя он и для всех глава, но должен действовать по этим евангельским законам, всех держа в своей власти, но и сам будучи содержим под властью законов, для всего являясь законодателем, но и имея над собой законодателя — евангельский закон.

Поэтому некий доблестный древний муж, Игнатий имя его, просиявший в священстве и мученичестве, в послании к некоему архиерею говорит: «Ничто да не совершается

без твоей воли, но и ты ничего не совершай без воли Божией». Поэтому архиерей имеет на голове Евангелие — знак того, что он находится под его властью.

Что же касается второго, то есть того, что мы должны не испытывать архиереев, учителей и духовников, но во всем их слушаться, то на это отвечает Василий Великий: «Начальствующий в слове — будь то учитель или архиерей — должен всегда со многим обдумыванием и испытанием, с целью благоугождения Богу и делать, и говорить, потому что он должен и со стороны тех, кто ему вверен, быть испытан и засвидетельствован».

Также: «Тем из слушающих, кто обучен в Божественных Писаниях, следует испытывать то, что говорят учителя. И то, что согласно с Писаниями, следует принимать, а то, что им чуждо, — отвергать. Тех же учителей, которые настаивают на таком учении, надо совершенно отвергать». Также: «Тем, кто не обладает большим знанием Писаний, следует познавать отличительные свойства святых по плодам Духа Святого. И тех, кто их имеет, следует принимать в качестве святых, а от тех, кто имеет нечто иное, необходимо отвергаться». Также: «Не подобает просто так и без испытания увлекаться теми, которые лишь притворяются, что говорят истину. Должно на основании свидетельств Писания познавать каждого, истину или ложь преподает этот учитель». И также: «Необходимо всякое слово или дело проверять на основании свидетельств Богодухновенного Писания, чтобы добрые из них были признаны, а лукавые — посрамлены».

На третью же часть возражения отвечает божественный Златоуст: «Анархия является злом везде, она — корень многих бед и причина беспорядка и смятения. Не меньшее зло — и неподчинение начальствующим. Но, может быть, кто-нибудь нам скажет, что есть еще и третье зло — когда сам начальствующий является злым. Это знаю и я. И это зло не малое, но еще намного худшее, чем анархия. Ибо лучше ни под каким не быть начальством, чем подчиняться злumu. Ведь в первом случае человек часто спасается и часто находится в опасности, а во втором — всегда в опасности, потому что ведут его в пропасть».

Но как же Павел сказал: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны»? Прежде сказав: «Взирая на кончину их жизни, подражайте вере их», потом сказал и: «Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны». То есть вначале Павел засвидетельствовал, что эти наставники верны во всем, и уже после этого говорит: «Видя добрый плод их добродетельной жизни и проповеди, подражайте им в вере». Что же, скажете вы мне, если начальствующий злой, нам ему не подчиняться? В каком смысле ты говоришь «злой»? Если это касается веры, оставь его и беги — не только от человека, но и от Ангела, сшедшего с небес. А если это касается жизни, то не любопытствуй. Послушай, что говорит Христос: «На Моисеевом седалище — на учительской кафедре закона — сели книжники и фарисеи». Прежде сказав много о них ужасного, Он говорит затем: «На Моисеевом седалище... сели... Итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте: по делам же их не поступай-

те». Другими словами, они пользуются почетом, у них есть право учить, говорит Он, но жизнь их нечиста; однако вы внимайте не их жизни, а их словам.

Ведь от их нравов никто не получит вреда. Почему? Потому что они видны всем, и потому что сам учащий, даже будучи тысячу раз злым, никогда злым нравам учить не станет. Что же касается веры, то здесь зло не всем видно, да и учащий не отказывается от того, чтобы так учить. Поэтому «не судите, да не судимы будете» сказано об образе жизни, а не о вере.

Поэтому и Павел сначала представил пастырей как истинных во всех отношениях, а потом говорит: «Повинуйтесь наставникам вашим».

И в другом месте: «Ты говоришь, что такой-то человек кроткий, имеет священный сан, очень благоразумный, а делает то-то и то-то. Не говори мне о том, что он кроткий, что разумный, что благочестивый, что он священник. Если желаешь, пусть это будет даже Петр, или Павел, или хоть Ангел, сшедший с неба, — даже тогда я не обращаю внимания на значимость лица. Ведь я читаю не рабский закон, а Царский. Когда же читаются писания Царя, всякая рабская значимость да умолкнет.

Что ты мне приводишь примеры то того, то другого? Бог будет тебя судить не за нерадение таких же, как ты, рабов, а за неисполнение Его законов. Я тебе повелел, скажет Он тебе в — день судный, и следовало тебе подчиниться, а не приводить пример такого-то или любопытствовать о злых делах другого.

Ведь и великий Давид страшным грехом согрешил, но значит ли это, скажи мне, что теперь нам грешить уже не опасно? Поэтому нужно нам остерегаться и ревновать только о подвигах святых, а нерадения и нарушения закона — которые и у них, как у людей, могли иногда случиться — со многим старанием избегать. Ибо судить нас будут не такие же рабы, как мы, а сам Владыка, — Ему мы дадим ответ за все, что сделали в жизни».

Вот как говорят святые. Мы же, братья мои, поскольку Господь призвал нас к миру, должны покоряться архиереям, и духовникам, и учителям ради их чина, который они имеют от Бога. Если же кто-нибудь из них будет делать что-то неразумное или будет нам препятствовать в каком-либо богоугодном деле, то да не прекратим мы просить его и молить, пока не убедим его в том, чтобы исполнилась воля Божия, дабы царствовал мир между нами, господствовали единомыслие и согласие, была любовь между пастырями и овцами, между архиереями и христианами, между священниками и мирянами, между предстоящими и подначальными. Дабы прочь удалились от нас соблазны, потрясения, расколы, разделения. Ибо все это разрушает наши души, и наши дома, и наши церкви, и всякое общество, и нацию. Вкратце: дабы все мы были одно тело и один Дух, все — с одной надеждой, к чему мы и призваны, дабы и Бог мира был с нами.

Некоторые говорят: «Вот, мы выполняем заповедь Господню — причащаемся два или три раза в год, и этого достаточно для нашего оправдания на страшном суде».

Таким людям мы отвечаем, что и это хорошо и полезно, но чаще причащаться — намного лучше. Ибо чем более кто приближается к свету, тем более просвещается, чем более приближается к огню, тем более согревается, чем более сближается со святыней, тем более освящается. Так, чем чаще кто приступает к Богу в причащении, столь более и просвещается, и согревается, и освящается. Брат мой, если ты достоин причащаться два или три раза в год, то ты достоин причащаться и чаще, как говорит божественный Златоуст, только внимательно готовься и не теряй этого достоинства. Итак, что же нам препятствует причащаться? Наше нерадение и лень, которые нас побеждают. Поэтому мы не готовимся, насколько это в наших силах, чтобы приобщиться.

Отвечая же иным образом, мы должны сказать, что эти люди не исполняют, вопреки тому, как они считают, заповедь Божию. Ибо где повелел Бог или кто-нибудь из святых, чтобы мы причащались два или три раза в год? Такого нигде найти нельзя. Поэтому нам необходимо знать, что, когда мы исполняем какую-либо заповедь, мы должны смотреть, чтобы и исполнять ее согласно с заповедью. То есть следует соблюдать и место, и время, и цель, и образ действия, и все обстоятельства, при которых она должна исполняться, чтобы то бла-

го, которое мы будем делать, было, таким образом, совершенно во всем и благоугодно Богу.

Все это относится и к Божественному причащению. Причащаться непрестанно — это и необходимо, и душеполезно, и согласно с заповедью Божией, и добро совершенное и благоугодное. А причащаться только три раза в году — это и не согласно с заповедью, и добро несовершенное, ибо не является добром то, что не добро делается.

Как все другие заповеди Божии требуют для себя необходимого времени, согласно Екклесиасту: «Время для всякой вещи», так и исполнению заповеди о причащении нам следует уделять должное время. Иными словами, соответствующее время для причащения — это тот момент, когда священник возглашает: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите».

Но разве это слышится в церкви только три раза в год? О несчастье и беда! Чтобы выжило материальное тело, оно ежедневно должно есть два или три раза в день. А несчастной душе, чтобы жить духовной жизнью, приходится есть эту свою животворящую пищу только три раза или даже один раз в год? Не великое ли это неразумие?

В противном же случае, я боюсь, боюсь, не оказывается ли бесполезным для нас исполнение заповедей — ведь мы их коверкаем и искажаем и поэтому являемся не исполнителями закона, а противозаконоположниками. Часто мы, постясь, считаем, что исполняем заповедь Божию, а на самом деле, как говорит божественный Златоуст, согрешаем: «Не говори мне, что они постятся, а докажи мне, делают

ли они это в согласии с волей Божией. А если не в согласии, то этот пост является более незаконным, чем пьянство. Ведь мы должны смотреть не только на то, что они делают, но и искать причину происходящего, почему они это делают. Ибо то, что совершается по воле Божией, даже если кажется дурным, в действительности является наилучшим. А то, что делается против воли Божией, хотя и кажется самым лучшим, на самом деле является худшим и противозаконнейшим. Ибо дела добры или злы не сами по себе, но волеизъявление Божие делает их добрыми или злыми».

Эпилог

Вот, возлюбленные мои братья, с помощью Божией закончена эта книга, и со всей очевидностью доказано на основании свидетельств и Священного Писания, и святых отцов, что непрестанное причащение пречистых Таин — дело необходимое и душеполезнейшее и что без этого невозможно нам возвыситься к любви нашего Господа, Который нас, когда-то не существующих, создал, а когда мы погибли, вновь воссоздал.

Итак, теперь ничего другого не требуется, кроме того, чтобы готовиться с должной подготовкой — сокрушением, исповедью и исполнением епитимий — и таким образом приступать к таинству, со страхом и трепетом причащаться. Все те из нас, кто хочет жизни и любит видеть дни благие, согласно псалмопевцу, да приступают к нашему Господу, сладчайшему Иисусу Христу, Который к нам взывает каждый день от святого престола и говорит: «Придите, ешьте Мой Хлеб и пейте Вино, которое

Я вам растворил в святой Чаше, чтобы вы просветились душевно и телесно, чтобы вы были вскормлены и удобрены пищей безсмертия и напоены питием нетления, дабы в час нужды не постыдились ваши лица».

До тех пор, пока у нас есть время, будем творить благо, как говорит апостол. «Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения». Да устремимся и да последуем за Господом — и тогда мы обретем Его как зарю, которая нас просветит, как говорит Осия, и Он придет к нам, как приходит на землю дождь ранний и поздний. Послушаем Иеремию, который говорит: «Остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим». Да покаемся от всей души и от всего сердца в нашем прежнем нерадении и да исправим себя, чтобы не услышать нам, как нас стал бы обвинять опять же пророк Иеремия: «О, Господи: очи Твои не к истине ли обращены? Ты поражаешь их, а они не чувствуют боли: Ты истребляешь их, а они не хотят принять вразумления: лица свои сделали они крепче камня, не хотят обратиться... Пророки пророчествуют ложь, и священники господствуют при посредстве их, и народ Мой любит это.

К кому мне говорить и кого увещевать, чтобы слушали? Вот, ухо у них необрезанное, и они не могут слушать; вот, слово Господне у них в посмеянии, оно неприятно им.... Ибо, от малого до большого, каждый из них предан корысти, и от пророка до священника — все действуют лживо».

Давайте будем слушать те речи, которые приносят пользу душе, и да не будем исследовать, кто их говорит — мудрый или немудрый,

именитый или смиренный. Ибо какую пользу нам принесет то, что такой-то и такой-то — это важный и великий человек? Или какой ущерб у нас будет оттого, если данный человек незначительный и незаметный? Мы не собираемся покупать ни одного, ни другого. Для нашей пользы нам требуются только слова Писания, а кто их говорит — мудрый или немудрый — нас не касается. Поэтому то, что нам говорят, мы должны сравнивать с написанным в Священном Писании, и если это согласно с Писанием, да принимаем, а если несогласно — нам это не нужно ни от одного, ни от другого. Ведь тот, кто идет на базар, чтобы купить пшеницу или что другое, не задумывается о том, кто ее продает — хороший он человек или плохой, а смотрит только, хороший ли товар.

Так мы должны смотреть тщательно и на слова и не преступать то, что нам передали Божественные отцы, если только мы хотим не потерять прямого пути.

Если бы современные сектанты по-настоящему изучали Божественные Писания, они не последовали бы за теми первыми еретиками, чтобы вместе с ними погибнуть. И тогда среди тех коварный диавол сеял различные ереси, лишив их, кроме всего прочего, и святого крещения. А нас, православных, он старается погубить, удаляя нас от непрерывности Божественного причащения. Поскольку наше отношение ко святому крещению ему не удалось поколебать, он изыскивает, каким бы другим способом нас умертвить.

И не думайте, что одно от другого имеет какое-либо отличие, ибо решение нашего Господа было равным в отношении их обоих, как мы прежде сказали. Ведь совершенно не ро-

диться и, родившись, умереть от голода — эти два случая не имеют никакого отличия.

Так и мы, конечно, возрождаемся святым крещением. Однако если не питаемся затем частым приобщением, чтобы жить духовной жизнью, тогда вновь умираем от голода — недостатка благодати — и еще хуже впадаем в страсти, чем некрещенные.

Поэтому прошу вас, да убоимся слов нашего Господа теперь, пока мы еще живем, чтобы обрести спасение и чтобы не вострепетать тогда, на предстоящем суде, не получив никакого утешения. Да не уподобимся тем, к кому говорил Господь: «Вы, оставив заповедь Божию, держитесь предания человеческого».

Да не обманываемся мы суевериями и предрассудками, которые распространились, но да будем внимать написанному. Ибо говорит Василий Великий: «Точно, что злейший обычай нас обманул: точно, что причиной великих зол стало искаженное человеческое предание». И также: «Если кто-либо из пообещавших Богу во святом крещении несколько не жить для себя, но жить для Умершего и Воскресшего, ради него будет искать праведности от исполнения закона, то за это он должен быть осужден, как за прелюбодеяние. Итак, если христианин так осуждается за подобное отношение к закону, то что можно тогда сказать о преданиях человеческих?

Что касается преданий человеческих, то следование им повлечет за собою наказание, как это видно из слов Господа. А что касается наших собственных помыслов, изыскиваемых человеческой премудростью, то их нас научил подвижнически отвергать апостол: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные

Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия». Это апостол сказал как о человеческих помыслах, так и о всякой видимой человеческой праведности, даже если и ради Бога стараются ее достичь. Из всего этого становится очевидным, какое осуждение последует тем, которые своими мудрованиями искажают заповеди Божии. Ибо написано: «Горе тем, которые мудры в своих глазах и разумны пред самими собою!» Поэтому необходимо отвергнуть все это вместе: и диавольские похоти, и мирские попечения, и человеческие предания, и собственные желания, даже если они кажутся благонамеренными.

Да не будем преступать заповеди Божии, чтобы не оказаться нам в этом еще хуже безсловесных животных и более неразумными, чем рыбы, которые не противоречат закону Божию, как говорит тот же Василий: «Рыба не спорит с законом Божиим, а мы, люди, спасительное учение принимать отказываемся».

Давайте оставим тех, которые желают жить нерадиво, или лучше попросим Бога, чтобы дал им ревность. Давайте проснемся все от сна лености и примем тепло и любовь в сердце, чтобы послушаться духовного призыва священника, и да приступаем с сокрушенным сердцем к таинству. Великим пренебрежением к Богу является то, что такое множество христиан приходит на литургию, в конце которой Господь чрез священника приглашает нас подойти причаститься, и не находится никто из такого множества званых, чтобы исполнить Божественный призыв — не из-за иного какого греха или предлога, а только по дурному обычаю.

Ах, братья мои, боюсь, не о нас ли это Гос-

подь сказал: «Никто из тех званых не вкусит моего ужина»? А кроме этого — не накажет ли Он нас строжайшим образом, если не покаемся и не исправим себя?

Я хочу вас спросить вот о чем: если бы во время Тайной вечери кто-нибудь из апостолов сказал: «Я сегодня не причащаюсь», интересно, что бы тогда сказал Господь? Безусловно, кажется мне, Он сказал бы то, что сказал и Петру во время священного умовения ног: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Непременно. Он и на Тайной вечери сказал бы непричащающемуся: «Если не будешь есть Мое Тело и пить Моей Крови, не имеешь части со Мною».

То же самое Господь и теперь говорит нам, возлюбленные, на каждой литургии: «Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни», если только кто-то лишает себя такой небесной благодати не потому, что имеет препятствие по своим грехам и отлучен от причащения своим духовником, а по одному лишь дурному обычаю.

О лукавый обычай! Этот злейший обычай так укоренился, что мы не только не причащаемся сами, но и если каких-нибудь других людей увидим, что они часто приступают к Божественному приобщению, то мы их порицаем, осуждая их как якобы неблагоговеиных и не уважающих Божественные Таины, тогда как нам следовало бы брать с них пример.

Итак, справедливо на нас исполнилось пророчество Исаии: «Слухом услышите — и не уразумеете, и очами смотреть будете — и не увидите. Ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули». Ибо во-

истину все мы сделали как будто безчувственными и не понимаем ни того, что говорим, ни того, что слышим, ни того, что видим.

И я знаю, что по причине такого жалкого нашего состояния, сколько бы я ни говорил об этом предмете, прислушаются немногие. Ибо у многих отяжелел слух, так что не могут они слышать, как сказал Исаия. А для этих немногих я хочу привести один пример и закончу. Представим себе, что некий царь сидит на высоком троне, пребывая вне дворца, на некоей равнине, а перед ним стоят все князья, и офицеры, и все воинские отряды с великим страхом и трепетом. И вот если бы тот царь повелел одному из них выйти вперед и подойти к себе, чтобы дать ему некое поручение, а какие-нибудь другие, позавидовав его близости к царю, попытались бы его отговорить от выполнения царского приказа, то, скажите мне, послушал ли бы он их, выразил ли бы он пренебрежение по отношению к царю? Я думаю, что он не обратил бы на этих людей ни малейшего внимания и с великой готовностью побежал бы к царю, считая для себя великой честью и славой исполнить его приказ.

Итак, если в отношении смертного царя мы хотим показать, что мы столь послушны, почему не делаемся мы еще более послушными в отношении Царя небесного и нашего Владыки? Земной царь способен, может быть, лишить нас чести, славы и имущества — всего того, что сегодня или завтра уничтожит смерть. А Бога, способного осудить нас на вечную смерть, кто тогда сможет умолить?

Что мы тогда, несчастные, будем делать — те из нас, которые преступают Владычние за-

поведи, — когда начнется Великий суд? Разве мы сможем тогда найти оправдание перед Богом, по отношению к Которому мы сейчас выказываем пренебрежение, оправдываясь тем, что, дескать, «такой-то человек нам воспрепятствовал, и мы поэтому не исполнили Твое повеление»? Наверное, многие из нас это скажут тогда, но никакой пользы это нам не принесет.

Поэтому должны мы сейчас покаяться, прежде чем придет тот час. Должны отказаться от пожеланий диавольских и обычаев человеческих. Должны исполнять заповеди Божии и, подготавливаясь необходимой подготовкой, часто причащаться Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, чтобы укрепляться в благодати Божией благодаря Божественному приобщению. И, таким образом укрепляемые, да творим каждый день на земле волю Божию, благую, и благоугодную, и совершенную, как ее творят на небе Ангелы. А если кто-то нам будет в этом препятствовать, тогда мы имеем по отношению к ним, как к духовным отцам, долг уговаривать их, с горячими слезами в глазах, до тех пор, пока любым возможным способом не убедим их дать нам позволение, чтобы удостоиться получить нам обручение Духа в наших сердцах с совершенным чувством и осознанием этого. И здесь и там да удостоимся мы славить вместе с Ангелами и всеми святыми Отца, и Сына, и Святого Духа — в Троице Единицу и в Единице Троицу, безпредельно совершенного Бога, в нескончаемые веки веков. Аминь.

*Перевод с греческого
иеромонаха Симеона (Гагатики)*

РАЗДЕЛ III

ТЕМА 1

СМИРЕНИЕ — ОСНОВА ВСЕХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ*

Значение и сущность смирения

Наша задача состоит в том, чтобы непрестанно трудиться над собственным духовным совершенствованием. Бог же, зная, что необходимо для спасения каждого человека, решает, давать ли нам Свои дары или повременить с этим.

Смирение столь важно для нашего спасения, что, если мы не трудимся над его приобретением, Господь Сам начинает учить нас этой добродетели. И такое обучение чаще всего происходит посредством скорбей, которые Он попускает нам испытать. Если мы не хотим

---

* По книге протоиерея Вячеслава Тулупова «Одеяние Божества».

Протоиерей Вячеслав Тулупов — кандидат богословских наук. В своей книге рассказывает о христианской добродетели смирения. Большое внимание автор уделяет практическому применению святоотеческих наставлений о смирении в повседневной жизни.

смириться добровольно, то вынуждены смириться принудительно. Больной, не пожелавший лечиться лекарствами и запустивший свою болезнь, в конечном итоге должен претерпеть хирургическое вмешательство.

Святые отмечали, что в основе каждого грехопадения лежит гордость. В земной жизни мы все согрешаем — один больше, другой меньше, но никто не живет без греха. И если мы внимательно исследуем какой-нибудь грех, то убедимся, что, прежде чем совершить его, наша душа в чем-то возгордилась. Осознав причину греха и раскаявшись в нем, мы тем самым можем устранить грядущее на нас исправительное наказание. Если же продолжаем гордиться и не каемся, то нас начинают исправлять жизненные обстоятельства, не зависящие от нашей воли.

Святые знали о смиряющем действии скорбей на душу человека и поэтому всегда воспринимали их как возможность для еще большего совершенствования в добродетели смирения.

Когда святому Иакову Эвбейскому в госпитале сделали операцию, его посетил один знакомый. В беседе он поинтересовался, почему старцу, несмотря на его веру и подвижническую жизнь, Бог попустил перенести страдания. «Попустил Бог, чтобы смирился», — ответил старец.

Смиренный праведник, «озираясь на протекающую жизнь свою, — пишет святитель Игнатий, — видит, что она — непрерывная цепь согрешений, падений, действий, прогневающих Бога, и от искренности сердца признает себя величайшим грешником, достойным временных и вечных казней».

Белгородский старец схиархимандрит Григорий, проведенный более одиннадцати лет в концлагерях на Колыме, смиренно говорил:

— Те, которые были праведниками, сподобились мученического венца, а мы страдали за свои грехи.

В скорбях мы должны находить духовную пользу. Для этого нам необходимо почаще вспоминать наставления преподобного Исаака Сирина. Он писал, что как только в человеке появится некоторое самомнение, так Бог тотчас попускает, чтобы против него усилились искушения. И усиливаются они до тех пор, пока человек не познает свою немощь и не смирится. А унижены мы бываем часто именно в том, чем гордимся. Если ищешь добродетели, то предай себя на всякую скорбь, ибо скорби рожают смирение. Кто уклоняется от скорбей, тот разлучается и с добродетелью. Кто без скорби имеет какую-либо добродетель, тому отверста дверь гордости (*святитель Игнатий, епископ Ставропольский, т. I, с. 308*).

Наша повседневная жизнь наполнена искушениями и скорбями. Мудрый христианин воспринимает их как хорошие уроки смирения.

Смирение побеждает козни дьявола

Все мы, живущие на земле, находимся в большой опасности. Почему? Потому что, по словам апостола Петра, в окружающем нас мире *дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8).

Ни один из нас не может спасти свою душу, не победив в борьбе с падшими ангелами. Злобные демоны, сами низвергнутые в ад,

поставили перед собой цель и человечество погубить в его безднах. Они соблазняют человека, опутывают его страстями и доводят до грехопадений. Для этого нечистые духи используют все доступные им средства. Не имея возможности насильно заставить людей совершать беззакония, демоны действуют хитростью. Что же мы можем противопоставить коварству диавола? Этот вопрос беспокоил христианских подвижников с древних времен.

Однажды преподобный Антоний Великий духовным взором увидел все сети диавола, раскинутые по земле. Вздохнув, он сказал:

— Горе роду человеческому! Кто может освободиться от этих сетей?

В ответ преподобный услышал голос свыше:

— Смирennemудрый спасается от них, и они не могут даже прикоснуться к нему.

Все козни диавола разрушаются смирением. Чем более мы с помощью Божией совершенствуемся в смирении, тем менее подвергаемся опасности быть обольщенными и погубленными коварными демонами.

Невидимо бесы борются с нами через помыслы, а осязаемо посредством других людей, от которых мы терпим несправедливые оскорбления и притеснения. Если демонам удастся полностью овладеть каким-нибудь человеком, тогда они начинают использовать его для еще более грубых нападений на нас. Об одном из таких искушений рассказывает в «Отечнике».

К старцу-отшельнику пришел человек, одержимый бесом. Из уст несчастного постоянно истекала пена, и его внешний вид был

ужасен. Увидев старца, он ударил его по щеке. Отшельник подставил другую. Демон, не вытерпев смирения подвижника, тотчас вышел из бесноватого.

Диавол, нападая на нас через других людей, стремится возбудить в наших сердцах по отношению к ним гнев и вражду. Во время подобных искушений нам необходимо проявлять особую любовь к человеку, притесняющему нас, и смирением перед ним побеждать диавола. Конечно, это относится к нашей личной жизни.

В истории Церкви были случаи, когда диавол лично являлся великим святым и пытался выместить на них свою злобу. Так, однажды преподобный Макарий Египетский нес в келию пальмовые ветви для плетения корзин. Неожиданно на своем пути он встретил диавола, который замахнулся серпом и хотел ударить его, но не смог.

— Макарий! — обратился он к святому. — Из-за тебя я терплю великую скорбь, потому что не в состоянии победить тебя. Вот и я делаю все, что делаешь ты. Ты постишься — ничего вовсе не ем и я; ты бодрствуешь — и я никогда не сплю. Одно, впрочем, есть, в чем ты превосходишь меня.

— Что это такое? — спросил его преподобный.

— Смирение твое, — отвечал диавол, — вот почему я и не могу бороться с тобой.

Обольщая людей, сатана может принимать образы Христа, Ангелов и святых. Являясь в таком облики христианам, он пытается привести их в состояние духовного прельщения. Однажды в древности диавол предстал в виде

Ангела перед одним египетским подвижником и, возбуждая в нем тщеславие, сказал:

— Я, Архангел Гавриил, послан к тебе!

— Смотри! — смиренно и простодушно молвил старец. — Не к кому ли другому ты послан? Потому что я недостойн того, чтобы посылались ко мне Ангелы.

После этих слов диавол тотчас исчез.

Демоны, будучи чрезвычайно наглыми и гордыми, приближаясь к смиренномудрому человеку, теряют всю свою злобную силу, и все их козни превращаются в ничто. Египетский подвижник авва Моисей говорил, что имеющий смирение смиряет демонов, а не имеющий смирения осмеивается демонами.

Спасение невозможно без смирения

Одна монахиня, духовная дочь оптинского старца Анатолия, в своем письме просила дать наставление о том, как ей не сбиться с пути спасения. Преподобный в ответ написал: «Начни со смирением, делай со смирением и кончай со смирением, и вчинишься со святыми. Этот путь, то есть путь смирения, самый надежный и, как говорят отцы, «непадательный». Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех?»

Старцы Оптиной пустыни, являвшейся одним из духовных центров России по воспитанию в иноках смирения, придавали ему перво-степенное значение. Будучи сами живыми примерами смиренномудрия, они считали смирение фундаментом духовной жизни христианина. Это мнение у них сложилось благодаря глубокому изучению Священного Писания, творений святых отцов и личному аскетическому опыту. Гос-

подъ наш Иисус Христос, показывая людям путь спасения, сказал: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). Так, преподобный Иоанн в своей знаменитой книге «Лествица» писал, что диавол только из-за гордости ниспал с неба, а царь Давид, как он сам говорил о себе, не постылся, не бдел, не лежал на голой земле, но смирился, и спас его Господь. Святое смирение отверзает врата небесные, и без него никто не войдет в небесный чертог (Лествица, 1908, с. 151, 166).

«Смирение и без дел многие прегрешения делает простительными, — наставлял преподобный Исаак Сирий. — Напротив того, без смирения и дела бесполезны, даже уготовляют нам много худого. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели. И если приобретем его, соделает нас сынами Божиими и без добрых дел представит Богу» (Лествица).

Справедливости ради надо отметить, что хотя смирение может и одно спасти человека, при наличии других добродетелей процесс спасения протекает более благоприятно. Преподобного Иоанна Пророка однажды спросили, каким образом можно быстрее спастись. Великий старец ответил, что быстрее всех спасает свою душу тот, кто к смирению присоединяет и другие духовные подвиги. Медленнее спасаются те, которые, имея смирение, вместо подвижничества претерпевают обиды от ближних. Еще медленнее спасаются христиане, обладающие только одним смирением.

Быстро или медленно, но при наличии смирения мы войдем в Царство Божие. Без

смирения же все наши надежды на спасение напрасны.

Смирение — источник мира и радости

Одна из сестер Шамординской обители за невольный проступок получила от настоятельницы строгий выговор. Сестра попыталась было объяснить причину своей провинности, но разгневанная начальница не хотела ничего слушать и тут же при всех пригрозила поставить ее на поклоны. Больно и обидно стало насельнице. Однако она подавила в себе самолюбие, замолчала и смиренно попросила прощения у настоятельницы. Придя к себе в келию, сестра вдруг вместо стыда и смущения ощутила в своем сердце неизъяснимую радость. Вечером того же дня она сообщила о всем случившемся преподобному Амвросию Оптинскому, который, выслушав ее рассказ, сказал:

— Этот случай промыслителен. Помни его. Господь захотел показать тебе, как сладок плод смирения, чтобы ты, ощутив его, всегда понуждала себя к смирению: сначала к внешнему, а затем и к внутреннему. Когда человек понуждает себя смиряться, Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным. Самооправдание только кажется облегчающим средством, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение.

Слово «смирение» имеет в своей основе слове «мир». Это указывает на то, что смиренный человек всегда пребывает в мире с Богом, самим собой и другими людьми. Известный египетский подвижник авва Пафнутий расска-

зывал, что в дни своей молодости постоянно ходил к великим старцам в пустыню, отдаленную от него на большое расстояние. Он открывал им все свои мысли. Они же говорили ему:

— Куда бы ты ни пришел, храни смирение, и будешь спокоен.

Смирение приносит человеку мир, радость и благодатную безмятежность. Оно же делает эти чувства в христианине непоколебимыми, несмотря на скорби и житейскую суету. Если мы в любых искушениях будем прибегать под покров смирения, то найдем единственно правильное решение всех своих проблем.

ТЕМА 2

СМИРЕННОМУДРИЕ

Познание собственной немощи

В святоотеческом понимании слова «смирение» и «смиренномудрие», хотя и являются синонимами, но тем не менее имеют различное значение. Смиренномудрие — это правильный образ мыслей человека о самом себе и окружающем его мире. Именно смиренномудрие рождает смирение, которое представляет собой не что иное, как состояние внутреннего сердечного мира. Следовательно, если мы желаем приобрести смирение, нам сначала надо стать смиренномудрыми. Чем же характеризуется смиренномудрие и каким образом его можно достигнуть? Прежде всего, надо сказать, что смиренномудрие рождается в человеке от осознания собственной немощи и собственного ничтожества.

Преподобный Макарий Оптинский в письме одной из своих многочисленных духовных чад писал, что он исполнен гордости и лежит во грехах, и если бы у нее открылись глаза и она увидела только малую часть его злых деяний, то ее взору предстало бы чудовище (Жизнеописание оптинского старца иеросхимонаха Макария, 1997, с. 49). Это писал старец, достигший духовного совершенства. Однако такое мнение святого о себе самом не удивительно: в свете славы Божией праведник яснее замечает свои человеческие недостатки, что дает ему повод для еще большего смирения.

У святых сознание собственного ничтожества было очень глубоким и всеобъемлющим. Нам необходимо следовать их примеру и постоянно насаждать это чувство в своем сердце. Для этого надо как можно чаще размышлять о своей греховности и мысленно представлять себя ничтожной пылинкой в необъятной Вселенной — пылинкой, затерянной среди времени и событий человеческой истории. Правда, размышлять об этом необходимо с некоторой осторожностью, чтобы мысли о своей ничтожности и греховности не привели нас к малодушию. Помня о своих слабостях и грехах, нельзя забывать и о великой любви к нам Господа, Который уготовал Своим смиренным рабам обители в Царстве небесном. Не ожидая от себя ничего славного в духовном отношении, мы должны всю надежду на свое спасение возложить на Бога и в Нем одном находить духовную силу и утешение.

Как начать познавать свою немощь? Человек лучше всего осознает собственное ничто-

жество тогда, когда размышления о своих грехах и немощах соединяет с покаянными молитвами пред Богом. Одним из самых эффективных средств смиренномудрия (для достижения смирения), к которому прибегали многие старцы и подвижники в своей духовной жизни, является покаянная молитва Иисусова «Помилуй мя грешного». В ней присутствует элемент мытарева смирения: «Боже, милостив буди мне грешному».

Святые не видели своих заслуг

Однажды послушники аввы Арсения Великого подошли к его келии и услышали, как он молился:

— Боже, не оставь меня! Я не сделал пред Тобою ничего доброго, но даруй мне, по благодати Твоей, положить начало.

Так один из самых выдающихся святых Православной Церкви не видел своего величия и, более того, молился о том, чтобы Господь помог ему начать спасение его души. Такое отношение к собственной духовной жизни было свойственно многим праведникам.

Преподобный Макарий Великий как-то сидел в своей келии, и вдруг перед ним предстал Ангел, посланный Богом.

— Макарий! — обратился он к преподобному. — Не бойся нападения невидимых врагов, потому что наш благой Владыка не отступит от тебя и не перестанет поддерживать тебя. Мужайся, укрепляйся, храбро побеждай противников, но делами твоими не превозносись, чтобы Божественная помощь не оставила тебя и ты не пал падением дивным.

Авва Макарий, услышав слова Ангела, заплакал и сказал:

— Чем превозноситься мне, когда душа моя, подобно развратной блуднице, питается смрадом нечистых помышлений, приносимых бесами.

Эти слова были сказаны человеком, который обрел безстрастие, совершил множество духовных подвигов и сподобился достичь высших степеней святости.

Однако никто из людей не может постоянно помнить о своей немощи, если его не беспокоит какое-нибудь искушение, от которого он изнемогает. Так как великие святые, победив все свои страсти, уже не могли быть искушаемы ничем материальным, Господь попускал демонам тревожить Своих избранников помыслами, предоставляя праведникам посредством смирения обретать еще большее совершенство. Постепенно святые достигали такой убежденности в своей ничтожности, что ее никто и никогда не мог поколебать.

Авва Дорофей пишет, что высшая степень смирения состоит в том, чтобы все свои духовные подвиги приписывать Богу. Как ветви дерева преклоняются к земле под тяжестью плодов, так и праведники, чем более приближаются к Богу, тем более смиряются и видят себя грешными.

Беря пример со святых, мы должны всегда помнить о том, что сами по себе ничего не значим, и свои успехи на пути спасения объяснять помощью Божией. Надо иметь твердое убеждение, что без постоянного покровительства Господа мы не можем совершить ничего доброго и полезного для своей души.

Преподобный Иоанн Лествичник сказал, что превосходнейшей степенью смирения является совершенное неверие своим добрым делам и постоянное желание учиться (Лествица, с. 164).

Каждый из нас в той или иной степени имеет какие-нибудь положительные качества. Однако их надо непременно забыть, чтобы они не мешали нам видеть свое ничтожество. Надо помнить, что наши достоинства, врожденные или приобретенные, являются дарами Божиими. Их наличие в нас зависит только от воли Божией. Нам очень полезно как можно чаще мысленным взором охватывать все свои слабости, недостатки и страсти. Такое созерцание поможет нам предать забвению достоинства и реально оценить свои возможности.

Когда мы живо ощущаем всю пагубность своего нравственного падения, в нас просыпается стремление к духовному возрождению. Мы начинаем усиленно трудиться над спасением души, но очень быстро убеждаемся в своем безсилии. Успехи на пути спасения у нас появляются только тогда, когда мы, отвергая самонадеянность, всю надежду возлагаем на помощь Божию.

Не желай духовной высоты

Гордость может возникнуть у человека в любой сфере его деятельности. У христианина, ведущего духовную жизнь, она может обнаружиться в тщеславном желании достичь мистических высот в области молитвы. Нам полезно помнить слова преподобного Исаака Сирина:

«Когда предстанешь в молитве пред Богом, соделайся в помысле своем как бы муравьем, как бы пресмыкающимся по земле, как бы пиявицею и как бы ребенком лепечущим. Не говори пред Богом чего-либо от знания, но мыслями младенческими приближайся к Нему» (Слова подвижнические, с. 214). Во время молитвы нам необходимо сознавать свою ничтожность, а не стремиться к духовным ощущениям.

ТЕМА 3

ПУТИ ПРИОБРЕТЕНИЯ СМИРЕНИЯ

Внутреннее самоуничижение

«Чувство смирения находится в сердце человека, но рождается оно от смиренномудрого состояния ума. Если мы желаем стать смиренными христианами, нам, наряду с осознанием своей немощи, необходимо приобрести правильный взгляд на людей и на наше отношение к ним. Смиренномудрие перед ближними в области мысли постепенно приведет нас к смирению перед ними на практике.

Любовь к людям, проникнутая смиренномудрием, простирается на всех людей без различия их убеждений, национальности, образа жизни и положения в обществе. Смиренный христианин любит даже явных грешников, полагая, что причина их беззаконий коренится не в них самих, а в демонах, которые обольстили слабые души.

Мы должны смотреть на каждого человека как на прекрасное творение Божие, украшенное Его образом и предназначенное к бого-

уподоблению. Необходимо внутренне уничтожать самих себя, вспоминая собственные грехи, слабости и страсти. Если мы будем поступать таким образом, то не заметим у наших ближних никаких недостатков.

Незадолго до смерти, страдая тяжелой болезнью, схиархимандрит Моисей, старец Оптиной пустыни, в беседе с одним из духовных друзей сказал:

— Другие, может быть, только думают, что они хуже всех, а я за пятьдесят семь лет монашества опытом и на самом деле познал, что я хуже всех.

Подобного мнения о себе были все святые. Так, иеросхимонах Нектарий, последний соборно избранный оптинский старец, будучи духоносным наставником многочисленной паствы, всегда со смирением говорил о себе:

— Я в новоначалии, я учусь, я утратил всякий смысл... Я наистарейший в обители летами, больше пятидесяти лет прожил здесь, а наименьший по добродетели. Я — муравей, ползаю по земле и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высоко, до облаков поднимаются.

Праведники не занимались исследованием, достоин ли тот или иной человек уважения. Они не обращали внимания на множество его очевидных недостатков. Их мысль была прикована только к тому, чтобы по какой-либо причине не забыть о том, что любой человек есть образ Божий и что все наши дела по отношению к ближнему Христос воспринимает так, как если бы они были совершены относительно Его Самого»*.

---

* *Епископ Игнатий Брянчанинов. Сочинения. СПб., 1905. Т. 5. С. 90.*

Нам надо помнить, что наше желание не замечать чужих грехов и слабостей является только благим намерением, но оно еще далеко от подлинного смирения. Когда христианин достигнет совершенства в этой добродетели, он вообще не может видеть недостатков в других людях, так как перед его взором постоянно стоят лишь собственные грехи.

— Чтобы достичь совершенства и всей высоты евангельского смирения, — сказал афонский затворник отец Тимофей, — человек должен приучить себя думать и верить, что он хуже не только скота, но и демона.

Самоукорение в искушениях

Наше смиренномудрое отношение к людям начинает подвергаться испытаниям, когда мы терпим от них скорби и искушения. Можно уверенно считать себя хуже всех в спокойном состоянии духа, но при скорбях это удаётся намного труднее. Здесь подает голос самооправдание, и мы бросаемся искать виновных в наших злоключениях. Для того чтобы смиренномудрие не покидало нас в искушениях, необходимо постоянно заниматься самоукорением. Самоукорение — это внутреннее обвинение самого себя в греховности и негодности. Занимаясь самоукорением, мы должны видеть причины своих грехопадений, искушений и бед в себе самих, а не в других людях или внешних обстоятельствах. Самоукорение есть насилие над нашим испорченным естеством, так как нам, находящимся на земле в падшем состоянии, свойственно считать себя во всем правыми и доказывать свою правоту

при помощи всяческих ухищрений. В то же время самоукорение служит средством для исправления нашей падшей природы.

Преподобный старец Иларион учил младших оказывать старшим почтение, избегать прекословия и ни с кем не быть дерзким. Он советовал не противоречить старшим даже тогда, когда они, как кажется, делают несправедливое замечание. В этом случае вместо объяснений полезней лишь сказать: «Простите Бога ради».

Внешнее самоуничижение

После того как мы приобретем смиренно-мудрый образ мыслей и научимся смиренному поведению, нам необходимо пройти через самый ответственный этап на пути стяжания добродетели смирения: через внешнее уничижение перед людьми. Именно на этом этапе испытывается и укрепляется наше смиренно-мудрие.

Известный богослов протоиерей Валентин Свенцицкий в беседе с Сергеем Фуделем как-то сказал:

— Вот мы учим о любви и смирении, а случись, что нам в автобусе наступят на ногу, и мы тотчас же этого человека ненавидим.

Можно постоянно думать о своей ничтожности перед Богом, иметь смиренный вид и уметь кротко беседовать с людьми, но при этом быть очень далеким от истинного смирения, которое куется только под молотом внешних искушений. Зная об этом, многие подвижники сами стремились к тому, чтобы закалить себя в горниле оскорблений, клеветы и притеснений.

Так, московский митрополит Филипп, принадлежа к знатному роду бояр Колычевых, в тридцатилетнем возрасте оставил службу при царском дворе и тайно ушел в Соловецкий монастырь. Здесь будущий святитель, скрыв свое происхождение и звание, с усердием в простоте сердца исполнял все, что ему повелевали делать. Он рубил дрова, копал в огороде землю, перетаскивал камни и даже выносил помои. Много раз некоторые из монахов оскорбляли его и наносили ему побои, но инок Филипп никогда не гневался и с радостью переносил все притеснения. Когда игумен дал ему послушание на кухне, он смиренно работал на братию, разжигая огонь и рубя дрова.

«Кто истинно смиренномудр, — пишет преподобный Исаак Сирин, — тот, будучи обижен, не возмущается и не говорит ничего в свою защиту, но принимает клеветы, как истину, и не старается уверять людей, что он оклеветан, но просит прощения. Ты думаешь о себе, что есть в тебе смирение. Но другие сами себя обвиняли, а ты, и другими обвиняемый, не переносишь сего и считаешь себя смиренномудрым. Если хочешь узнать, смиренномудр ли ты, то испытай себя в сказанном: не приходишь ли в смятение, когда тебя обижают?»*

Некоторые праведники для постоянного совершенствования в добродетели смирения старались всегда иметь около себя человека, который подвергал бы их унижению.

К старице Пелагее Ивановне, преемнице преподобного Серафима по духовному окормлению дивеевских инокинь, была приставлена

---

* Слова подвижнические. С. 310—311.

очень суровая послушница Матрена. Пелагея Ивановна, взяв на себя подвиг юродства, первые годы своей жизни в Дивееве вела себя очень беспокойно: безумствовала, бегала по монастырю и бросала камни в окна. За все это Матрена была ее так сильно, что в конце концов сестры Дивеевского монастыря не вытерпели и упростили игумению отстранить Матрону от присмотра за блаженной. К Пелагее Ивановне приставили добрую и кроткую девушку Варвару. Однако такая перемена не понравилась блаженной: ведь ее лишили внешнего унижения! Пелагея Ивановна стала всячески стараться избавиться от кроткой Варвары, и в конце концов ей это удалось.

Конечно, людям, с трудом выдерживающим мелкие обиды, почти невозможно понять, откуда черпали силы для своих подвигов праведники, подобные Пелагее Дивеевской. Завесу над этой тайной приоткрывает рассказ одного смиренного старца, который однажды был подвергнут наказанию и безчестию. Во время перенесения позора «внезапно ощутил я, — вспоминал старец, — жар во всем теле моем и при нем какую-то необъяснимую словами мертвость, после чего вдруг запылало из сердца желание получить всенародное посрамление и заушение от палача на площади за грехи мои. При этом выступил румянец на лице; несказанная радость и сладость объяли всего; от них я пребывал в течение двух недель в восторге, как бы вне себя. Тогда я понял с ясностью и точностью, что святое смирение в мучениках в соединении с Божественной любовью не могло насытиться никакими казнями. Мученики принимали лютые казни, как

дары, как прохладное питье, утолявшее возгоревшуюся в них жажду смирения. Смирение есть неизъяснимая благодать Божия, непостижимо постигаемая одним духовным ощущением души»*.

Жажда внешних поношений у праведников была так сильна, что они предпочитали их всем радостям и утехам мира.

Однажды епископ Переяславский Сильвестр рассказал князю Потемкину о высокодуховной жизни старца иеромонаха Клеопы. Светлейший князь, пожелав видеть его, тотчас послал за подвижником собственную карету. Спустя непродолжительное время между монахом и знаменитым вельможей состоялась беседа. Клеопа очень понравился Потемкину. Светлейший даже захотел представить его государыне императрице, но старец счел для себя за лучшее поскорее удалиться в свою Введенскую пустынь. По дороге на него напал солдат и жестоко избил. Офицер, знакомый Клеопе, увидел это и хотел наказать солдата, но старец упротил его:

— Не троньте солдата — Бог приказал! Клеопа, не тщеславься! Ездил в карете! Был во дворце!

Опытный наставник, старец Клеопа внимательно следил за духовным состоянием насельников своего монастыря и предпринимал все необходимые усилия для решения их внутренних проблем. Как-то раз один послушник объявил, что был удостоен чудесного видения.

---

* Творения иже во святых отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского / Сретенский монастырь. 1996. Т. I. С. 318.

Отец Клеопа велел инокам поругать его. Послушник, не снеся поношения, смутился, пришел к старцу Клеопе и сказал:

— Я не могу жить: меня оскорбляют!

— Как же ты говоришь, что удостоился видения, а не можешь терпеть? — спросил старец. — Ты, брате, стало быть, в прелести. Под голову камень класть, поститься, на голой земле спать — это пустое. *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), — сказал Господь, а чудеса и явления — это не обязательно.

Подобным образом иеросхимонах Лев Оптинский вразумлял своих учеников, иногда впадавших в восторженную мечтательность.

Старцы, смиряя своих послушников внешним уничижением, стремились показать им всю испорченность падшей человеческой природы. Они на практике открывали их взору слабость воли, недалекость разума и страстность сердца. Старцы ставили перед собой задачу убедить своих чад не браться прежде времени за духовные подвиги, превышающие их силы.

Если мы во время внешних уничижений теряем терпение, то проявляем свою духовную немощь. В этот момент из нашего сердца поднимается скрытая в его глубинах гордость. Если же мы искренно считаем себя самыми грешными и скверными рабами Божиими, то притеснения и оскорбления не могут расстроить нас. Наоборот, они приносят нам радость, так как благодаря им происходит очищение грехов и исправление наших недостатков.

Авва Дорофей писал: «Веруй, что безчестия и укоризны суть лекарства, врачующие гор-

дось души твоей, и молись об укоряющих тебя, как об истинных врачах души твоей, будучи уверен, что, кто ненавидит безчестие, ненавидит смирение и кто избегает огорчающих его, тот убегает кротости»*.

Если мы будем прислушиваться к этим словам, то все наши недруги, оскорбители и обличители станут нами восприниматься как лучшие друзья. Однако беда в том, что мы, перенося обиды с терпением, часто все же в глубине сердца испытываем неприязнь к обидчикам. Святые старцы, отлично зная психологию падшего человеческого существа, всегда осторожно и мудро уничижали своих духовных чад.

Старец Севастиан Карагандинский заставлял старших просить прощение у младших, обиженных смирял, а обидчиков защищал. Его опытные ученики радовались этим урокам смирения, понимая, что во всех действиях старца скрывается духовная мудрость.

«Кто может с радостью перенести обиду, — писал преподобный Исаак Сирин, — даже имея в руках средство отразить ее, тот принял утешение от Бога по вере в Него. И кто с смиренномудрием терпит возводимые на него обвинения, тот достиг совершенства, и ему удивляются святые Ангелы, ибо нет никакой иной добродетели столь высокой и трудной»**. Зная об этом, старцы через уничижения вели своих сильных духом учеников к совершенству, оберегая при этом более слабых.

---

* Душеполезные поучения. С. 196—197.

** Слова подвижнические. С. 294.

Руководя жизнью своих духовных чад, белгородский старец архимандрит Григорий любил давать им уроки смирения. Поругает, бывало, прилюдно за те грехи, в которых человек не виноват, и смотрит на его реакцию — обидится или нет? Старец наставлял: «Смирение — основа всех добродетелей. Колос, когда пустой, болтается во все стороны, а когда нальется зерном, склоняется, и ветры ему уже не страшны. Так и человек: пустой болтается туда-сюда, а смиренный при всех искушениях не может повредиться». Многие из тех, кто прошел школу схиархимандрита Григория, впоследствии стали игуменами, архимандритами, епископами.

Если мы стремились приобрести смирение, нам постоянно нужно просить Бога о помощи. Однако при этом необходимо помнить наставление аввы Дорофея: «Каждый молящийся Богу: «Господи, дай мне смирение», — должен знать, что он просит Бога, дабы Он послал ему кого-либо оскорбить его. Итак, если кто-либо оскорбляет его, то он и сам должен досадить себе и уничтожить себя мысленно, чтобы в то время, когда другой смиряет его извне, он сам смирял себя внутренне»*.

Воспитывая смирение в других, святые для собственного совершенствования не упускали случая и сами принять уничижение от своих же послушников и учеников.

Истинное смиренномудрие обнаруживается, когда мы, по словам святителя Иоанна Златоуста, уступаем тем, кто, по-видимому, ниже нас, и оказываем предпочтение тем, кто считается хуже нас. Впрочем, если мы будем

---

* Душеполезные поучения. С. 130.

рассудительны, то не будем никого и считать ниже нас, но всем людям станем отдавать преимущество пред собой. Ибо в том и состоит смиренномудрие, когда кто, имея, чем превозноситься, уничижает, смиряет и ведет себя скромно. Тогда он и восходит на истинную высоту по обетованию Господа, Который говорит: смиряяй себе вознесется»*.

Христианин, который смирит свое сердце, перестает ценить свое положение среди людей и уже не обращает внимание на их грубость, нападки, оскорбления и клевету. Такой человек видит только самого себя и, поражаясь своей ничтожностью, бывает занят собственным исправлением.

«Мы не должны думать, — писал святитель Иоанн Златоуст, — что становимся ниже своего достоинства, когда сами смиряемся. Ибо тогда-то по всей справедливости мы бываем выше, тогда-то особенно и достойны почтения»**. Люди, подверженные мирским страстям, любят самоутверждаться друг перед другом. Мы же, христиане, должны заниматься самоуничижением перед ближними. Именно в этом состоит истинное самоутверждение перед Богом. Любое состязание в чем-либо с другими людьми неминуемо ведет нас к потере духовного мира и возникновению в нашем сердце тщеславия, в случае успеха или уныния, при поражении. Все, что делает нас выше других людей, отнюдь не служит нашему духовному благополучию. Святые стремились свести к

---

* *Святитель Иоанн Златоуст. Собрание поучений. Избранные творения. ТСЛ. 1993. Кн. 1. С. 9—10.*

** Там же. Кн. II. С. 430.

минимуму даже те преимущества, которые принадлежали им по праву.

Святые скрывали свои духовные подвиги. Когда это не удавалось, они совершали поступки, которые могли, как им казалось, приуменьшить почтение к ним со стороны их почитателей.

Смирение вразумляет грешников

Смиренномудрый владеет таким сокровищем, которое духовно обогащает не только своего владельца, но и окружающих его людей. Происходит это потому, что смирение может передаваться от одной человеческой души к другой.

Если мы желаем кого-либо привлечь к христианству или отвратить от греховной жизни, то нам в этом более поможет смирение, нежели умные речи и доказательства. Конечно, они тоже необходимы, но начинать надо именно со смирения. Причина любого греха — гордость. Поэтому каждый некаяющийся грешник одержим в той или иной степени этой страстью. Именно она мешает ему принести покаяние перед Богом. На гордеца не произведут впечатления наши знания и ум: он считает, что обладает ими в большей степени, чем другие люди. На него сможет подействовать только смирение, которое у него полностью отсутствует.

Когда к преподобному Серафиму Саровскому пришел генерал с орденами на груди, преподобный Серафим поклонился генералу в ноги. Через несколько минут из келии старца послышался плач. Генерал плакал, как малое дитя, закрыв лицо руками, когда вышел

из келии старца. Старец раскрыл перед ним всю его жизнь, включая самые тайные деяния. Ордена сами свалились с него во время беседы со старцем.

— Это потому, что ты получил их незаслуженно.

Генерал был поражен смирением и прозорливостью старца.

Как мы видим, что даже великий старец преподобный Серафим Саровский начал помогать человеку в деле его спасения со смиренного поклона перед ним. Святой знал, что на генерала не окажут действия ни чудеса, ни прозорливость, если прежде не укротить его гордыню. Только после того, как преподобный смирением победил гордость генерала, он воздействовал на его душу своей благодатной силой. Если так поступал великий святой, то тем более аналогично действовать надо и нам, не обладающим сверхъестественными дарованиями. Ситуаций же, в которых можно воспользоваться смирением для обращения окружающих нас людей ко Христу, в нашей жизни встречается предостаточно.

Самый короткий путь к смирению

Кто-то из учеников оптинского старца Леонида (в схиме Льва) однажды спросил:

— Батюшка! Как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?

— Живи попроще, — ответил старец, — Бог и тебя не оставит.

Леонид был последним в обителях и никогда ни от какого поручения настоятеля не отказывался. Накануне великих праздников

другие, бывало, стремятся в церковь, а Леонида посылают на хутор за сеном для лошадей приезжих гостей, а потом усталого, без ужина посылают на клирос петь, и он безропотно повиновался. Старайся и ты так жить, и тебе Господь явит милость Свою.

Отрекаясь в послушничестве от своей греховной воли, человек отдает себя в руки опытного наставника, способного привести его в Царство небесное. Истинный послушник должен во всем подчиняться старцу и отвергать все свои желания, идущие вразрез с волей духовника. В духовной жизни нет мелочей, поэтому послушнику необходимо исполнять в точности все без исключения распоряжения наставника, какими бы малозначительными они ни казались. Послушник не должен доверять своему разуму, находящемуся во власти страстей, но обязан во всем руководствоваться советами своего богопросвещенного старца.

Настоятель Оптиной пустыни архимандрит Моисей постоянно требовал от иноков, чтобы они на любое дело спрашивали благословение старших и ничего не предпринимали по своей воле. Как бы успешно и полезно для обители не было дело, совершенное без благословения, отец Моисей никогда не одобрял его. Он говорил, что самочиние приводит к тщеславию и в конечном итоге приносит вред душе.

Человеческая воля еще до первого грехопадения заключена в границы закона Божия. Адам и Ева, исполняя заповеди Божии, вкушали полноту блаженства, потому что их жизнь и свобода находились в рамках этих заповедей. Вне границы Божественных пра-

вил для человека блаженства не существовало. Нарушив волю Божию, человек потерял свою духовную свободу и подпал под власть греха и диавола.

В послушничестве происходит освобождение духа христианина от господства падшей человеческой природы. Послушник отрекается от своей призрачной земной свободы, а старец ограничивает его жизнь строгим и точным исполнением евангельских заповедей. Это позволяет послушнику, насколько возможно в земном мире, восстановить в себе первозданную свободу человека. Зная это, даже великие святые старались не выходить из взаимного послушания друг другу.

Через послушание мы можем быстро и без лишних усилий приобрести смирение. Однако нашего желания и даже наличия у нас необходимых качеств еще недостаточно для истинного послушничества. Для этого, прежде всего, нужен опытный старец, который обладал бы Божественным даром духовного наставничества. Многих можно назвать хорошими духовниками, но старцев-наставников во все времена было очень мало.

Взаимоотношения старца и послушника в Церкви всегда строились на основе взаимной любви, согласия и понимания.

Испытание славой

В главе о познании собственной немощи упоминалось, что гордость препятствует нам осознать свою ничтожность. Нужно заметить, что эта страсть вредит не только вступившему на путь приобретения смирения, но и христи-

анину, на этом пути уже достигшему определенных успехов.

Мы никогда не должны духовно расслабляться, потому что в земной жизни нас подстерегает множество искушений, изгоняющих смирение из наших сердец. Особенно нам надо опасаться гордости, которую диавол стремится насадить в наши души любыми средствами. Преподобный Ефрем Сирин пишет, что нечистый дух изворотлив и для каждого христианина ставит особую сеть. Мудрого диавол пытается прельстить мудростью, богатого — богатством, красивого — красотой, красноречивого — красноречием, художника — искусством, подвижника — подвижничеством, нестяжательного — нестяжательностью*.

Одной из разновидностей гордости является тщеславие. Падшая человеческая природа очень склонна к поискам славы, поэтому борьба с тщеславием трудна и занимает много времени. Особенно честолюбивыми бывают молодые люди и неопытные подвижники. Зная это, духовники всегда старались оградить своих учеников от человеческой славы и неустанно объясняли им всю ее пагубность.

Преподобный Макарий Оптинский руководил переводом и изданием святоотеческих трудов великих аскетов древности. Обычно же старец скрывал свои духовные познания и на вопросы отвечал:

— Я не знаю сего; это не моей меры. Может быть, ты достиг ее, а я лишь знаю: даруй ми, Господи, зрети моя согрешения!

---

* *Ефрем Сирин, прп.* Творения. Сергиев Посад. 1895. Ч. I. С. 29—30.

Праведники всегда гнушались человеческой похвалы и искали славу только у Бога. Преподобный авва Дорофей писал: «Как облеченный в шелковую одежду, если набросить на него нечистое рубище, отбегает, чтобы не замарать своего драгоценного одеяния, так и святые, будучи облечены в добродетели, убегают человеческой славы, чтобы не оскверниться ею. А ищущие славы подобны нагому, который желает найти хотя малое рубище или иное что-либо, дабы покрыть свой стыд, так и необлеченный в добродетели ищет славы человеческой»*.

Смирненное состояние духа достигается многими трудами, теряется же иногда из-за одного гордого помысла. Святые знали, что их не защитят никакие заслуги перед Богом, если они не будут уклоняться от человеческой славы. Поэтому тщеславия боялись даже люди, достигшие духовного совершенства. Многие подвижники уходили в пустыни.

Прежде всего нам надо оторвать свои мысли от земли и устремить свой духовный взор к небу. Если мы будем всегда иметь перед глазами Бога и Его небесное Царство, то мирская слава перестанет нас прельщать.

Для изгнания из души тщеславия также полезно размышлять о суетности и бесполезности земной славы. Даже если мы будем окружены столь великой славой, о которой только может мечтать человек, в конечном итоге она нам не принесет ровным счетом ничего хорошего, только вред, ибо будет препятствовать стяжанию вечной жизни. Так стоит ли

---

* Душеполезные поучения. С. 49.

стремиться к славе и прилагать к ее достижению хоть какие-нибудь усилия? Даже на земле от славы мало пользы. Часто она уходит так же быстро, как и приходит, оставляя после себя лишь скорбь. Люди, которые сегодня нас хвалят, завтра могут нас злословить, нам завидовать и вредить. Что толку искать славу у людей, которые не знают нашей сокровенной духовной сущности и суждения которых никаким образом не повлияют на нашу вечную жизнь? Намного лучше, исполняя заповеди, стремиться к славе у Бога, Который на страшном суде перед всем человечеством и сонмом ангелов выскажет о нас Свое окончательное и единственно истинное мнение.

Святые не желали принимать славу от людей, но Бог, видя, что они уже достигли совершенства в смирении, иногда Сам прославлял праведников, чтобы их дела служили другим примером для подражания. «Кто гонится за честью, от того убегает она вперед, — писал преподобный Исаак Сирин. — А кто убегает от чести, того настигает она сзади и делается для всех людей провозвестницей его смирения. Если пренебрежешь сам себя, чтобы не быть тебе почитаемым, то провозгласит о тебе Бог»*.

Нам надо учиться у преподобного Моисея Оптинского и у других святых безстрастному отношению к человеческой славе. Мы не возьмем с собой в загробный мир известность, награды, почетные звания и высокие должности. Они являются принадлежностями земной жизни и даются нам Богом. Через

---

* Душеполезные поучения. С. 304.

людей для общей пользы. Если же в нас рождается гордость, эти атрибуты славы часто отнимаются у нас Господом. По сравнению с ними наши духовные дары и добродетели, конечно, имеют намного большую ценность, потому что переходят с нами в вечную жизнь. Однако и они находятся всецело во власти Бога и подаются нам по мере возрастания в нас смирения, поэтому нет никаких оснований тщеславиться при обнаружении в себе чего-либо доброго.

Человеческая слава уничтожает в нашей душе смирение. Нам надо предпринимать все меры к ограждению себя от страсти тщеславия. Для этого, если суммировать мнения святых отцов, можно посоветовать:

1) ни в коем случае не радоваться, когда слышим похвалу в свой адрес;

2) скрывать свои добрые дела и никому не говорить о них;

3) воспитывать в себе «ненависть к похвале человеческой»*;

4) свои таланты не закапывать, но и не выставлять на всеобщее обозрение без крайней нужды;

5) если вдруг нам на память придет какое-нибудь наше доброе дело, необходимо приписать его силе Божественной благодати, возблагодарить Господа и тотчас о нем забыть;

6) не искать дружбы с богатыми, влиятельными и знаменитыми людьми, блеск славы которых может прельстить наше падшее сердце.

---

* Творения иже во святых отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. I С. 174.

Святые бегали от власти, а власть между тем бежала за ними.

Ложное смирение

Правила внешнего смиренного поведения помогают нам создать соответствующий настрой души. Однако эти правила служат только вспомогательным средством для приобретения смирения. Без внутреннего смиренномудрия смиренное поведение не имеет никакого значения для нашего духовного развития. Наоборот, только внешнее смирение, если становится самоцелью, может очень сильно повредить душе.

Самый опасный вид гордости — это гордость собственным смирением. Да, да, бывает и так: с большим трудом постигнув всю глубину своей греховности и немощи, человек неожиданно начинает этим познанием очень гордиться. И в таком случае от его смиренномудрия остается только внешнее смиренное поведение.

«Смирение не видит себя смиренным, — пишет святитель Игнатий Брянчанинов. — Напротив того, оно видит в себе множество гордости. Оно заботится о том, чтоб отыскать все ее ветви, отыскивая их, усматривает, что и еще надо искать очень много. Ложное смирение видит себя смиренным, смешно и жалостно утешается этим обманчивым, душепагубным зрелищем»*.

Если хочешь приобрести истинное смире-

---

* Творения иже во святых отца нашего святителя Игнатия, епископа Ставропольского. Т. I. С. 535—537.

ние, то учись великодушно переносить обиды от других, а пустым смиреннословием не увлекайся.

Именно обличений, поучений, указаний на слабости и недостатки не могут перенести люди, обладающие мнимым смирением. Часто в ответ на замечание они не просто сердятся и меняются в лице, но начинают спорить, оправдываться

Истинно смиренные люди никогда не выставляют напоказ свои добродетели и вообще стараются даже не говорить о себе. Смиреннословие — склонность к самоуничижению на словах — им ни в какой степени не свойственно. Из их уст нельзя услышать: «Я — грешный, окаянный, недостойный, гнусный» и тому подобное. Однако недуховным людям нравится как раз внешнее проявление смирения. Эти слова самоуничижения не вредны, если они выражают наше искреннее мнение о себе, но беда в том, что чаще они остаются только словами, за которыми нет никакой внутренней сути. Подобное смиреннословие нам необходимо исключить из своего лексикона.

Критерием смирения является наше отношение к внешним унижениям. Поэтому, проверяя, не страдаем ли мы ложным смирением, полезно наблюдать за собой в то время, когда нам делают замечания, когда нас оскорбляют или притесняют. Если мирное состояние не покидает нашу душу, то все нормально. Если же нас охватывает волнение и мы начинаем возмущаться, спорить и бороться за свои «права», то надо признаться себе в том, что мы еще далеки от истинного смирения.

Признаки смирения

Святые отцы в своих писаниях оставили нам пространное изложение своего духовного опыта, касающегося приобретения смирения. В заключение же полезно привести краткие, но очень емкие святоотеческие суждения об этой добродетели.

Так, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин и святитель Тихон Задонский, характеризуя основные признаки смирения, отмечают, что смиренномудрый христианин:

1) не только свои дела, но и помыслы открывает, ничего не скрывая, своему старцу-руководителю;

2) умерщвляя свою волю и ни в чем не полагаясь на свое мнение, все доверяет рассуждению своего духовного руководителя и охотно исполняет его наставления;

3) во всем соблюдает повиновение, кротость, терпеливость;

4) никого не обижает и сам без ропота, охотно переносит обиды, клевету и притеснения от людей;

5) никого, даже самого грешного человека, не презирает и не осуждает, но всегда помнит о собственных грехах и постоянно оплакивает их перед Богом;

6) считает себя не только на словах, но и в искреннем расположении сердца худшим из всех людей;

7) не делает ничего, что не согласно с общими правилами поведения, приличия и общежития между людьми; бывает внимателен к словам и требованиям не только высших, но и равных и меньших себя;

8) доволен своим положением, как бы оно ни было низко;

9) презирает похвалу, уклоняется от славы и власти и, если избежать их невозможно, скорбит об этом;

10) с подчиненными обходится как со своими братьями, не требует от них почтения, но постоянно заботится о них, если по необходимости и наказывает кого-либо из подвластных ему, то в своем сердце считает себя нисколько не лучше их;

11) без необходимости не говорит, а когда говорит, делает это негромко, мирно и кротко;

12) не легкомыслен и не склонен к смеху;

13) не придает никакого значения своим добрым делам и старается побыстрее их забыть*.

Святой Григорий Синаит различает семь видов смирения: молчание, смирение в мыслях, смирение в словах, смирение в одежде, самоуничижение, сокрушение, почитание себя последним. Все эти виды смирения связаны между собой и взаимно рожают друг друга. Святой пишет, что существуют две степени смирения: низшая и высшая. На низшей находится человек, который осознал себя хуже всех людей и даже бесов. Второй степени достиг тот, кто все свои добрые дела приписывает Богу и только на Него возлагает свою надежду**.

Приобретается смирение, по мнению святых отцов, следующими путями:

---

* *Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания* ТСЛ. 1993. С. 46; Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. М. 1889. Т. I. С. 141; Т. II. С. 244—245.

** *Добротолюбие*. М. 1900. Т. V. С. 205—206.

- 1) познанием своей немощи;
- 2) постоянным покаянным памятованием прежних грехов;
- 3) размышлением о великих подвигах и добродетелях святых, в сравнении с которыми наша жизнь и дела ничего не стоят;
- 4) постижением величия Божия и нашей ничтожности; размышлением о полной нашей зависимости от Бога, без Которого не можем сделать ничего доброго;
- 5) размышлением о смирении Господа Иисуса Христа, ради нас претерпевшего страдания и крестную смерть;
- 6) постоянным напоминанием себе о пагубности гордости, которая является причиной всех грехов и которую Бог более всего не терпит в людях;
- 7) стремлением в точности исполнить все заповеди Божии;
- 8) усердной молитвой к Богу о даровании великой добродетели смирения.

Смирение в современном мире

Прочитав весь этот раздел о смирении, мы поняли, что христианин может спастись, только приобретя смирение. Но в то же время вместе с такими качествами, как кротость и смирение, в христианине должны сочетаться и качества, на первый взгляд, как бы противоположные им: решительность, мужество и твердость. Истинное смирение невозможно без них, ибо, только обладая этими качествами, возможно победить демонов, которые ненавидят смирение и беспощадно борются с теми, кто стремится его стяжать.

Во все времена за обладание им подвижники вели тяжелую борьбу с духами злобы и со своей падшей природой.

В условиях современного мира от христиан требуются невероятные усилия воли, чтобы приобрести добродетель смирения. Иногда кажется, что в современном мире ее достигнуть уже невозможно. Но это неверно. *Невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 27). Как в древности, так и в настоящее время Бог милостиво взирает на ищущих спасения. И ныне Он подает Своим верным рабам благодатные дары, в том числе смирение. Происходит удивительное: растленность современного мира служит для истинных христиан поводом к еще большему смирению. Видя все препятствия для духовной жизни в окружающем нас обществе, мы должны понять, что спастись сейчас, как никогда в истории человечества, можно только благодаря особой помощи Божией. Такое восприятие действительности неминуемо приведет нас к полному познанию своей ничтожности и немощи, к всецелому упованию на Бога. Если это произойдет, мы получим от Господа дар смирения не в меньшей степени, чем его получали древние христиане.

ТЕМА 4

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

(По учению преподобного
Серафима Саровского о Святом Духе)

Говоря об учении преподобного Серафима, мы должны перенестись мыслью к тем временам, когда богословие являлось плодом под-

вига, озаренного созерцанием высочайших тайн. Начиная с апостола Иоанна Богослова, «ученика, которого любил Иисус», и кончая такими светилами богословской мысли, как святые Григорий Назианзин, Василий Великий, Григорий Нисский, Максим Исповедник, Симеон Новый Богослов и другие — все основоположники и излагатели христианского любомудрия, прежде всего подвижники.

В основе правильного богословствования прежде всего лежит любовь. Григорий Богослов говорит: «Я люблю Христа, не знаю меры в сей любви и хвалюсь ею». Подобные же выражения любящего созерцания видим и у Симеона Нового Богослова.

Настроением этих и подобных им богословов является напряженнейшая аскеза. Согласно Назианзину, «предварительно надо преодолеть в человеке вещественное, надо очистить слух и мысли, без этого небезопасно вдаваться в богословствование».

Григорий Богослов говорит: «Хочешь со временем стать богословом? Соблюдай заповеди и не выступай из их повелений, ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию». Для богослова необходимо иметь руководителем Духа. «Только при содействии Его можно о Боге мыслить, и говорить, и слушать». Таким образом, для того, чтобы стать богословом, необходимо «очищение себя, соблюдение заповедей, созерцание и руководство Духа Святого, возможное, конечно, только в Церкви».

У подвижника благочестия преподобного Серафима Саровского как в житии, так и в богословии древняя вера, древние пути и новые достижения, новые слова и дела, новые знаме-

ния. Впрочем, вечное и есть новое. А истинно новое — вечное.

Преподобный Серафим становится учеником Божией Матери. Великий святой мог постигнуть то, что открыла ему исходящая от Отца Сила, особым образом и в высочайшей степени почившая на «Госпоже Владычице»... Вместе же с этим постижением «Сокрытой Тайны» дано было ему узнать еще на земле «вечное блаженство», «райскую сладость». И не только самому узнать, но и сделать ее соучастниками и свидетелями обыкновенных, только добрых и верующих людей. Последнее полно глубочайшего смысла.

Дар Божией Матери преподобному был, действительно, даром для всех.

Острая, исключительная память и неустанное прилежание помогли ему овладеть Священным Писанием, святоотеческой, житийной и аскетической литературой в небывалых размерах. Малейший изгиб его собственной, всегда творческой и оригинальной мысли, как плющом, обвивался свидетельством от Писания и святых отцов. У него был необыкновенный дар слова, который выражался в том, что он имел способность «обыкновенным языком говорить необыкновенные вещи». Задание его жизни было выполнено: духовно прекрасная личность была сформирована, и Дух не замедлил осиять ее вечной славой.

Важнейший же момент его учения — учение о Святом Духе и о цели христианской жизни — был воспроизведен и записан исцеленным им Н. А. Мотовиловым, человеком образованным, умным и большой духовности.

Приводим здесь его беседу с преподобным Серафимом:

«Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определенительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством, и говорили вам, высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель нашей христианской жизни состоит в стяжании Духа Святого Божиего.

Всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святого, **но более всего дает молитва**, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благо-

дати Духа. На молитву всякому и всегда есть возможность: и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведному, и грешнику. Велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять. Молитвою мы с Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать достаиваемся.

— Батюшка, — сказал я, — вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святого, как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действию Его Божественного о нас промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинной христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорил: *И виде Адам Господа, ходящего в раи*, или когда читаем у апостола Павла: *Идохом в Ахаию, и Дух Божий иде с нами*. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны, неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание от того, что мы удалились от простора первоначального христианского видения и под предлогом просвеще-

ния зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимо то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога не казалось странным. *Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно во яви.* Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем Ей по гордости ума нашего вселяться в души наши, и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем ждущих и жаждущих правды.

Когда Господь наш Иисус Христос изволил совершить все дело спасения по воскресении Своем, дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту самую Адамову благодать Всесвятого Духа Божия. В день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святого вдыхании бурне в виде огненных языков, на каждого из них сшедших и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах, причащающейся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую огневдохновенную благодать Духа Святого, когда она подается нам, всем верным чадам Христовым, в таинстве святого крещения, запечатлевают в главнейших указанных святою Церковью местах нашей плоти, как вековой хранительнице этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа

Святого». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценную нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее Даров Духа Святого, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле, на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом ему дарованный срок при помощи свыше дарованной ему силы благодати может совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовек пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякия скверны плоти и духа угодиниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Иисус Христос, а напротив того, развращаясь, мало-помалу лишаемся благодати Всесвятого Духа Божия и делаемся в многообразных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущей нашего спасения премудростью Божией, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к совершению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святого, внутрь нас действующего.

щего и внутрь нас Царствие Божие устраивающего. Благодать Духа Святого, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святого Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом безценных заслуг Христовых. Этот-то свет Христов при обращении грешника на путь покаяния совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святого, о стяжении которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуместь под благодатию Божией, и как распознать ее, и в чем особенно проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святого есть свет, просвещающий человека. Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святого в тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него, так сиял он необыкновенным светом, окружавшим его. Он даже вынужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните преображение Господа на горе Фавор: «И быша ризы Его блещущие, яко снег, и ученицы его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились Ему, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облако», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать

Всесвятого Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святого?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум...» Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам», и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным, — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божия... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли вы, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому распознать Его истинное явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, еще надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Я не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза лопит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия, *иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.*

И, преклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться в свете великолепной славы Твоей. И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же не благодарить Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Это благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что же, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда!

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: *Мир Мой даю вам, не яко же мир дает, Аз даю вам. Аще бы от мира бысте были, мир убо свое любил бы, но Аз избрах вас от мира, сего ради ненавидит вас мир. Но дерзайте, яко Аз победих мир.* Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы в себе теперь чувствуете. *Мир, по слову апостольскому, всякий ум преимуший* (Флп. 1, 7).

— Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: *От тука дому Твоего упиюся и потоком сладости Твоя напоиши я.* Вот эта-то теперь сладость преисполняет и разливается по всем жилам нашим неизреченным усаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотой Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченной радостью, ибо Дух Божий радостно творит все, к чему бы он ни прикоснулся, это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: *Жена, егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, ктому не помнит скорби за радость, яко родился человек в мире. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости ваша никто же возьмет от вас.* Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той *ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его.* Предзадатки этой

радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована на небесах плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно поплакали в жизни вашей, и смотрите-ка, какой радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Что же вы еще чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снега, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего, подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но и те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улынувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благо-

уханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему? Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и над нами так же. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: «Теплотою Духа Твоего Святого согрей мя!» Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза и будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царство Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святого. Вот это Царствие Божие внутри вас теперь и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, наполняя наши сердца радостью неизглаголанной. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: *Царство Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе*. Вера наша состоит не в убедительных человеческия мудрости словесех, но в явлениях духа и силы. Вот в этом-то состоянии мы теперь с вами и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: *Суть нецыи от zde стоящих, иже не имуть вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...* Вот, батюшка, ваше Боголю-

бие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святого». Этою-то полнотою Духа Святого и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святого!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка! — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удерживать это в памяти вашей, ибо иначе благодать его не приклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуместь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами утверждались в деле Божиим и другим могли бы быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего. У Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердце, преисполненное любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь ми сердце твое, — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе»; — ибо в серд-

це человеческом Царствие Божие. «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся даст в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небесного, истинно, по-сыновьему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели бы в Него веру, хотя бы *яко зерно горушно*, и оба двинут горы. *Един движет тысячи, два же тьмы*. Сам Господь говорит: *Вся возможно верующему*, а батюшка святой апостол Павел всегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не давнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: *Веруй в Мя дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ниче соже во Имя Мое, ныне же просите и приимите...* Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимите, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: *Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе*. Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они шли к славе Божией, шли к пользе и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или в пользу, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла,

ибо любит Господь любящих его. Волю же боящихся его сотворит и молитву их услышит.

«Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы сама эта келья наша была полна червей и если бы черви эти ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на то согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголаннные, там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворяются праведные души!»

Только что приведенные свидетельства прекрасно подкрепляются и дополняют друг друга. В них можно отличать две стороны: учение и свидетельство. «Беседа с Мотовиловым», главным образом, учение, подкрепляемое свидетельством.

Оно сосредоточено преподобным Серафимом в словах Иисуса, сына Сирахова, обозначающих отношение Бога и человека: *Сыне, даждь Ми сердце твое, а все прочее Я Сам приложу тебе.* Эта формула есть, в сущности, предшественница евангельского речения: *Ищите Царствия Божия, и это все приложится вам* (Лк. 12, 31). В подлинном (греческом) тексте, собственно, говорится так: «Ищите Царствия Его», то есть Отца (что видно из контекста). Царствие же

Отца есть Дух Святой; преподобный Симеон Новый Богослов молится Святому Духу так: «Прииди, царская багряница и священного величества десница». Второе прошение молитвы Господней: «Да приидет Царствие Твое» — есть, несомненно, моление о Святом Духе, как учит об этом святой Григорий Нисский.

Теперь мы вошли в «круг идей» преподобного Серафима. От человека-твари требуется только искание Царства Божия, то есть Святого Духа. Искание не в смысле самочинных шатаний, а в смысле вольной обращенности (*даждь Ми сердце твое*). Обращенность же состоит в посвящении доброго дела Богу, в жертве, так сказать, добрым делом. Перед Господом должна быть зажжена свеча доброго дела — в зависимости от сил и возможностей приходящего. Так как дух наш всегда с нами, то, естественно, первой и всегда надлежащей жертвой должна быть сама обращенность духа к Богу. А это и есть молитва. Если у человека может и не быть «свечи» под рукою, то сам он всегда может стать свечой, горящей огнем молитвы. И ответом на этот огонь является вся мощь Фаворского света, превращающая небольшое пламя тварного света в блеск нездешнего Солнца. Вместе же со светом приходят и все прочие дары: мир, тишина, сладость, благоухание, теплота. Доброе дело начинает благоухать и сиять красотой.

Но условие одно: свеча должна гореть перед Господом Иисусом Христом, потому что «Отец любит Сына и все дал в руки Его». Отвергающий же Сына отвергает и Отца.

Как бы велико ни было доброе дело — оно несоизмеримо с Даром Духа Святого, поэтому

Господом принимается не количество, а качество. И лепта вдовицы была оценена качественно. В акафисте Иисусу сладчайшему говорится: «Приими малое сие моление наше, яко же приял еси вдовицы два лепта». Этим, между прочим, и указывается на жертвенный характер молитвы: «Воздеяние руку моею жертва вечерняя», то есть воздеяние рук моих как вечерняя жертва (см.: Пс. 140, 2).

Полнота христианства есть православное учение о Пресвятой Троице и пронизанность, определимость этим учением мельчайших деталей православного миропонимания. Но так как высказаться об одном Лице Святейшей Троицины нельзя, не высказавшись о Ней целиком, то есть о прочих Лицах, то и откровение об Одном Лице есть откровение и о прочих Лицах.

Откровение преподобного Серафима о Святом Духе есть новый опыт о Пресвятой Троице:

«Бог есть любовь». «Отец любит Сына». «Свят Господь Бог наш». Это все предложения одного и того же значения. Святость Божия есть любовь Отца к Сыну. Бог свят любовью. Излияние Святого Духа на тварь в едином акте животворения-любви есть начало творческое, «ниспослание Его Сыном» есть уже дело милости, соизволение, дар ничего не имеющему нищему от всеимеющего Богача. Необходимо только жаждать этого дара, тогда нищий станет богатым, тогда он насытится. Нищие духом приобретают Царствие небесное, алчущие насыщаются им.

Само сердце есть дар Божий, и если Господь говорит: *Чадо, даждь Ми сердце твое*, то исполнить это сладостное повеление — значит

лишь воздать *Божие Богови*. Дав же Богу свое сердце, то есть полюбив Его, мы получаем Его ответную ипостасную любовь — Святой Дух с Его дарами. На крупицу человеческой любви Он отвечает «прилаганием всего прочего», что «одно только нужно» — Царства Божия, Любви Своей, Духа Своего Святого.

Нужно только знаменовать эту отдачу сердца Богу. В этом-то и состоит дело. Его и благословляет Господь безмерным приумножением в вечности. Стяжание Духа Святого есть, таким образом, пребывание в любви Божией, которая *николиже престает* (1 Кор. 13, 8). Вот о чем свидетельствовал преподобный Серафим, давая вкушать своим собеседникам райское блаженство. Как Бог свят Духом Своим Святым, так и людей освящает Он тем же Духом. Опыт святости, опыт блаженства, опыт любви — едино. Это Единое и дал понять и пережить преподобный Серафим. Вместе с тем это был и опыт вечности во времени, наглядно показывающий стяжание вечного за временное.

Человеку дано время и во времени суший мир. Среди этого бесконечного разнообразия ему остается лишь выбирать, — чем бы и на чем отдать Богу сердце.

«Я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что повелевает Господь, как рабу Своему, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство и я, не поверив его воле Божией, подчи-

ню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, — в таких случаях всегда делаю ошибки.

...Как железо ковачу, так и я предал себя и свою волю Господу Богу, как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Итак, все нас убеждает, что высшее и вещее знание подвижника, его могущество и сила, в чудотворениях являющаяся, есть плод нищеты духовной, по слову Писания: «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Духовное богатство есть следствие нищеты духовной, потому что отрекающийся от человеческого ради Божиего — Божие получает взамен. Но надо помнить одно: отречение от человеческого, то есть в конце концов «юродство», имеет значение, только если оно «Христа ради».

Грешный ум есть ум «поддельный». По этой причине «пришедший в мир грешные спасти» пришел как «Свет Разума», и о Его имени восстанавливается видение и ведение смыслов, которое идет параллельно и в единстве с осмысливанием, «вразумлением» собственной жизни. По мере того как совершается последнее, все окружающее приобретает смысл, и сами действия «поведения» делаются системой действий, смыслов. Путь достижения этого один — это «узкий путь», ведущий в спасение. *Страх Господень научает мудрости и славе предшествует смирение* (Притч. 15, 33). Смыслы суть голоса и зовы Господни. Но чтобы услышать их и отозваться на них, надо изгнать «немого» и «глухого» беса, получившего к человеку доступ в большей или меньшей степени вместе с грехом.

Гордостью вошла эта немота и глухота в мир — смирением от них исцеляемся. Смирение аскетически является как пост — посту же неизбежно сопутствует, окружая его и питая, атмосфера веры, выражаемая в молитве. Таков один из смыслов, как нам кажется, того, что «дух немый и глухий» изгоняется только «молитвой и постом». — Видение промысла Божиего, соучастие как бы в нем, узрение смыслов и осмысливание собственных деяний есть плод только богоуподобляющего подвига веры (молитва) и смирения (пост).

Мы, грешные, все в большей или меньшей степени одержимы «духом немым и глухим». Мы «запрещены» в возможности со всею полнотою обращаться к Богу и слышать Его зовы, к нам обращенные, в самомалейших мелочах. Дух «немый и глухий» есть дух неверия, дух «сердечного окаменения», в этом Господь Иисус Христос неоднократно обвинял фарисеев, книжников, лицемеров и даже Своих учеников, тогда еще не облеченных силою свыше от посланного Им Утешителя.

Выйти дух немоты и глухоты может лишь подвигом, привлекающим Духа Божия, подвигом, который устраняет средостение между Богом и человеком, средостение, мешающее слышать Его зовы. Надо отказаться от этого средостения, сделавшегося как бы второй природой, надо «отвергнуться себя». Но этого мало. Нужно волевое преодоление немоты. Молитва и есть такое преодоление; молитва — желание Господа, сердечный подъем к Нему: «Верую, Господи, помоги моему неверию».

Конечно, никто не может прийти ко Господу, если Он Сам не привлечет к Себе. Но из

Его же слов мы знаем, что стоит только блудному сыну «издали» показаться в виду Отца, — и Он выйдет, «выбежит» навстречу, и обнимет, и привлечет. Надо только «прийти в себя» и воззвать к Нему.

Пост есть поворот сердца и души, движение их по горизонтали, так сказать. Молитва есть подъем сердца и души, движение по вертикали — кратчайший путь к Богу. Вот почему над всем стоит у преподобного Серафима молитва. В частности, про молитву Иисусову он говорит следующее:

«В этом да будет все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви стоя, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и на устах, и на сердце твоём. С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Святый Дух, источник всяких благ, и управит жизнь твою в святости во всяком благочестии и чистоте» (иеромонах Авель. «Краткая духовная лестница». 1848 г., с. 51. Денисов Л. «Житие», с. 109).

ТЕМА 5

ХРИСТИАНСКОЕ МИРОСОЗЕРЦАНИЕ В ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ ПЕРВЫХ ДВУХ ВЕКОВ. УЧИТЕЛИ ПЕРВОЙ ЦЕРКВИ. ПРОРОК ЕРМ. СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА В ЦЕРКВИ ЭТОГО ПЕРИОДА

Единственным рассказом об основании Церкви является Книга Деяний. Чудесное событие, происшедшее в день первой христианской Пятидесятницы, является событием ос-

нования Церкви. Так оно воспринято, оценено и описано вселенским религиозным сознанием христианства*.

Когда святой Иоанн Предтеча хотел показать, чем особенно выделяется служение Господа Иисуса, Агнца Божия, приходящего свыше, он неизменно указывал, как свидетельствуют все четыре Евангелиста: *Он будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11; Лк. 3, 16; ср.: Мк. 1, 18). *Он есть крестящий Духом Святым* (Ин. 1, 33).

Но время земной жизни Спасителя еще не было временем крещения Духом: оно его готовило и сделало возможным. Спаситель только еще провозглашал, как о будущем: *Кто верует в Меня, у того из чрева потекут реки воды живой*. (Как сказано в Писании: Ис. 12, 3; Иоил. 3, 18.)

Сие сказал Он о Духе, — поясняет евангелист святой Иоанн, — *Которого имели принять верующие в Него... потому что Иисус еще не был прославлен* (Ин. 7, 38—39). На разные свойства этого будущего дарования Духа указывали притчи и учение Спасителя о Царствии Божием, которому преимущественно была посвящена проповедь евангельская.

На это дарование Духа — сообщение иного Утешителя — Спаситель указывает в прощальной беседе как на высший Свой дар и обетование, высший даже по сравнению с земным, плотским пребыванием Своим посреди учеников.

---

* Основной источник: Книга Деяний апостольских. Основные пособия: Новый Завет, Ветхий Завет, служба Пятидесятницы; толкование Иоанна Златоуста на Книгу Деяний и Евангелие от Иоанна.

Но только после креста, воскресения и даже вознесения Господь ответил на надежду, возведенную предтечею Иоанном и Им Самим подтвержденную.

На прощальной беседе в день вознесения Он сказал им: *Иоанн крестил водою, а вы через несколько дней после сего будете крещены Духом Святым... Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святый* (Деян. 1, 5. 8).

Святой Иоанн Златоуст говорит: «Надлежало прежде принестись за нас жертве, разрушиться вражде по плоти и нам соделаться друзьями Божиими и тогда уже получить этот дар»*.

Главной особенностью вновь возникшей Церкви была та, что Основание и Краеугольный Камень этого нового строения уходили куда-то вне пределов земли. В основу христианства легла вера в воскресшего Христа. После вознесения Господа и святой Пятидесятницы, когда Дух Святой сошел на апостолов, это оказалось началом нового порядка жизни. «Пришли к концу чудесные деяния Единородного, — говорит по этому поводу святой Григорий Палама. — Отселе начинают совершаться и явления Святого Духа, Его ипостаси собственные, дабы мы познали и уразумели великую и поклоняемую Тайну Святой Троицы⁹.

Дух Святой посредством апостолов (см.: Мф. 12, 28) исцелял тела и души верующих. Тысячи людей присоединялись к Церкви в Иерусалиме. Это были люди различных сословий: ремесленники, рыбаки, шерстобиты и другие, но были и люди состоятельные, знатные.

---

* Толкование на Евангелие от Иоанна. Слово 50.

Господь привлекал не только простых и чистых (говоря по-человечески — ибо кто чист перед Богом?), но и больных телом и душою. Он пришел всех призвать на покаяние и новую жизнь.

Послания апостольские говорят, от какой жизни призываются люди ко спасению: *Довольно, что вы в прошедшее время жизни поступали по воле языческой, предаваясь нечистотам, похотям... (помыслам), пьянству, излишеству в пище и питии* (1 Пет. 4, 3). Люди, которые в своей душе носили всякую злобу, всякое коварство, лицемерие, зависть, чьи уста знали всякое злословие, — вот к кому обращались апостолы. Им возвещалось, что грех и смерть побеждены воскресением Христа, что можно очистить, загладить свои грехи, что спасение подается и грешным. Вот путь первых христиан: поверить, покаяться, креститься во имя Иисуса.

Известно, что и язык первых христианских памятников (Евангелия, Посланий апостолов) был не литературный (искусственный), а коренной, народный. Не язык напряженной мысли, а слово самой жизни¹⁰. Христианство было делом «Начальника жизни», Который творил и претворял эту жизнь. Эта новая жизнь открывалась искренним сердцам, кто имел не двоящиеся мысли. Коренная почва первохристианства — глубина жизни народа, а не отвлеченной мысли.

Если мы всмотримся в жизнь христиан Иерусалима, то мы заметим, что утром, днем и вечером и даже ночью их можно было застать за молитвой. Молитва, как воздух, облекает всю их жизнь. Во всякое время христиане бодрствуют по указанию своего Спасителя. Говоря

словами самих Деяний, они *постоянно пребывали... в молитвах* (Деян. 2, 42; ср.: 6, 4).

Все события христианской жизни дают повод раскрыться и укрепиться в плодотворной непрерывной молитве: всякое собрание христианское (см.: Деян. 1, 14), трапеза (см.: Деян. 2, 46. 47), выборы и поставление должностных лиц (6, 4), страдания (см.: Иак. 5, 13; Деян. 7, 59), смерть (см.: Иак. 7, 60), исцеление, заключение в темницу, столкновение с властями, радости и грехи ближних, — словом, все, что бы ни случалось с христианами, обнаруживало в них молитвенный дух. Вся их жизнь пронизана и овеяна молитвой.

Молитву и служение Слова апостолы поставили выше всего, выше благотворительной помощи ближним, переданной ими семи диаконам, ибо проповедь была призывом, а молитва — средоточием христианской жизни. «Нехорошо нам, оставив Слово Божие, пещись о столах», — говорил апостол.

Заповедь Христова (см.: Лк. 18, 1) и апостольская (см.: 1 Фес. 5, 17) о непрестанной молитве и духовном бодрствовании была для христиан Иерусалима не отвлеченным пожеланием, а делом жизни. Почему такое исключительное место в жизни первых христиан принадлежит молитве?

Это делается понятным, если заметим, каковы плоды их молитвы или что в молитве (или в таинствах) они прежде всего приобретали.

В молитве они, прежде всего, соприкасались и соединяли свою жизнь со всей той областью Духа (Царства Божия), которая для них раскрылась со времени крещения Духом. Мо-

литвой они, прежде всего, раскрывали, создавали, расширяли то напоеание Духом, ту жизнь во Христе, во свете, благодати и Истине, которую разные апостолы обозначали разными именами, но которые все говорили об одном, бесконечно богатом факте — о жизни в Боге и с Богом*, раскрывшейся на земле. Но молитвою не только освящались и просвещались все проявления их земной жизни.

В молитвах и в таинствах они обретали Самого Христа и Бога, исполнялись Духом Святым, слышали Его указания, исполнялись Его мудростью, светом, силой, любовью, всеми дарами благодати — словом, жизнью Христовою, вечною, и, наконец, Сам Господь Иисус Христос давал им Себя видеть и слышать в непосредственном явлении (см.: Деян. 1, 14; 2, 1—4; 4, 31; 8, 15—17; 10, 9—20; и так далее; ср.: Иак. 4, 8; 5, 13—18; 1 Пет. 1, 13; 4, 11; 14, 19; 5, 7).

Молится апостол Петр и приходит в иступление, и ему открываются судьбы язычников, принимаемых отныне в Церковь. Молится апостол Павел в храме Иерусалимском, и видит Господа Иисуса Христа, и беседует с Ним (см.: Деян. 22, 17 и далее). «Они исполнились Духа», «Дух Святой сказал», или: «Они не были допущены Духом Святым проповедовать» — вот обычные выражения Книги Деяний.

Церковь не напрасно получила обетование Христова: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Слова Христова Евангелия, что Господь посреди двоих или троих, собранных

---

* «Жизнь с Богом» — излюбленное выражение «пастыря» Ерма.

во имя Его, были хорошо знакомы Иерусалимской Церкви.

Первым епископом Иерусалимским был апостол Иаков, брат Господень. Около трех десятилетий возглавлял он Иерусалимскую Церковь. Вплоть до своей мученической кончины. Апостол Иаков своим поведением и праведной жизнью сохранил к себе уважение и любовь не только евреев-христиан, но и евреев необращенных, несмотря на ненависть к христианам вождей народа — первосвященников и значительной части синедриона.

Вот как его облик сохранил христианский историк середины II века Египзипп: Иаков «был свят от чрева матери своей, не пил вина и сикера, не употреблял в пищу никакого животного, не стриг волос, не умащался елеем и не мылся в бане. Ему одному только позволялось входить во Свята (храма Иерусалимского. — С. М.), потому что он носил не шерстяные одежды, а льняные. В храм вступал он один (вероятно, первый, раньше других), и его находили там стоящим на коленях и молящимся об отпущении грехов народа. От безпрестанных коленопреклонений во время молитвы колени его ожестели, как у верблюда. Его называли «праведным» и «овлиасом», что в переводе на греческий язык означает защиту народа и правду (Евсевий 11, 13).

Он всей своей праведной жизнью свидетельствовал, что сделаться христианином не значит порвать с верой отцов. Наоборот, от него веяло для всякого подлинного ревнителя закона ветхозаветного праведностью подлинного пророка или первосвященника израильского.

Он обратился к «двенадцати коленам, находящимся в рассеянии» с Посланием, которое изъясняло, какова та вера, которая спасает, по учению христианскому, помимо дел закона. Веру терпеливую в испытаниях, уповающую на Бога и от Него ожидающую всякого блага, веру в Его благодать и помощь в исполнении воли Божией — призрении вдов и сирот и уклонении от мира и дружбы с ним, в несении своей жизненной тягости в терпении и смирении: «Смиритесь пред Господом, и вознесет вас».

Живую христианскую веру, от которой необходимо рождается всякое добро, он противопоставляет мертвой вере их прежних вождей. Такова была вера Авраама, готовая жертвовать единственным сыном.

Апостол заканчивает Послание призывом к подлинному, живому единению с пророками и праведниками Ветхого Завета.

Уважение и любовь народа побуждали священников закрывать глаза на христианскую веру, в общем, по-еврейски праведного и «правильного» еврея — апостола Иакова.

Но не могло в конце концов скрыться, что апостол Иаков «подал руку общения» такому, по мнению вождей, разрушителю еврейских обычаев, как апостол Павел. Пришедши к Иакову, они сказали ему: «Просим тебя, удержи народ: ведь он в заблуждении и Иисуса признает Христом (Мессией). Вот теперь все сошлись на праздник Пасхи. Просим тебя, разуми их касательно Иисуса. Стань на крыле храма, чтобы твои слова были слышны целому собранию...»

То, что за этим последовало, совершенно

вывело из себя старейшин: поставленный на крыле храма, апостол Иаков не только не отрекся от Христа Спасителя, но всенародно и громогласно засвидетельствовал свою христианскую веру. Это свидетельство на многих так подействовало, что они тотчас начали «славословить» Иисуса, восклицая: «Осанна сыну Давидову».

Старейшины вознегодовали и решили, что необходимо тотчас наказать праведника:

«О, о, и праведный заблуждается». Они взошли, сбросили праведного, и «сказали друг другу: убьем его камнями», и начали бросать в него камнями. Сверженный не вдруг умер, но, приподнявшись, стал на колени и говорил: «Господи, Боже, Отче! Молю Тебя, отпусти, они не знают, что делают».

Один из них, суконщик, схватил скалку, на которую накатывают сукна, ударил ею праведника по голове, и он скончался.

Вскоре за сим последовало нашествие Веспасиана на Иудею и пленение народа.

Отвергнув праведника, народ отрекся от своего оправдания и спасения. Погибла защита Израиля, погибла Иудея.

Пророк Ерм

Что мы застали в христианском Риме конца I века? Кто продолжал дело апостолов после их смерти? Дело назидания Римской Церкви после смерти апостолов, строительство ее духовной жизни мы видим в руках прозорливца — пророка Ерма. Пророк Ерм был одним из учеников апостола Павла, о котором последний и вспоминает в своем Послании к

Римлянам. Ерм — грек-христианин, жил в Риме, мирянин, семейный, имеющий жену, детей. В Риме он написал свою книгу «Пастырь». В этой книге есть ответ на вопрос о значении существования Церкви на земле и другие. Он и искал на них ответа в беседах с апостолом Павлом и в молитве своей просил Бога открыть ему эту тайну. В первые века христианства книга эта читалась за богослужением. В ней была открыта Ерму в видении тайна истории Церкви: земная церковь, к которой мы принадлежим, существует, чтобы благовествовать и готовить нас к жизни в Церкви небесной.

Церковь небесная — вечная жизнь. А земля и земная церковь существуют, чтобы давать материал для строительства Церкви небесной. Когда прекратят давать материал, наступит последняя страница мировой истории. Когда люди станут непригодны для строительства церкви земной, они окончат свое существование.

Но действует Ерм не один, а совместно с предстоятелями — пресвитерами и епископами. Ерму было заповедано записать сказанное ему в видении в книгу «Пастырь» (сборник видений Ерма), чтобы откровенные слова обнародованы были избранным. Но обнаруживать это и назидать «избранных» (то есть Церковь) он должен был не сам. «Ты прочтешь ее (книгу видений) в Риме вместе с пресвитерами, предстоятелями Церкви»¹¹. Церковь являлась Ерму в видении в образе старицы. Видения эти начались еще при святом Клименте, который был епископом, по хронологии Евсевия Кесарийского, с 92 по 101 годы. Начиная

с епископа Климента, Римская Церковь выходит из того исторического забвения, в которое она на время погрузилась. Появляется много преданий. С его именем связано много творений, преданий, рассказов и посланий.

Среди предстоятелей Церкви старица, явившаяся в видении святому Ерму, различает одного с особыми полномочиями: «Ты напишешь две книги, — говорила она, — и одну отдашь Клименту... Климент отошлет во внешние города, ибо ему это предоставлено»¹². Пресвитеров, предстоятелей в Риме тогда возглавлял святой Климент, видевший апостолов и общавшийся с ними, еще имевший проповедь апостолов в ушах своих.

Так же, как и в Иерусалиме, с первых годов основания Церкви (не позднее 44 года) апостолы во главе пресвитеров и всей Церкви поставили одного предстоятеля, первого «епископа» Иакова.

Та же преемственная нить от апостолов была крепко и ясно установлена в Церквях Малой Азии и Сирии.

Казни, ссылки, преследования, несчастия и бедствия — вот что «внезапно» стала переживать Римская Церковь в самом начале I века.

И эти бедствия после трех десятилетий спокойной жизни обрушились на нее не случайно. Они стояли в связи с внутренними потребностями Римской Церкви.

Впечатление от первых видений Ерма было таково, что нечистота, которая накопилась в семьях в течение тридцати лет мирной жизни после смерти апостолов Петра и Павла, даже в среде выдающихся христиан, как и сам

Ерм, собрало над Римской Церковью грозную тучу очистительного гнева Божия. Больше всего заботят Ерма разбогатевшие христиане, им угрожает наибольшая опасность — тем, «которые любят настоящий век, роскошествуют в богатстве своем и не ожидают благ будущих: гибнут души их» (Видение первое).

Домициановские меры борьбы более всего отражались на богатых. Об этом предупреждала Ерма старица — Церковь:

«Когда придет гонение, то ради богатств своих и попечений отрицаются они Господа».

Как видно, Ерму было пять видений. Вся довольно обширная книга «Пастырь»¹³ состоит из трех частей: «Видения», «Заповеди» (двенадцать) и «Подобия» (десять).

«Видения» святого Ерма дают довольно полный духовный облик христианского общества Рима с конца I до середины II века, да и не одного Рима. Это был ряд прозрений во внутренний строй жизни Церкви и ряд указаний, что и как исправить в жизни христиан этого времени. «Пастырь» является первостепенным по значению источником для знакомства с внутренней жизнью послеапостольского времени. Эта книга, как сознавал и сам Ерм, освещала положение (отвечала на запросы) не одной Римской Церкви — не напрасно старица-Церковь приказала через Климента рассылать ее во «внешние города» (по словам старицы в видении), то есть во всю вселенскую Церковь.

Первые видения Ерма были призывом покаяться и приготовиться к наступающему великому гонению (особенно видения второе и четвертое). «Блаженны вы, которые претерпите наступающее великое гонение и не отречетесь от своей жизни», — возвещал Ерм. «Вы имеете

образ великого бедствия», — говорил Ерм, рассказывая римлянам о своем видении. «Если приготовите себя и от всего сердца покаетесь пред Господом, то можете избежать этих бедствий (напастей)». Всего естественнее думать, что Ерм здесь говорит о тех бедствиях, которые Церковь пережила в последний год царствования Домициана. О мучениках он говорит в первых видениях в выражениях, которые скорее напоминают времена Нерона (звери, крест), а отступники у него — это люди, запутавшиеся в житейском, которые постепенно погрязли в своем отступлении. Скорее, все указывает на то, что ему поручено приготовить Церковь, себя и свою семью к крупным испытаниям после многих лет сравнительно мирной жизни.

Десятки лет мирной жизни (около тридцати лет между гонением Нерона и последним годом царствования Диоклетиана) расслабляюще подействовали на римскую христианскую общину. Христиане могли мирно торговать, участвовать в общественной жизни Рима. Незаметно для себя они оказались втянуты в круговорот жизни языческого мира. Многие оказались втянутыми в обширные торговые предприятия (в том числе и сам Ерм); другие покупали поместья, строили великолепные здания, ненужные жилища¹⁴.

Вероятно, увлечение каждого соответствовало его дохристианскому прошлому (Видение третье. 9). И вот плоды: «Вы, обремененные житейскими делами, впали в беспечность, — обличает римских христиан явившийся Ерму Ангел, — одряхлел ваш смысл... Дух ваш обветшал и ослабел и не имеет силы от грехов ваших и сомнений сердца» (Видение третье. 11).

Позднее Ерм подробнее раскрывает весь

путь падения многих христиан-современников и дает советы, как исправиться. В первых же видениях ему лишь кратко и сжато раскрыто было падение как его собственное и его семьи, так и окружающих и поручено призвать к покаянию и приготовить всех к наступающему гонению. Истинное покаяние могло, по словам Ерма, предотвратить грозившее бедствие. Во всяком случае, покаяние делало христиан способными перенести его с пользой. Ерму явился ужасный зверь. Ангел ему поясняет: «Зверь есть образ грядущей великой напасти. Поэтому если приготовите себе и от всего сердца покаетесь пред Господом, то можете избежать ее... Те, которые пребудут тверды (в грозившей напасти) и будут искушены ими, очистятся. И как золото оставляет нечистоту свою (через огонь), так и вы — оставьте всякую скорбь и печаль (житейские) и очиститесь и будьте годны для здания Церкви — Царствия Божия» (которое было также показано в видении Ерму)¹⁵.

Призыв к покаянию, который получил Ерм в своих видениях, должен был или отвлечь это наказание, или хотя бы сделать христиан способными с пользой перенести его.

Как мы видим из истории Церкви, к началу II века наибольшее распространение христианство получило в Малой Азии. Именно малоазийским Церквам более всего отдал сил и любви апостол Павел в свое время и особенно Ефесской Церкви. Три года трудился он в Ефесе день и ночь, со слезами учил он ее, возвещая «всю волю Божию». Вся Малая Азия, как бы возглавляемая Ефесом, покрылась Церквами. В Колоссах, в Пергаме, в Иконии, в Филадельфии, в Фиатире, в Троаде, Лаодикии,

Сардах, Иераполе и других городах Малой Азии появилось множество христиан.

Поблек разрушенный Иерусалим. Незаметно ютились остатки Иерусалимской Церкви по сохранившимся городкам Палестины.

Столь славные в прошлые времена отходят в тень Антиохийская и Иерусалимская Церкви. Иерусалимская Церковь быстро теряла свое вселенское значение.

Палестину покинули апостолы и большинство их выдающихся учеников и сотрудников. Многие из них — апостол Иоанн Богослов, святая Мария Магдалина, диакон Филипп с дочерьми, пророчицами и другие старцы, свидетели жизни Спасителя, подвигов и проповеди апостольской, перешли в Малую Азию, дожив там до времен Траяна и даже еще позднейших. В Малой Азии эти живые свидетели евангельских событий и сотрудники апостолов с большим успехом послужили вселенской Церкви.

Таким образом, с 60-х годов Малая Азия стала центром христианства. В течение трех поколений она имела выдающихся, вселенских по значению наставников — апостола Иоанна Богослова, его двух учеников — святого Игнатия Богоносца и святого Поликарпа Смирнского, святую Марию Магдалину, святого Тимофея, епископа Ефеса, Филиппа — диакона и благовестника, Кодрата, Патия, Мелитона Сердийского, Иустина Философа и многих других. Но не только по авторитету своих наставников, но и по богатству и глубине духовной жизни многочисленных Малоазийских Церквей — Ефес, Смирна и прилегающие к ним области стояли с 60-х по 160-е годы во главе христианского мира. Но там, где много

было света, сгустилась и тьма. Огромное количество всевозможных ересей устремилось на Малоазийские Церкви.

На защиту христианства от еретических лжеучений «гностицизма», прикрывающихся именем Иисуса Христа, встали старцы — учителя Церкви: святой Игнатий, святой Поликарп, ученик святого Поликарпа Смирнского — святой Ириней Лионский, святой Иустин Философ и другие.

Святой Игнатий бьет тревогу в своих Посланиях Церквам. Он пишет, что эти лжеучения будут претендовать на «понимание небесного», на «особое совершенство», но путь их не будет крестным путем Христовым — они не являются «ветвями Креста» Христова, по образному выражению святого Игнатия. Самих страданий Христовых они не принимают, говорят, что Он страдал призрачно. И тем самым подрывают самый корень всего христианского пути. Значит, я напрасно умираю? Святой Игнатий преподавал противоядие против зарождающегося гностицизма, учения о мечтательных, призрачных эонах, одним из которых якобы был Христос, призрачно живший в теле.

Это еретическое учение исключает путь жизненного подвига христианского с самоотречением до смерти по примеру Того, Кто в страданиях Своих призывает нас к Себе, как членов Своих.

Еретические попытки избежать креста святой Игнатий называет «зловонным учением князя века сего» (Ефесянам, 17). «Есть как бы две монеты, — говорит он, — одна Божия, другая мирская, и каждая имеет на себе собственный образ: неверующие — образ мира сего, а

верующие в любви — образ Бога Отца через Иисуса Христа. Если мы через Него не готовы умереть добровольно по образу страданий Его, то жизни Его нет в нас» (Магнезийцам, 5).

К началу II века появилось огромное число людей, которые стремились возвещать тайны более глубокие, чем благовестие Христово. Это были часто даровитые люди с философской подготовкой и вкусом. В христианстве они увидели преимущественно философскую или богословскую систему, но недостаточно отработанную и принялись ее дополнять и исправлять каждый по своему разумению.

К началу II века святой Ипполит Римский насчитывает уже тридцать две таких попытки «исправить христианство». В противовес еретическим ухищрениям и измышлениям ученик апостола Иоанна Богослова святой Поликарп писал свои разоблачающие ереси Послания христианам, призывая их отвергать лжеучения, пребывать в молитвах, постах, оставаясь верными «преданному изначала слову» (Филиппийцам, 3).

Потребовалось немало усилий, крепости человеческого духа и, главное, немало проявлений Божественной помощи, чтобы выдержать эту борьбу.

Не всегда и не все христиане Малой Азии выходили победителями, все же, по выражению святого Игнатия Богоносца, «узы зла рывались», «неведение проходило» и, не смотря на сопротивление зла, именно в Малой Азии, более чем где бы то ни было, созидалось Царствие Божие.

Из Апокалипсиса мы видим, как лет через двадцать или тридцать после кончины апосто-

лов протекала духовная жизнь отдельных Малоазийских Церквей. Апокалипсис начинается семью посланиями семи Малоазийским Церквам. По словам Апокалипсиса, Ефесская Церковь много перенесла за эти годы, много проявила терпения ради имени Иисуса Христа (см.: Откр. 2). Не напрасно потрудились апостол Павел и Тимофей. Однако, прощаясь с ефесскими пресвитерами, апостол Павел предупредил их об опасностях, которые ожидают Церковь Христову.

Святой Игнатий Богоносец писал пяти Малоазийским Церквам, он поощрительно отзывался о ефесянах, о том, что проповедь апостола Павла не изгладилась в их памяти.

Если апостол Павел «днем и ночью», «все-народно и по домам» руководил и наставлял ефесян, то совсем иной строй жизни, другой образ веры и любви был у апостола Иоанна Богослова, возлюбленного ученика Христова. Не всем он был доступен и понятен. И жизнь и кончина апостола Иоанна Богослова окружена была каким-то безмолвием и тайной. Почти не слышно было, чтобы он проповедовал всенародно, основывал Церкви, обратил ко Христу какой-либо народ или даже город. Его попечению была вверена Божия Матерь, у него были близкие ученики, его созерцания и откровения запечатлены письменно. Можно думать, что в Ефесе он жил преимущественно в молитвенном безмолвии, как и Матерь Божия, вверенная его заботам. В Послании святого Игнатия упоминается о безмолвном, созерцательном облике великого апостола, того, кто, живя в Боге, был «храмом Его», кто «приобрел слово Иисусово», слышал Его «безмолвие». Мысль о безмолвии

здесь неоднократно повторяется, в безмолвии совершаются великие тайны Божии. Не случайно вспоминает святой Игнатий о тайне Приношеводства Матери Божией, о рождении Ею Спасителя, о смерти Господа, трех достославных тайнах, совершившихся «в безмолвии Божию», о том, «как Бог явился по-человечески для обновления вечной жизни».

Мученичество

На грани II века для христианства созрела опасность со стороны Римского государства в лице императора Траяна. Государство признало, что христианство, как недозволенное тайное общество, не имеет прав законного существования. Христиане, обличенные перед судом в христианстве, подлежат уничтожению, если не отречутся. Дело было за доносчиками. Нетрудно себе представить, в какое положение попали многие тысячи христиан, живших в Римском государстве. Недовольный раб мог донести на своего господина, слуга — на хозяина.

Язычество ко II веку было сильным. У кормила власти в Риме стояли люди выдающиеся, просвещенные, и все они вместе с просвещенным языческим обществом с презрением и подозрительностью смотрели на «упорное суеверие» преимущественно «темных людей». Казалось, несколько крепких ударов мощного Римского государства — и должно рассыпаться все это «плохо организованное» и «непросвещенное движение».

Но у Господа оказались свои пути борьбы, спасения и обновления Церкви и человечества — пути, дотоле человечеству неизвестные.

После ста лет узаконенного преследования христиан, Тертуллиан (христианин-писатель), обращаясь к язычникам, мог писать: «Везде горько жалуются, что люди всякого возраста, пола, звания во множестве стекаются, чтобы вступить в их общество. Неужели же не приходит вам на мысль, что в религии нашей должно заключаться какое-нибудь «сокровенное благо» — и сокровенная сила, правим мы, не смотря на слабость христиан.

Прошло еще сто лет. Отдельные преследования христиан превратились во всеобщие и повсеместные гонения. Христианство окончательно восторжествовало.

Невольно возникает вопрос: нет ли какой сокровенной связи между преследованием и торжеством христианства?

Не потому ли христианство победило, что его сила и «сокровенное благо», о котором говорит Тертуллиан, не оскудевает в преследованиях, а, наоборот, судя по плодам гонений, растет? Не заключен ли в природе подлинного христианства рост через страдания, борьбу и подвиг? И крест не залог ли его победы? «Для чего я сам себя предал на смерть, в огонь, на меч, на растерзание зверям? Нет (не напрасно), — восклицает по собственному опыту святой Игнатий Богоносец, который один из первых вступил в борьбу и удостоился, по его словам, послужить к славе Божией. — Кто подле меча — подле Бога, кто посреди зверей — посреди Бога. Только бы это было во имя Иисуса Христа. Чтобы участвовать в Его страданиях, я терплю все это, и Он укрепляет меня»*.

---

* Послание к Смирнякам. 4.

В своих страданиях христиане приближались к Богу, и Бог был подле них, а это было целью их жизни и их сокровенной силой. Углубившись опытно и умозрительно в законы жизни христианской, святой Игнатий приходит к такому выводу: там нет подлинной жизни Христовой, где нет, по крайней мере, готовности добровольно умереть по образу страдания Его*. Вот почему мученичество, аскетизм, вольное и невольное страдание и подвиг — условия очищения и роста христианского духа, сближения неба и земли. Нужно присмотреться к личности и мысли святого Игнатия Богоносца, второго после апостолов епископа Антиохии Сирийской, чтобы многое понять в жизни Церкви II и III веков, да и вообще в жизни церковной всех веков.

И словом и примером святой Игнатий был вестником победы христианства в завязавшейся борьбе. Враг еще только начал свое нападение, а святой Игнатий своим личным подвигом и своим словом дал противнику лучший ответ, разрушающий козни «князя века сего». Господь дал Церквам в тяжелую минуту в лице святого Игнатия лучший пример и руководство. Святой Игнатий силой пламенного духа, в нем раскрывшегося, показал, что должным образом принятое гонение со всеми его ужасами, вплоть до смерти, не только не ослабляет христианства, но служит лучшим для него путем очиститься и достигать своего высшего сокровенного блага — достигать Христа (см. его Послание к Римлянам). Христиане — «ветви креста».

---

* Послание к Магнезийцам. 5.

А Богом внушенный завет, который святой Игнатий оставил Церквам, идя на смерть при трепетном внимании всей Церкви, устранял самое уязвимое, что было в христианском обществе. Идя на смерть, он писал Церквам: «Дух возвестил мне, говоря так: без епископа ничего не делайте, любите единение... бегайте разделений» (Филадельфийцам, 7). Против попыток внести в Церковь разделение — дух мирского умствования и любопрения философских школ с плодами его — ересями и расколами, — он научал «во образ нетления», то есть отражал на земле вечное Божественное единство, призывал сплотиться вокруг достойных иерархов, обретать путем деятельного послушания епископам, пресвитерам, диаконам таинственное евхаристическое единение во Христе, «лучше которого ничего нет», ибо «полезно вам быть в невозмутимом единении между собой, чтобы всегда быть и в союзе с Богом» (Ефесянам, 4), наслаждаться «миром в плоти, и крови, и страдании Иисуса Христа» (Приветствие Траллийцам).

Той части христианства, которая пошла по следам святого Игнатия и крепко держалась церковного пути, нечего было опасаться. По слову святого Игнатия, она «могла выдержать всякое насилие князя века сего и, избежавши его, приблизиться к Богу» (Магнезийцам, 1). Победа ей была вовеки обезпечена. Гонение приближало ее к цели, отрывало от мира, соединяло с Богом.

Так повернуть острие опасности, которая, казалось, грозила гибелью христианства, было делом, над которым, прежде всего, потрудились малоазийские учителя во главе со святым

Игнатием и святым Поликарпом Смирнским. Они подготовлены были к тому самими апостолами. По словам Златоуста, святой Игнатий «близко общался с апостолами... с ними воспитывался и везде при них находился, имел общение с ними и в речах, и в неизреченном»¹⁶.

Христианам, которые по разным причинам тянулись в конце II века на сделку (компромисс) с язычеством и вообще миром греха, противостояли те из их собраний, которые жили иными целями, иными благами, иными радостями и надеждами.

Самыми яркими выразителями последних были мученики. Мученичество, как исповедание перед судом, и мученическая смерть были лишь завершением мученического подвига целостной жизни христианина. Мученичество было соблюдением во всей целостности и чистоте некоей иной жизни и иного Духа, которые не могли смешиваться с жизнью «мира сего», с духом мира сего.

Среди писаний этого времени жизненный идеал «мучеников» нашел себе выражение в мученических актах Аполлония, Филицитаты и Перпетуи, Лионских мучеников и других и, наконец, святого Киприана Карфагенского, который и внутренне как бы завершает мученическое время в жизни Церкви. Святой Киприан был еще жив, когда родился преподобный Антоний Великий, а Павел Фивейский ушел в пустыню, когда Церковь уже начала готовить на смену мученичеству монашество, которое впоследствии руководило в борьбе с грехом, с обмирщением Церкви, созидало Царствие Божие в мире, не смешиваясь с миром.

В чем же состоял жизненный идеал хри-

стиан на грани III века и что он противопоставлял язычеству и полуязыческому мирозерцанию? Вот несколько основных мыслей Тертуллиана, который ярче других ответил на этот вопрос.

«Мы все (Тертуллиан понимает живых духом членов Церкви. — С. М.) составляем храм Божий через освящение нас Духом Святым при крещении». Ради чистоты этого храма, без которых этот храм уже не храм Духа Святого, Тертуллиан борется против всех проявлений суетности, тщеславия, изнеженности и всякого обмирщения среди христианского общества, и этому посвящены его сочинения: «О женских украшениях», «Об идолопоклонстве» и многие другие.

Но что если нарушена святость этого храма, поправа чистота и Дух Святой оскорблен?

Тертуллиан зовет грешников вновь восстанавливать разрушенное, вновь примкнуть к телу Церкви покаянием:

«Итак, если ты находишь (в исповеди и покаянии) после крещения второе средство спасения от геенны, зачем пренебрегать тем, что тебя должно спасти?»*

Во имя чего же он учит не увлекаться мирской жизнью и многими ее благами?

У христианства есть свое особое «сокровенное благо», неизвестное миру (Апология, 1). Истинные христиане составляют, поэтому, особый народ, отличный от всякого народа на земле.

Христианство вносит решительную переоценку того, что благо в мире, чего, по преимуществу, нужно искать. Христианство — тай-

---

* О покаянии. 10, 12.

на для мира, загадка, откуда у христиан такая сила и особенно радость при перенесении мучений, при встрече смерти? Но и в жизни не загадочно ли их поведение? Во имя своего «сокровенного блага» они не боятся оставлять самые, казалось, естественные и «законные» радости земли, которых они не отрицают: многие христиане обязываются «хранить непрерывно девство». Другие люди воздерживаются от употребления вещей, Самим Богом признанных нужными, от мяса и вина. Что же они этим достигли, чего искали? Кратко Тертуллиан выразил это в «Послании к жене», научая ее, чего искать воздержанием: «Ищи общения с Богом».

В девстве всего яснее было «сокровенное благо христианства». Тертуллиан говорит о девах следующее: «Они сделали выбор свой, стали супругами и дочерьми Бога своего, живут и беседуют с Ним, не оставляют Его ни днем ни ночью, принесли Ему в приданое молитвы свои, они ожидают от Него в брачный подарок благодати и милостей, которых всегда и удостаиваются. Они избрали благую часть и, отказавшись от замужества на земле, считаются уже в семействе Ангелов».

Путь к истине, путь к Богу он видит в молитве, в таинствах, в подвиге. «Искание истины» в философско-богословском смысле, даже погружение в глубины Священного Писания христианских догматов, само по себе его не привлекало. «Дух, исполненный Бога» для него — дух молящийся, а не дух пытливого созерцания. Идеал «гностика» был ему совершенно чужд. Карфаген продолжал дело Малой Азии, где молитву, пост и воздержание предпочитали всяким умствованиям и ухищрениям.

Особенно четко проступает у Тертуллиана мироощущение эпохи в оценке мученичества. Катастрофа, потеря всего, с точки зрения язычества, ненужная жертва, по мнению гностиков, мученичество в глазах Тертуллиана было увенчанием жизни, освобождением и «торжеством ума». Это было освобождение от всех тех условий жизни мира, которые не давали раскрыться во всей полноте христианскому мироощущению. Об этом писал Тертуллиан (197 год) в тюрьму мученикам: «Мир есть истинная темница. Вы как бы вышли из нее, а не вошли в нее... Темна ли темница ваша? Мир еще более покрыт густым мраком, ослепляющим ум. Находитесь ли вы в оковах? Мир носит тяжчайшие цепи, изнуряющие душу. Заразительно ли жилище ваше? Мир преисполнен вредных испарений, несравненно несноснейших — это соблазны и распутства. Сравнены ли вы с преступниками? Мир заключает в себе гораздо более виновных, я хочу сказать, весь род человеческий.... Вы связаны путами, но вы свободны в Боге... Темница дает средства христианину находить в ней те же выгоды, какие пророки находили некогда в пустыне.

В этих словах Тертуллиана чувствуется приближение монашества, которое пойдет искать в уединении свободы от мира, свободы от забот мира, искать в уединении Славу Божию. Мысли, подобные Тертуллиановым, были во II веке общим достоянием. Если христианин был готов, если шел на мученичество не самонадеянно, а призванный волей Божией, он, по общему убеждению, обретал в мученичестве с наибольшею яркостью и полнотой то, что искал всю жизнь и что уверен был таким образом сохранить уже навеки: полноту богообщения,

любовь, радость и мир. Мученики достигали этого в такой полноте и очевидности, что имели обычай: чем владели сами (миром, жизнью благодатной), то сообщали нуждающимся, обильно проливая о них слезы пред Отцом... Они просили жизнь, и Отец давал им... Через живых оживали и мертвые»¹⁷.

Для II и отчасти III веков мученичество было источником обновления, явлением силы и победы христианства, примером и руководством. В мученичестве спадали цепи, задерживающие полет христианской надежды; человек оставался перед лицом Божиим; покинув, правда, все блага, но и всякие заботы и все ложные надежды мира сего.

Тем с большею уверенностью и радостью, с большею яркостью обретал он мир и свет Божия благодати, которые в суете и шуме обычной жизни только слабо ему просвечивали.

Не менее стойким духовным борцом наряду со святым Игнатием был близкий ученик святого апостола Иоанна Богослова — святой Поликарп, епископ Смирнский. Послания его открывали христианам слово истины. В Послании к Филиппийцам, воспитанным апостолом Павлом, он поощряет их все более углубляться в то, чему учил их апостол Павел. В то же время он знакомил их с наставлениями апостолов Петра и Иоанна, тем самым расширяя их христианский кругозор.

Даже враги, впервые увидевшие святого Поликарпа, покорялись святостью и простотой его благодатной личности. Ученики его любили и берегли, прятали от преследований язычников, пока он сам по воле Божией не счел более ненужным скрываться и не отдал себя в их руки. Святой Поликарп уже глубоко-

ким восьмидесятипятилетним старцем перед самой своей мученической кончиной предпринял далекое путешествие в Рим (в 154 году). Вероятно, к этому побудила его ревность об истине, которая тогда особенно подвергалась нападению в этом мировом центре.

Как будто все еретики сговорились прислать сюда своих выдающихся представителей. Как ни странно, Рим не имел сколько-нибудь выдающегося защитника Православия. Малая Азия пришла на помощь. Из Ефеса прибыл сюда святой Иустин, который горячо боролся против всех видов ересей. Боролся против гностиков святой Иринеи. Но особенно сильное впечатление произвел в Риме приезд знаменитого Смирнского епископа, ученика самого апостола Иоанна Богослова, славного старца — святого Поликарпа. Всем было ясно, что «такой человек гораздо достовернейший и подлиннейший свидетель истины, чем какой-либо из еретиков».

Малоазийские старцы и их ученики немало содействовали тому расцвету христианской жизни, который вскоре обнаружился на Западе. Ученики малоазийских старцев руководили христианами Галлии (западных церквей), одним из таких учеников святого Поликарпа был святой Иринеи.

Описание мученической кончины святого Поликарпа

Когда воины пришли забирать святого Поликарпа, они были в восхищении его спокойствием и почтенным видом, он беседовал с ними весело и спокойно. Когда его привезли

на место казни — на стадион, услышал голос с неба: «Крепись, Поликарп, и мужайся». Того, Кто сказал это, никто не видел, а голос слышали многие из наших», — пишут смирняне. Проконсул начал располагать его к отречению от Христа. «Клянись гением кесаря, скажи: „Смерть безбожникам“». — «Уже восемьдесят шесть лет я служу Христу, как мне хулить своего Царя и Спасителя?» Когда Поликарп на возобновленное предложение проконсула, видимо в надежде заставить отречься такого видного христианина клясться гением кесаря, произнес слова, после которых по закону подлежал казни: «Если ты тщеславишься тем, что заставишь меня клясться «гением кесаря», как ты выражаешься, и притворяешься, будто не знаешь, кто я, то слушай решительное мое показание: я христианин. Когда хочешь узнать учение христианина, назначь день и выслушай», — проконсул не спешил выносить приговор, давая понять святому, что не он, а народ хочет его смерти. «Убеди народ».

— Тебя удостаиваю своей беседы, — сказал святой Поликарп, — потому что нас учили воздавать должную честь поставленным от Бога властям, если она (эта воздаваемая честь. — С. М.) не вредит нам, а народ не признаю достойным того, чтобы защищаться перед ним.

— У меня есть звери, если не переменишь своих мыслей, я брошу тебя им.

— Зови их, мы не меняем лучшего на худшее: хорошо менять только зло на добро.

— Ты презираешь зверей? Так я заставлю тебя смириться посредством огня, если не переменишь мыслей.

— Ты грозишь мне огнем, горящим вре-

менно, потому что ты не знаешь об огне будущего вечного мучения, который уготован нечестивым. Делай что хочешь.

Говоря это и многое другое, Поликарп исполнился дерзновения (или крепости) и радости, лицо его сияло благодатию. Он не только не смутился от допроса, а, напротив, привел в смущение проконсула.

Допрос кончился. Проконсул послал глшатая три раза возгласить на стадионе: «Поликарп объявил себя христианином».

Тотчас толпа язычников с неукротимой яростью громогласно закричала: «Он учитель Азии, отец христиан, истребитель наших богов, это он научил не приносить жертвы и не кланяться богам». Народ потребовал выпустить льва на Поликарпа, но распорядитель отказался, так как бой со зверями окончился. Народ завопил: «Сжечь Поликарпа живым». Исполнилось пророчество святого Поликарпа. Народ собрал костер. Святой Поликарп снял с себя все одежды и, развязав пояс, разулся сам, так как ученики с любовью всегда его разували.

Его хотели пригвоздить, но он сказал: «Оставьте меня так. Дающий мне силы переносить огонь даст силы и без ваших гвоздей оставаться на костре недвижимым». Его привязали. Святой Поликарп помолился — благодарил Бога, что удостоился «получить честь в числе мучеников в чаше Христа».

Закончив молитву славословием Святой Троице, он произнес: «Аминь». Подложили огонь. «Пламень сильно поднялся, и те из нас, — пишут смирняне, — которым дано было, увидели чудо и пересказали другим, быв для этого сохранены сами. Огонь принял форму

шатра, подобно корабельному парусу, надутому ветром, окружил тело мученика так, что, находясь в середине, оно казалось не плотию сожигаемой, а золотом и серебром, разжигаемым в горниле. При этом мы ощущали такое благоухание, как бы курился ладан или какой-либо другой драгоценный аромат. Наконец, видя, что тело не может быть испепелено огнем, беззаконники велели подойти зверобойцу и вонзить в него меч. Когда он это сделал, то кровь вытекла в таком множестве, что погасила огонь.

*Описание мученической кончины святого
Игнатия Богоносца,
епископа Антиохийской Церкви*

(Взятое из мученических актов,
в так называемой Антиохийской редакции,
IV век)

Мученические акты сообщают об Антиохии следующее: «Святой Игнатий, ученик апостола Иоанна, правил Антиохийской Церковью как мудрый кормчий. С большой осторожностью вел он свой корабль среди бурь, противоборствуя им то молитвою и постом, то силою слова, то чистотою своего учения. Видя успокоение от бури, он благодарил Бога за тишину, которой пользовалась Церковь. Но он казался недоволен собой, упрекал себя в малой любви к Иисусу Христу, он вздыхал о мученичестве и был убежден, что только мученическая смерть могла его сделать достойным приближения к Богу, Которому служил».

Здесь прибавим предание, сохраненное историком Сократом (IV—V век), в котором говорится, что святым Игнатием введено было

антифонное пение в церквах Антиохии. Ему было видение, что так славят Святую Троицу Ангелы на небе. Его любовь к пению сквозит в его Посланиях. Он любил музыкальные образы. И даже говоря о своей предстоящей смерти, он выражает римлянам, среди которых готовился умереть, одно предсмертное желание: «Не делайте для меня ничего более, как чтобы я был заклан Богу теперь, когда жертвенник уже готов, и тогда составьте любовию хор и воспойте хвалебную песнь Отцу во Христе Иисусе, что Бог удостоил епископа Сирии призвать с Востока на Запад. Прекрасно мне закатиться от мира к Богу, чтобы в Нем мне воссиять» (см.: Рим. 2).

Частым общим молитвам, как частому соединению в единой Евхаристии, он придавал великое значение для созидания христианского духа. Так, руководя Антиохийской Церковью, он дожил до времен Траяна.

Мученические акты передают исповедание его веры в разговоре с Траяном:

— Кто ты, злой демон, что стараешься нарушить наши законы, да и других убеждаешь к тому же, чтобы они погибли несчас-тно?

— Никто, — отвечал святой Игнатий, — не называют Богоносца злым демоном: злые духи бегут от рабов Божиих. Если же ты называешь меня злым для этих демонов, потому что я неприятен им, я согласен. Имея Христа, пренебесного Царя, я разрушаю их сети.

— А кто такой, — спросил Траян, — Богоносец?

— Тот, кто имеет Христа в сердце своем, — отвечал Игнатий.

— Разве мы, думаешь ты, не имеем в душе богов, которые помогают нам против врагов?

— Ты заблуждаешься, называя египетских демонов богами. Один есть Бог, сотворивший небо и землю, море и все, что в них, и Един Христос Иисус, Единородный Сын Божий, Который да будет ко мне милостив.

— Ты говоришь о распятом при Понтии Пилате?

— Да, о Том, — отвечал святой Игнатий, — Который распял на кресте мой грех вместе с виновником его и всю демонскую лесть, всю злобу осудил и поверг к ногам тех, кто носили Его в сердце.

— Итак, ты носишь в сердце Распятого?

— Да, ношу, ибо написано: вселюся в них и похожу.

Траян произнес следующий приговор: «Повелеваем Игнатия, который говорит, что носит в сердце Распятого, отвести в оковах в Рим под воинскою стражею и там предать на съедение зверям для забавы народа».

В ответ на исповедание святым Игнатием христианства Траян только уточнил, что это есть вера в распятого недавно римским чиновником преступника. В ответ на уверенность в помощи носимого в себе Распятого — приговор, по мнению Траяна, обнаруживал бессилие христианской веры и ее Бога. Встретились два самых замечательных в этом поколении представителя Церкви и мира и разошлись, чтобы пойти каждый по своей дороге.

Святой Игнатий, выслушав приговор, воскликнул с радостным воодушевлением: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты удостоил меня засвидетельствовать совершенную любовь к

Тебе и удостоил чести быть связанным узами, подобно апостолу твоему Павлу».

В своих Посланиях святой Игнатий с нежностью называет свои узы «духовным жемчугом, в котором желал бы и воскреснуть (Ефесянам 11). Он сам себя заковал, со слезами помолвившись Богу о своей Церкви, которая вся подверглась преследованию. Подробностей мы не знаем. По-видимому, расправа с главой Антиохийской Церкви отвела удар. Уже по дороге в Рим, в Троаде, святой Игнатий получил известие, что в его Церкви водворился мир и восстановилось Ее «малое тело» (Смирнянам, 11).

С охотой предал себя святой Игнатий отряду воинов, который должен был отвести его на смерть в Рим. Что он при этом чувствовал, мы узнаем из его Посланий: «Я пламенно желаю бороться со зверями, — писал он, — начало положено хорошо, сподоблюсь ли благодати безпрепятственно получить мой жребий?» «Я желаю страдать, — пишет он, — но не знаю, достоин ли». Он даже сам опасался того избытка ревности о страдании, который в нем кипел. Он опасался тщеславия в своем подвиге и писал Церкви с просьбою молиться и очищать его дух. «Смиряю себя, чтобы не погибнуть от тщеславия. В настоящее время еще более мне нужно не внимать надмевающим меня, ибо, хваля меня, они наносят мне раны. Я желаю страдать, но не знаю, достоин ли. Ревности во мне многие не видят, а она сильно борет меня. Посему нужна мне кротость, которою низлагается князь века сего» (к Траллийцам, 4). «Ваша молитва к Богу совершит меня, чтобы я достиг назначенного мне милостию Божией жребия» (к Филадельфийцам, 5).

Но все опасения смиренной его души исчезают, когда ее касается благодать Того, ради Кого он в подвиге. Укрепленный Господом, он уже не опасался стремиться к смерти, ибо чувствует в этом не свою только волю, а волю Божию: «Если волею Божией достоин этого (мученического жребия), то не по моему сознанию, а по благодати Божией, которой желаю сподобиться во всей полноте, чтобы при молитве вашей прийти мне к Богу» (Смирнянам, 11).

Святой Игнатий по дороге в Рим, достигнув Смирны, окруженный проявлениями нежности и внимания малоазийских христиан, стал опасаться, что и римские христиане его пожалеют, окажут ему, как он выражается, «неблаговременную любовь» и воспрепятствуют тем или иным путем его мученической смерти.

Это опасение принудило его вскрыть тайники своей души. Оно нам обнажило, чем жило сердце, созревшее для мученического подвига. Пока святого Игнатия чествовали, как мученика, превозносили за его подвиг, он, смиряясь все больше, обнаруживал опасения — готов ли он на мученическую смерть, достоин ли, просил молитв... Но когда он почувствовал, что Бог его призывает, а люди делаются препятствием, то, как бурный поток, он устремился к своей цели. «Живой пишу вам, горя желанием умереть. Моя любовь распялась, и нет во мне огня, любящего вещество, но вода живая, говорящая во мне, взывает изнутри: „Иди ко Отцу“» (Смирнянам, 7). Этот призыв Духа Божия сделал ему вожденным все то, чем думала языческая власть положить предел христианству: «Огонь и крест, толпы зверей, рассечения, расторжения, раздробле-

ние костей, сокрушение всего тела, лютые муки диавола пусть придут на меня — только бы достигнуть мне Христа» (Смирнянам, 5).

Ничтожны оказались все орудия борьбы язычества, все его ужасы оказались лишь путем к Богу. Что могли сделать они христианам, которые подобны святому Игнатию? Уже не врагам, а друзьям пишет он свою просьбу: «Умоляю вас, не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищей зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия — пусть измельят меня зубы зверей! Молюсь, чтобы они с жадностью бросились на меня. Я заманю их, чтобы они тотчас же пожрали меня, а не так, как они некоторых побоялись и не тронули. Если же добровольно не захотят, я их принужу. Простите мне: я знаю, что мне полезно. Теперь только начинаю быть учеником. Невидимое, не видимое, не удержит меня прийти к Иисусу Христу» (Смирнянам, 5, 6). «Дайте мне быть подражателем страданий Бога моего. Кто сам имеет Его в себе, тот пусть поймет, чего я желаю» (Смирнянам, 6). Язычники удивлялись, видя радость на лицах замученных и умиравших христиан. Послание святого Игнатия приоткрывает, чему радовались его собратия, почему шли на смерть победителями. «Лучше мне умереть за Иисуса Христа, нежели царствовать над всею землею. Его ищу, за нас умершего. Его желаю, за нас воскресшего» (Смирнянам, 6).

Отряд воинов вел святого Игнатия окружным путем через Малую Азию попеременно сушей и морем. Антиохия, Малая Азия, Македония, Рим — почти вся Церковь увидела святого Игнатия в его узах. В попутных городах христиане стекались со всех сторон, ободряли

подвижника, подвизаясь вместе с ним в молитвах, снабжая всем необходимым его. И сами они получали немало утешения, видя мученика, идущего на смерть с такою готовностью, с какою естественно было идти призываемому в Царские небесные чертоги. Из мужественной ревности и светлого взора его они самым делом убеждались, что то, на что он шел, было не смерть, но некоторое отшествие, переселение и восхождение на небо. Этому научал он и словами, и делами все города, какие проходил... Он прошел дивным учителем не только для жителей Рима, но и для всех городов, лежащих на пути... он совершил путь, как какое-нибудь солнце, восходящее с востока и текущее на запад... Как горячее солнце, согревал он всех малодушных и слабых.

В Смирну собрался повидать святого Игнатия целый собор окружных епископов и выдающихся христиан. Здесь был близкий святому Игнатию по духу святой Поликарп, епископ Смирнский, видный ученик апостола Иоанна, и, что особенно было дорого святому Игнатию, сюда прибыли ефесяне — его «соучители», соученики апостола Иоанна.

Святой Игнатий пишет послание каждой Церкви соответственно Ее нуждам и духовной силе.

К ефесянам, как окрепшим в духовной жизни, он пишет о тайнах христианской веры и собирается в другом послании углубить свою беседу. Совершенно иначе пишет он к траллийцам — он их оберегает, как младенцев, в духовном и отказывается говорить о небесном.

Святой Игнатий с начала до конца Послания всячески себя смиряет перед теми, кого Бог призывает его наставлять. Святой Игнатий не

дает себе забыться, напоминает себе и другим, что подлинный подвиг его еще впереди, что он может ослабеть, что он только в «будущей битве со зверями» посредством мученичества должен сделаться истинным учеником Божиим (Ефесянам, 1), что теперь он только начинает учиться, что он еще «в опасности». И вообще, он только отречение Ефесской Церкви, он «последний из верующих» вверенной ему Церкви. Таково смиренное самосознание первого по значению епископа и мученика начала II века.

Рассказы самих мучеников могут ознакомить нас с внутренним миром их гораздо ближе, нежели, может быть, целые тома, написанные о них.

Рассказ мученицы из Карфагена святой Перпетуи

Около 200 года император Септимий Север издал декрет, запрещающий под угрозой смерти всякие обращения в христианство*. Тюрьмы стали быстро наполняться. В первую очередь забирались вновь обращенные — оглашенные, недавно крещенные. Это распоряжение сильно ухудшило положение христиан, хотя, как мы увидим, ненадолго. Среди христиан заговорили о приближении времен антихриста**. Начались гонения в Александрии, затем в Карфагене. Кусочек того, что делалось в Карфагене, сохранил рассказ мученицы Перпетуи.

---

* В декрете было сказано: «в иудейство и в христианство», но удар был направлен на христиан, так как во II и III веках было мало случаев обращения в иудейство.

** Евсевий. 6, 7.

В Карфагене «были задержаны оглашенные, то были Ревокат и Филицитата, двое рабов Сатурнин и Секунд, двое молодых людей и, наконец, Вибия Перпетуя, знатного происхождения, изысканного воспитания, сделавшаяся в своем замужестве матроной (женой патриция. — С. М.). У нее были еще отец, мать, два брата, из них один был также оглашенный. Еще был у нее грудной младенец. Ей было 22 года. Она написала рассказ о своем мученичестве целиком своею рукою». Кроме автобиографического рассказа самой святой Перпетуи, в Акты вошло еще описание ее кончины, сделанное каким-то очевидцем, запись видения одного из мучеников, с нею пострадавшего, запись допроса сотоварищей Перпетуи.

Рассказ святой Перпетуи без всяких предварительных объяснений вводит нас в случившееся в Карфагене в 202—203 годах. Поясним со своей стороны, что отец Перпетуи был язычник. Рассказ начинается с ее задержания.

«Пока мы были еще среди тех, кто нас искал (или преследовал), и мой отец со всей ожесточенностью пытался меня отворотить и погубить, он слушался только своего чувства привязанности.

„Отец мой, — сказала я ему, — ты видишь этот сосуд или вазу или как хочешь назови это?“

Он сказал: „Вижу“.

Я продолжала: „Можешь ли ты назвать его иначе, чем сосуд (ваза)?“

Он сказал: „Нет“.

„Так вот, — говорю я, — и я не могу называть себя иначе, чем христианкой“. Мой отец, вне себя от этих слов, бросился на меня выры-

вать у меня глаза, но, обойдясь со мною грубо, он удалился со своими вражескими убеждениями побежденным.

Он не показывался несколько дней, и я возблагодарила Бога: его отсутствие было мне облегчением. В течение именно этих нескольких дней мы получили крещение. Что до меня, Дух Святой внушил мне в то время, как я погружена была в воду, ничего другого не просить, как только крепости телу.

Несколько дней спустя нас поместили в темницу, и я пришла в ужас, так как никогда не переносила подобной тьмы*. Ужасный день! От большого числа заключенных стоял тяжкий жар, сверх того, приходилось терпеть грубости солдат (стражи) и, наконец, одна мысль о моем ребенке лишала меня всякого покоя. Тердий и Помпоний, дорогие диаконы, которые о нас заботились, с помощью денег добились того, чтобы нам ежедневно на несколько часов предоставлена была прогулка. Выйдя из помещения тюрьмы, каждый заботился о себе. Что касается меня, то я кормила своего ребенка, полумертвого от голода. В страхе за него, я говорила со своей матерью, я укрепляла брата, я препоручала своего сына. Я страдала, видя страдания других за меня... Так продолжалось несколько долгих дней. Наконец я добилась, чтобы ребенок оставался со мною в темнице, после этого я уже не страдала, все мои муки и заботы рассеялись, и тюрьма сделалась для меня местом отрады, которое я предпочитала всякому иному местопребыванию.

Тогда мой брат мне сказал: „Госпожа, се-

---

* Тюрьмы тогда были буквально «темницы» — неосвещенные каменные мешки.

стра моя, ты теперь удостоена великой степени (он разумел исповедничество), проси у Бога показать тебе, кончится ли все это смертью или нашим оправданием“.

Имея общение с Богом, благодаяния Которого я испытала, я ему отвечала с уверенностью: „Я скажу это тебе завтра“. После этого я помолилась, и вот что мне было показано: я увидела лестницу золотую, очень высокую, так как она поднималась до неба, и очень узкую, по ней поднимались только поодиночке.

К подъему лестницы были привязаны разного рода железные орудия. Видны были мечи, копья, кинжалы, расположенные так, что если кто-нибудь поднялся бы (по лестнице) небрежно и не глядя наверх, он был бы растерзан на кусочки и куски его тела повисли бы на этих орудиях. У подножия лестницы был громадный дракон, который готовил ловушки тем, кто подымался по лестнице, и пугал их, чтобы помешать им подыматься. Сатур (вероятно, катехизатор — наставник Перпетуи) поднялся первый — он сам предал себя в руки властей ради нас — он был в отсутствии во время нашего задержания. Он достиг верха лестницы, обернулся ко мне и сказал: „Перпетуя, я бодрствую о тебе, но берегись, чтобы дракон тебя не укусил“. Я отвечала: „Во имя Иисуса Христа, он мне не сделает зла“. Как будто опасаясь меня, дракон медленно поднял голову, но, достигнув первой ступени лестницы, я раздавила его голову. Я поднималась и обнаружила необъятный сад, среди которого увидела Мужа с белыми волосами, одетого Пастырем, высокого роста. Он сидел и занимался дойкой Своих овец и вокруг Него стояло много тысяч людей в белых одеждах».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Священномученик Сергей Мечев* (1892—1941). «Тайны Богослужения». — М., 2001. Замечательный проповедник XX столетия, пастырь добрый, мученик за веру. Сын известного московского старца — Алексия Мечева. Православному читателю известны его беседы на Праздники церковного годового круга и Великий пост, проповеди и беседы о Церкви, о молитве, о страхе Божиим и другие.

² *Мефодий Патарский* (III—IV вв.), святой, епископ, церковный писатель, священномученик, отец Церкви III века.

³ *Протоиерей Иоанн Журавский* родился 12/15 сентября 1867 г. в волости Лауден Мадонского уезда. Отец и дед его были священниками. Отец Иоанн окончил Рижскую духовную семинарию и служил священником в Риге. Протоиерей Иоанн был великим молитвенником и достиг большой святости. Он имел дары от Бога: исцелений, прозорливость и видение невидимого духовного мира. Он видел души усопших людей, души святых, у раков которых молился, своего Ангела хранителя. Служил священником до девятиностопятилетнего возраста. Умер 31 марта 1964 г. Те, кто приезжают на его могилу, получают помощь: исцеления, вразумления, по их прошению.

⁴ *Симеон Новый Богослов* (949—1022), святой, византийский религиозный писатель и мыслитель-мистик.

⁵ *Сергей Павлович Мансуров*. «Очерки из истории Церкви». Родился 14 июня 1890 года в резиденции русского посольства в Константинополе, где его отец Павел Борисович служил секретарем (в дальнейшем директор Архива Министерства иностранных дел в Москве).

Среди предков Сергея Павловича по линии отца много известных деятелей русской истории, например генерал-губернатор Москвы, герой войны 1812 г. князь Д. В. Голицын. В 1926 г. Сергей Павлович был посвящен в священника, служил в Сергиевом женском монастыре в двенадцати километрах от города Вереи. Преставился отец Сергей 2 марта 1929 г.

⁶ *Хилков Дмитрий Александрович* (1858—1914), князь, русский религиозный философ-славянофил, писатель, поэт.

⁷ *Новоселов Михаил Александрович*. По книге: «Письма к друзьям». Родился в 1864 г. в Тверской губернии. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Посвятил всю свою деятельность Православной Церкви. Написал много трудов религиозно-философских, богословских. Заслуги его в деле духовного просвещения и христианской апологетики были столь несомненны, что в 1912 г. он был избран почетным членом Московской духовной академии. Являлся также членом училищного Совета при Святейшем Синоде.

⁸ *Марк Подвижник* (IV—V вв.), святой, один из египетских отцов.

⁹ *Скабелланович*. Указ. соч. — Прим. автора. — Здесь цитируется беседа 24 свт. Григория Паламы.

¹⁰ Кратко об этом см.: *Булгакова С. Н.* Первохристианство и новейший социализм (Религиозно-историческая параллель). Вопросы философии и психологии. Кн. 98. 1909. С. 215—269. Прим. автора.

¹¹ «Пастырь». Видение второе. IV.

¹² Там же.

¹³ «Пастырь» опубликован в кн.: «Писания мужей апостольских». Рига, 1994. С. 198—285.

¹⁴ «Пастырь». Подобие первое.

¹⁵ Там же. Видение четвертое.

¹⁶ Творения. Т. II. Похвала святому Игнатию. Прим. автора архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1896 (репринт, М., 1995).

¹⁷ Послание мученикам. 1.

ЛИТЕРАТУРА

РАЗДЕЛ I

Тема 4. «Истинный путь спасения». Составлялась по книге «Истинный путь Богопознания» протоиерея Иоанна Журавского.

Тема 5. Духовный опыт афонского подвижничества. Составлялась из изречений подвижников Афона по книге «Письма Святогорца».

Тема 6. «Трезвенное созерцание» (фрагменты). По книге одноименной. Неизвестного афонского исихаста. Издательство московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Москва, 2003.

РАЗДЕЛ II

Тема 1. «Учение об истинной Церкви». По книге священномученика Сергия Мечева «Тайны Богослужения». Храм святителя Николая в Кленниках. Москва, 2001.

Тема 2. «Духовничество и послушание». Наставления святителя Игнатия Брянчанинова, избранные из его творений. Издательство «Сатис». С.-Петербург, 2002. Книга взята полностью.

Тема 3. «Книга душеполезнейшая о непрестанном причастии святых Христовых Таин». Преподобный Никодим Святогорец, митрополит Макарий Коринфский (книга взята полностью).

РАЗДЕЛ III

Тема 1. «Смирение — основа всех добродетелей». По книге «Одеяние Божества, или О том, как приобре-

сти смирение». Протоиерей Вячеслав Тулупов. Храм Архангела Михаила, Сергиев Посад. 2001.

Тема 4. «Сказания о подвигах жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника, с присокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской обители Агафии Симеоновны Мельгуновой». Издание иеромонаха Иоасафа. СПб., 1849 г.

Тема 5. «Христианское мирозерцание». По книге «Очерки из Истории Церкви» священника Сергея Мансурова. Фонд «Христианская жизнь». Клин, 2002 г.

1) Послание Смирнской Церкви о мученичестве святого Поликарпа.

2) Мученический акт святителя Игнатия Богоносца Антиохийской редакции.

3) Мученический акт мученицы Перпетуи. 2002 г.

прп. Прокопий
Дикаполит

св. Флор

свт. Кирилл
Александрийский

Ангел Хранитель

св.т. Петр

прп. Марія

св. Давр

